

Анатолий Пчёлкин
Непогодь
стихи перестроечных лет

Памяти мамы моей Евдокии Ивановны

Анатолий ПЧЁЛКИН

НЕПОГОДЬ

стихи
перестроечных
лет

Магадан
2000

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5
П 92

* * *

Верил Сталину. Верил Хрущеву.
И льстецам, и хулителям их.
Эту веру считал за основу
правоверных позиций своих.

И когда респектабельный Брежнев,
сдвинув брови, расправивши грудь,
слово вымолвил, —
батюшки, грешен! —
и в него я поверил чуть-чуть.

Орденскими блистая блинами,
вот и он обронил удила,
не оставив печали меж нами,
но и нам — ни двора, ни кола.

Очи долу пред сыном вперяю,
но, опять доверяясь добру,
одобряю я всё,
одобряю...
А не грех ли на совесть
беру?

21 сентября 1987 г.

ББК 84 (2Рос=Рус) 6-5

* * *

Скрип Державы. Стон души.
Треволненья тела.
Песня, выживши во лжи,
вдруг оторопела.

Идеал её любви,
что был так безгрешен,
вышло — круто на крови
и слезах замешен.

И — от страха, что солгу
снова поневоле, —
рад бы петь, да не могу:
песня
стынет
в горле.

* * *

Я людям добрым доверял
и деньги, и тряпьё,
а если что при том терял —
на то оно моё:

хочу — сорю, хочу — дарю,
хочу — даю за так.
Да не достанется ворью
мой трудовой пятак.

Пускай сочтут за дурака
дельцы и шулера,
но жизнь мне тем и дорога,
что может быть щедра.

Не модно нынче? Ну и что ж, —
положим, что и так.
А ты, торгаш, барыш итожь:
вот я даю, а ты дерёшь —
так кто из нас дурак?

О, кто почём, и кто какой,
кому и что зачтут
на то ответит суд людской,
а позже —
Божий Суд.

* * *

Тетрадь захлопну. Жить начну
с заглавного листа.
А эту — старую — толкну
за сто или полста.

Полсотни — красная цена
такому барахлу.
В ней только жизнь — и та одна,
и та по случаю дана
не Божьему Послу,

а мне — зачатому в грехе
и жившему во зле:
душой на небе и в стихе,
а телом — на земле,

а мыслью, страстью и стихом —
с народом и страной,
что так обмануты кругом...
И мной, увы.
И мной.

НАВАЖДЕНИЕ

На страну-миролюбицу,
на её генотип
навели революцию,
как чуму или тиф,

как затменье, падучую,
как проказы гнильё...
Я любил революцию,
чтил героев её,

верил: истинно лучшие,
нашей славы оплот,
бились в той революции
за страну, за народ.

И — добились... Порушили,
души выжгли дотла,
чтоб о той революции
память до-о-лгой была!

Ах, не знали: обумится
Русь за семьдесят лет!..
Память долгая сбудется.
Память добрая, — нет.

ЧУДОВИЩЕ

Какое чудовище эта страна!
Родная, а жуть продирает:
то славным народом гордится она,
то славным же детям
затылки дырявит.

В Тюмень ли покличет, на БАМ поведёт,
заблудится в Афганистане, —
а славный народ сочинит анекдот,
но выводов делать не станет.

У нас популярней не вывод, а ввод,
бездарный, но вход, а не выход.
Прикажет Премьер: "Подтяните живот!" —
втянуть к позвонку и... привыкнуть.

И что удивительно в славной стране,
иного не ведавшей сроду, —
что всё это нравится, в целом, и мне
и,
кажется,
даже народу.

* * *

Жив — так пой, а плакаться не дело.
Радуйся, что пуля обошла,
друг не выдал и свинья не съела,
даже и жена не предала.

На излёте дней земных, у кромки
поля боя истины и лжи,
не ищи причин для перестройки
ни ума, ни сердца, ни души.

Стало быть, и ворот рвать не надо
и душой казниться ни к чему,
если в дни разора, в дни разлада
впрямь не врал народу своему...

Отчего же горестно и грустно,
вяло озираешься вокруг?
Не с того ли,
что не врал изустно,
да лукавил мысленно,
мой друг?..

* * *

Я люблю разговорную речь.
Есть в ней прелесть особого ряда.
Молвишь фразу — и каторга с плеч.
И легко. И ответа не надо.

И на что мне ваш барский ответ?
Знаю сам: в толчее современной,
может быть, я хреновый поэт,
но зато стихотворец, — отменный.

И прямой человек. И открыт,
как дурак, и ревнивцу, и другу.
— Эх ты, Ванька! — жена говорит, —
шёл бы к Бродскому, что ли, в науку...

Но по трезвости и во хмелю
я ей правды ломоть отрезаю,
что и Бродского тоже люблю,
но народную речь — обожаю.

Горний глас никому не претит,
да повергнет ли нищего в трепет?..
Знак божественный с неба летит,
но земного избранника метит.

ЗЕРКАЛА

Всё меньше люблю зеркала.
Всё глубже они проникают
в заветную область чела,
где мрачные мысли витают.

Всё чаще и резче видны
мои опасенья и страхи
уже не в словах на бумаге,
но даже в изгибе спины,

в заметной усталости плеч,
у рта в опечаленной складке,
дерзающей, впрочем, стеречь
прямую, упрямую речь
от игр в поддавки или прятки.

Но чётче ли контуры зла,
вернее ли вектор исканья,
чтоб — не рубя зеркала,
пройти
в Зазеркалье?..

СОН О СЫНЕ

"А ты на этот свет,
который вам обрыд,
передавай привет", —
товарищ говорит...

Во сне приснился сон:
ко мне приходит сын.
Красив и строен он
и дожил до седин.
Одним я удручён:
— Ты почему один?

Где мама? Где семья?
Подруга жизни всей?..
— Любимая моя
ушла тропой своей.

Разведены мосты,
разрушена семья.
А мама — там, где ты
и скоро буду я...

О сын мой, боль моя!
Горяч твой поцелуй.
Спешить туда, где я
не надо, не балуй.

Здесь время не летит,
пространство не течёт.
Всё хорошо — на вид.
Всё хорошо — на счёт.

Зато насчёт тепла
и дружбы, и любви...
Такие вот дела.
А потому — живи.

Когда бы мог я сметь
вернуться к вам — туда,
я запретил бы смерть,
как глупость.
Навсегда.

В ТЕНИ КАРАДАГА

Осенним холодком пронизана окрестность.
И солнышко, и тишь, а тело вяжет бриз.
И Карадага торс так наведён на резкость —
порежешься, любой скалы его коснись.

Порежешься о мысль,
мелькнувшую в газете,
о хлёсткий матерок из полудетских уст,
о норов продавца, о ржавый болт в котлете:
обидно — гайки нет, а чай и вовсе пуст...

Прозрачны небеса. Безоблачны и льдисты.
Полдневный горизонт полудою покрыт...
Ну что же ты, душа? Одумайся, вглядись ты,
как многомерна даль, как мимолётен быт,

как эта жизнь пестра. Но колокол небесный
материально пуст и ощутимо глух
к сумятице земных и радостей, и бедствий
девиц и мужиков, детишек и старух.

Ни эха от него, ни отзвука, ни вздоха.
Все звуки льнут к земле от скуки и тоски.
Осенним холодком пронизана эпоха.
Лишь теплится душа,
предзимью вопреки...

ПЕНИЕ В КОКТЕБЕЛЕ

Народ еще поёт. Увы, после обеда,
а всё-таки, а всё ж, не с плачем на балкон
выходят пять девиц,
пусть и невзрачных с вида —
российское бабьё невзрачно испокон, —

и в кресла умостясь (плетёные, конечно!),
расслабивши плеча,
стряхнувши с лиц хандру,
вдруг так заголосят — задумчиво, сердечно,
беспечно между тем, как дома на юру.

Одна из них и впрямь не в меру голосиста:
грудная клетка — во! — подклети не видать.
Колонки ль прячет в лиф?
Иль импортный транзистор
гудит у ней в груди? Но, дьявол, — благодать!

Пока мужчины пьют, в густом табачном дыме
узорно матерясь о мире и войне,
тем пением они от внешних бед хранимы,
ранимы без вина и счастливы вполне.

И, с ними воспаря, вдруг ощутишь до дрожи,
с придирчивой тоской взглянув по сторонам:
как мало надо нам для радости. О Боже! —
в том благо или зло,
что мало надо нам?..

ПИЦУНДСКИЕ ПЛЯЖИ

Там откровенничали, лгали,
разборки жаркие вели...
А из-под ног,
а под ногами
часы песочные
текли.

СТИХИ С МАНСАРДЫ

Ты слышишь меня. Но почувствовать — нет, не дано.
Такое, прости, низвергается на душу свыше.
Люблю. Ненавижу. Сегодня и завтра. Давно.
Недавно. Сейчас. На земле и воде. И на крыше.

На крыше земной, не надмирной, — при чём тут Памир?
А впрочем и пусть, улыбайся, — он тоже бездомен.
Нам равно доступен земной и заоблачный мир,
но он — величав, а тебя ненавидящий — скромен.

И равен себе лишь. И верен вечерней любви —
дочернему чувству последнего всплеска печали.

Любовь зазеркальна, в ладони её не лови,
всех любящих в детстве — до детства ещё! — помечали

особою метой. А ты погляди на ладонь:
морщинки на ней безмятежны, невинны и хрупки.
Будь счастлива. Будь! Но огня моей боли не тронь.
Люблю. Ненавижу. И сам в себе ставлю зарубки.

✧

К утру обмелею. И жаль мне тебя и себя.
Ничто не изменится. Море уляжется, разве.
На глади сталистой взъерошатся злые зыбя
и волны умрут. И тоска воцарится в пространстве.

✧

Высокого штиля красив, но обманчив размер,
как волны в раскачке смирны до девятого вала.
Изыди! Оставь. По-хорошему. Я не Гомер, —
его слепота гениальная нас миновала.

Я вижу тебя, проклиная и зренье, и слух,
систему и время, что нас невзначай породнили.
Любовь на двоих не делилась на счастье для двух
нолей статистических в этой комической пыли.

Оставь. Пощади. Отойди от воскрылий моих.
Взлечу и растаю в безмерности звёздного мрака.
Вернусь к верстаку. Пусть бездомным останется стих
и воет в ночи. На тебя и пургу. Как собака.

БРУСНИКА

В тот день было так откровенно в лесу,
задумчиво так, золотисто.
Шалила собака. Аукал Денис.
И ты на меня не ворчала.

Последний сентябрь догоравшей любви.
Бруснику уже прихватило морозцем.
Я встал, распрямился. "Колени в крови", —
подумал. Но снова увлёкся.

И снова искал в порыжелой траве
багровые гроздья брусники.
И пела душа. И аукал Денис.
И ты на меня не ворчала.

Я был благодарен. Тебе и себе.
И сыну. И шалой собаке.
И небу, и лесу, и вообще —
стечению всех обстоятельств,
стечению в мир, не имевший границ, —
так шар не имеет конца и начала.
Душа моя пела. Аукал Денис.
И ты на меня не ворчала.

И новые волны недавней любви
меня захлестнули бы, может быть, если б
не мысль: "Погляди, —
по колени в крови
и ты,
и она,
и собака..."

ПАМЯТИ ПУДЕЛЯ

Пёс твой, пришедший к вам вскорости после меня
(а может, и вместо меня), когда я вдруг заявился,
сразу признал, что я этому дому родня.
Ты и сама дивилась, как радовался , как резвился

твой, за минуту до этого столь своенравный щенок,
валенок, ибо пудель — вредный и прихотливый...
Прошло осеней десять. И снова он у моих ног
и на моих коленях. Состарившийся, счастливый.

Да, уж давно старик он — краток собачий век.
Мне за него больно, а ты до сих пор дивишься:
за что он меня так любит? За то, что я — человек.
А ты, хотя и состарилась, а всё — комиссар-девица.

И вот узнаю от сына: Дервиша больше нет.
Сестрица уж не бодрится и ты всё смелей
хвораешь...
Увы, другая собака уже не возьмёт мой след
на вашем новом пороге, мой "боевой товарищ".

СТИХИ В АЛЬБОМ

Любимая выбрала темный агат
с опаловым солнышком. Из глубины
светилось оно не сильней Луны,
но было теплее. И был богат

оправы серебряный Колизей
в стиле окладов старых икон:
вязь тонких крестиков и вензелей,
и чернь, и прозелень. Террикон

камешка был пепельно сиз
и словно дымился, дышал снежком
на жар наших бледных влюблённых лиц.
Мы покидали с ней Симеиз,
но так и запомнились там — в былом,

где море моря и скал базальт
(зелёный — с красным — на голубом),
куда нам уже не прийти назад,
хотя и живы:
                    она,
                         агат
и я,
написавший стихи в альбом.

КУПАЛЬЩИЦА

Юная купальщица, стройняшка:
грудки-апельсинчики торчком,
попочка призывчиком, — по ком
плачешь ты на пляже городском?
    Вот уж и не время,
    и не место.

И смешно. Ты плачешь — я пою,
глядя на твою колоратуру:
ты собой затмила бы Лауру!
    (Облачил же Бог такую дуру
    в формы совершенного стиха...)

Что реветь? Ужели кто достоин
в радиусе десять тысяч вёрст
этих слёз кристальных, этих звёзд:
катятся — ей-право! — в полный рост,
    так они чисты
    и безутешны.

Я не утешаю. Я пою.
Я тебе завидую, Богиня
плачущая. Искренне. Поныне!
Слёз таких
в нас нет уже в помине...
    Торжествуй и здравствуй:
    горе —
            нам.

* * *

День да ночь — сутки прочь. И опять
день да ночь, день да ночь — неустанно
снег ли, дождь за окном — не понять, —
твердь земли или хлябь океана?

"День да ночь, — я шепчу, — день да ночь..."
А неделя летит за неделей:
то метель наседает на дождь,
то дожди на запятки метелей.

Сутки круглые, ночью и днём,
под настольной корплю полусферой, —
не меняется цвет за окном:
ночью грязный,
а днём грязно-серый.

Что за дрянь привалила зима,
по тоске равнодлинная году?
Сводит тело, и сводит с ума,
словно со свету сводит породу.

И плывёт по волнам бытия,
беззащитна пред небом открытым,
очень схожая Лира моя
с достославным
                    разбитым
                              корытом.

* * *

Время пасмурное, осеннее.
Войны по СНГ — волнами.
Учащаются землетрясения.
Неспокойна земля под нами.

Что-то будет?.. А то и будет,
чего ждём с затаённым страхом.
Сны горячие снег остудит
не ОМОНом, так аммиаком.

Или снова — шальной идеей
новоявленного мессии,
уже ставящего в Вандее
свечи
        за упокой
                России.

ТЕНЬ ТЕНИ

Когда уходит день в туман,
в туман уходит день,
я понимаю: ты — обман,
ты — тени моей тень,

что, по теории, должна
существовать, а вот
простому глазу не видна:
и есть, а не живёт.

Как этот город, пеленой
окутавший себя,
в душе моей ты есть со мной,
но нет со мной тебя.

Кричу, ворочаясь во сне,
проснусь, а боли нет.
Тень с тенью борются во мне
и поглощают свет.

И так туманны близь и даль,
безрадостно житьё,
что временами жизни жаль.
Но и не жаль её.

ГОРОД

В сером туманном мареве
люди — как рыбы в аквариуме,
даже базар красив.
Вышел бы — денег нету.
Торгаш не свояк поэту,
а воровать нет сил.

Глуп городишко. Груб.
Заросли чёрных труб,
водоросли антенн.
Мечутся иномарки
от мойки и до отмазки
в морг. А куда затем?

За тем, за другим, за третьим,
хотим того, не хотим,
мы сами темним и светим
слушаем и следим.

Но учим снова и снова
слитно и по слогам,
рвотно-собачье слово:
"ваучер" — словно — "Гав!"

...Пока я ещё не умер,
язык свой во сне жуя,
мне нравится чёрный юмор
нашего бытия!

СТРАНА-МЕТРО

Лето. Жарко. Душа ленива.
Депутаты преют в Крыму.
В Белом доме пора отлива, —
всё по графику, по уму.

Принимаю причуды жизни,
ход событий, расклад вещей.
Отхотелось жить в коммунизме.
Дальше — больше. Но горячей.

Вот и рынку подохнуть впору.
А по осени, к ноябрю
подоспеет пора террору.
Я без юмора говорю.

Не до юмора, не до смеху.
Гнев грустит на зубах тоски.
Будет где разгуляться эху,
ухнут ежели мужики.

Наши "ахи" всегда на вдохе,
"ох" — полвыдоха. А за "ух",
за его живодёрный дух,
видно, снова платить эпохе.

Я не каркаю, не пророчу,
час ровён — неровна стезя.
Не хотелось бы зреть воочью,
да заочно узреть нельзя.

Деться некуда, брат, во-первых.
Во-вторых, надо всё испить.
Лупцевали красные белых,
будут белые красных бить,

будут желтые лопать черных,
рыжий крашеного сожрёт,
черт некрученный съест Кручёных
и подавится. И помрёт.

Вымрем все. И туда дорога:
смерть ленивым, потрава злым.
Дорог*а* курага у Бога.
Кураём зарастём земным...

Взвизгнет нервный: "Скажите вы хоть,
где же выход?!." Скривлюсь хитро:
— Нету выхода. Вот он — выход:
"НЕТУ ВЫХОДА".
Как в метро.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Москва, октябрь 1993

1. ЗАЧИН

Мир потрясён российскою столицей,
где путают, как номера домов,
премьера — с куклой, депутата — с жрицей,
а соревнование умов
с противостоянием амбиций.

2. ПОБЕДА

Величаво выглядит Победа.
С интересом смотрится война,
если в ней участвует Бабетта
и не наша — в схватке — слабина.

Почему же в этот раз, когда мы
к той победе были так близки,
не рукоплескали наши дамы,
исподлобья дулись мужики?

Потому, мой сладостный сказитель,
что чевой-то было там не так,
и "простой советский" телезритель,
вышло, не совсем-таки простак.

На партийных фракциях не сдвинут,
"вашими" и "нашими" надут,
понимал он: через пять минут
мальчики невинные погибнут,
а Столпы Отечества сбегут.

И случилось то, что получилось:
почернел в печали Белый дом.
Противостоянье завершилось,
да война не кончилась на том.

Шатка нынче власть в стране. И валка.
Чей бандит чьего там сковырнёт, —
мне уже ни холодно ни жарко.
Больно уж мальчишечек тех жалко, —
им Ампилов жизней не вернёт!..

3. НАГРАЖДЕНИЕ

Всё случилось буднично и быстро.
Танковый пришёл дивизион.
Деловито совершил убийство.
И ушёл, собой не удивлён.

И ушёл, ничем не озадачен,
с дульями — во лбу! — наперевес,
налогоплательщиком оплачен,
тем, убитым только что в ВС.

А народ, вперясь в телеэкраны
на просторах матушки-страны,
наблюдая бой со стороны,
безучастно шевелил умами:
то ли мы по-новому гуманны,
то ли мы по-старому дурны?..

Странная какая-то победа:
души торжеством не обдала,
на вопросы не дала ответа,
на ответы свет не пролила.

...Поминальной не прошло декады
как в Кремле, с иголочки одет,
тем танкистам раздавал награды
розовый, довольный Президент.

Понимая существо момента,
на его — отчасти — стороне,
всё-таки,смотреть на Президента
стыдно
        почему-то
                было мне...

ПУЧИНА

1

От трюмов до снастей разорена,
с бунтующей командою в раздоре,
бездомная бескрылая страна
вплывает в бездну. Бездна бед полна
и чёрная дыра зияет в створе.

Ни маяка по курсу, ни костра,
ни лоцмана, ни веры, ни надежды.
В преддверии не смотра, а утра
погоны рвут с себя офицера
и достают цивильные одежды.

А ночь полна пиратских кораблей,
бандитских шхун и воровских посудин.
Поди оборонись и уцелей,
когда фрегат не слушает рулей,
а шкипер пьян и боцман беспробуден...

2

Чем помогу им, пожилой матрос —
поэзии несбывшийся поручик?
Шагали в ногу — расшатали мост,
вразброд пошли — и Родина вразброс,
вразлёт, враздрай. Уж скоро Канин Нос
сорвинитет — жить вне Руси — получит.

"Сорви хоть что, хоть сколько, хоть с кого!"
—
вот лозунг современного отребья.
И подлость и доподлинность его,
и с тем — недавним! — кровное родство,
кому не очевидны в наше время?

Но очевидность очи нам не ест,
не всякий видеть смеет и желает.
Корабль устал. Ночь буйствует окрест.
А впереди — то сессия, то съезд
в пучине слов
        то тонет,
                то всплывает...

ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ ЛЕТА 1993-го

Лесные пожары обступят столицу
колымского края, потонут в дыму
дома и базары, и светлые лица
прохожих померкнут. А если кому

на ум и взбредёт — селезёнка отринет
привычное раньше: пойти и помочь.
Отныне в стране реформации — рынок.
А совесть не купишь. Вот нос и не морщь,

и мощью былого народного лада
на память людскую стихом не дыми.
Мы были — мы были! — подобием стада,
а нынче свободными стали людьми...

Согласен. Сдаюсь. Становлюсь на колени
и нового рабства приемлю устав.
— Свободен! — кричу я. — Но сны одолели,
что все мы в пожаре бесстыдства сгорели,
что пал тот — по душам гудит — не кустам.

А к ночи склонюсь над стихом залежалым,
уставший давно от его мятежа.
Но слово свободно парит над земшаром,
а мысль моя — ниже на три этажа...
И тяжким,
подземным,
провальным пожаром
незримо полна полыхает душа.

* * *

Толпа родит героя
и вытолпнет:
— Катись,
дитя моё сырое,
усовершенствуй жизнь,

не требуя награды
и не страшась хулы,
во имя ранней правды
и поздней похвалы.

На то ли ты избранник
и редкий человек,
чтоб равным среди равных
влачить угрюмый век?

И в джинсах, и во фраке,
в ЧШ или в ХБ
твоё призванье в драке,
в борении, в борьбе —
ах, как же "с кем?", — с толпою,
что — пей ты или пой, —
смеётся над тобою...
Поплачет
над тобой.

* * *

Ох, жутковато порой сегодня
встретить вчерашний взгляд
с презрением
осматривающий твою башку
в поисках выходного отверстия!

Он смотрит с уверенностью:
оно неизбежно проявится
на юном лице собеседника,
кичливо светящемся
открытостью и прямотой.

"Постой! — сам себе он думает. —
Сегодня ты припёр меня к стенке,
но завтра — Я
поставлю тебя к стене
лицом.
И полюбуюсь
на твой затылок..."

ХРОНИКА ВОЗВРАЩЕНИЯ К ЖИЗНИ

1

Проснулся после смерти. Хорошо.
Приятна слабость в неподъёмном теле.
Прохладны простыни. Свет мягок. Воздух свеж.
И тишина так бережно-сторожка,
что ложка чайная о чашечку гремит,
как колокол на площади вокзальной
давным-давно. И всё — давным-давно:
и эта комната с цветами на окне,
и мир цветной, подвижный, — заоконный.
Здесь всё забыть успело обо мне.
Забыло, но живёт. Как странно! Безгреховный,
как новорожденный, я в жизнь опять вхожу
с душевной лёгкостью, но знанием предмета,
вернее — узнаванием всего,
что было до... Но было бы и после
ухода моего.
Всё справедливо.
И мы об этом ведаем при жизни:
вот мы уйдём, а жизнь и дальше будет.
И хорошо, что так. Но почему
мне так милы обшарпанные стены
(ремонт бы надо — денег не хватало.

И времени. И навыков. И — лень.)
Всё это в прошлом. А сейчас я таю,
как будто всё впервые,
словно внове
гляжу на стеллажи и глажу книги,
знакомые до буковки, и те, что
откладывал годами на потом.

Вот дневники. Вот рукопись романа —
отрывки, диалоги, фразы, мысли,
к которым всё надеялся вернуться
и вот, выходит, мог бы не успеть.

"И не успел бы, ну и что такого? —
приходит мысль. — Подумаешь, утрата!
Не рухнул мир без твоего романа,
не рухнет впредь, хоть сто их напиши!.."

Так медленно я к жизни возвращаюсь.
И гаснет радость первая. И снова
накатывает слабость равнодушья,
неверие в свою необходимость
среди живых. И — мрак. И всё сильнее
опять тревога в жёсткие виски...

2

Проснулся. После смерти. А зачем?
Что нового на тверди поднебесной
с минуты первой и по данный час
увидел я? Все рады, это верно.
Как верно то, что многие — фальшиво.

Смущённо улыбаюсь. Сам не знаю,
чему? Уж не тому ли, что не счастлив,
что безразличен к своему возврату:
они вот за меня ужасно рады,
а я не сокрушаюсь, но не рад.
И стыдно мне. Не очень, но отчасти
неловко всё же быть неблагодарным
судьбе, врачам, стеченью обстоятельств,
слепому случаю и, вероятно, — Богу.

Бог дал. Бог взял. И вот вернул обратно.
Не нужен иль не гож? Не доварился
в котле мелкопоместной суетени
и междугосударственной возни?

Возня... Разор... В сумбуре несусветном
опять блуждает мысль и блудит тело,
душа страдает, дёргается веко,
урчит живот, заслыша слово "рынок",
трещит башка от новостей ТВ...

* * *

И ты жила-была,
И я — ей-Богу! — жил.
Но не хватило зла,
а, стало быть, и сил.

На этой стороне
земного бытия —
ты не идёшь ко мне,
к тебе не в силах я

ни распахнуть очей,
ни взгляда протянуть.
Путь вечный, да ничей.
И вечен, да не путь.

А там, где вечный свет
в боренье вечном с тьмой —
не слышат наш привет
и бывший голос. Мой.

ДАЧА

Пылай камин в моей
пустынной келье...
А. С. Пушкин

1

В светлые дни снегопада,
в ненарушимой тиши
не ощущаю разлада
музыки слов и души.

Надо бы вырваться раньше
в эту застойную сонь.
Словно волшебный барашек —
в ржавой печурке огонь.

Дверца открыта.
И жаром
в душу мне дышит кедрач.
Оба мы стары. О старом
и вспоминаем... Хоть плачь,

только о времени новом,
как ты ему ни льсти,
добросердечного слова
мне и с огнём не найти.

2

Тают усталые свечи.
В даче теплым-тепло.
Сердцу ещё не легче,
но мысли о нём — далече
и зло уже отлегло.

Так может быть,
чтобы выжить
не дать затоптать души,
всего-то и нужно:
выждать
так вот — в лесу, в глуши,

в самом себе отсидеться,
не трогая никого,
не совершив злодейства,
не испытав его?..

3

К ночи и печь остынет.
Морозной станет Луна.
Вечный холод пустыни
вберёт в себя тишина.

И мысль передёрнет плечи,
колом застряв в спине:
"Боль —
хоть сласти, хоть перчи,
от бед людских в стороне
нести одному не легче.
Даже в родной стране..."

* * *

Даль качают ветра.
Но у полудня где-то на грани
наступила пора
предзакатной моей телеграмме.

Оборвалася нить,
молодая струна отгудела.
Прилетай хоронить
отлетевшую душу от тела.

Но во имя весны,
что была между нами когда-то,
никого не вини.
Это — время во всём виновато.

Оборвалася нить,
молодая струна отгудела
и уж незачем, не в чем и поздно винить
отлетевшую душу от тела.

ЗЕМЛЯ ЗИМЫ

Валерию ПРАСКОВУ

Вернуться в край, где ты душою рос,
узнать мороз и вольный посвист ветра,
"А помнишь ли?" — задать ему вопрос
и услыхать: "А помнишь ли?" — ответно.

С замшелой, нестареющей скалы,
насупившей гранитные надбровья,
глядеть на льдов недвижные валы,
подспудный гул пульсирующей мглы
вскипающей угадывая кровью.

И мозгом электрическим, спинным
и мыслью сердца токопроводящей
вдоль памяти пойти по восходящей
и слиться в ней со временем иным —

когда и впрямь на ветреной земле
два-три огня да нервный свист морзянки:
прерывистые, в той кромешной мгле
тире и точки тоже, может, зябли,

но доносили наши голоса,
осипшие от спирта и махорки,
минуя часовые пояса
и словеса духовной барахолки —

к сердцам невест и разуму друзей,
нас ободрявших верностью и верой
в любовь — так уж по горло, до бровей,
а в высший суд — так полнокровной мерой.

Земля зимы!
Суровости печать
с чела твоих снегов неизгладима.
И тем, кто вновь отважится начать,
еще с лихвой здесь хватит негатива.

Но видит Бог, и ведают ветра,
и помнят многомудрые торосы,
как страстно мы желали ей добра —
Земле зимы...

АНАДЫРЬ

Октябрьское утро понуро, туманно.
И зыбко. И зябко. И ветер пуржист.
И снегом, как сеткой пустого экрана,
задёрнуты нервно и воды лимана,
и город, и порт, и кромешная жизнь,

уже и не бывшая вроде, а словно
всего лишь увиденная в кино,
где живы актёры, да роли условны,
похожи пейзажи, да задник — рядно

и я — не один из участников действа,
а зритель, читатель поэмы о нём,
утративший право наследства на средства
воспроизводства, достойный лишь места
в другом измерении, в мире ином...

РАННЯЯ ОСЕНЬ В КРАСНЕНО

Читаешь добротную книгу, и кажется
добротная жизнь — миг за мигом — катится
где-нибудь там: в Амстердаме, в Стокгольме ли,
в Риме, в Москве, в Кишинёве ли, в Гомеле, —
только не здесь. Не в селении Краснено,
первым осенним снежком запорошенном,
где пребыванье твое непрояснено
необходимостью. Гостем непрошеным,
камешком, в пруд человеческий брошенным,
сам себе кажешься. Им и являешься.
Разве что в иле весь век не валяешься...
В клуб ли идёшь, в магазин направляешься —
льнут к тебе люди с заботами, нуждами,
ищут доверия и соучастия,
щедро делясь, как монетами гнутыми,
байками о непорочном зачатии
дел неудавшихся, планов, порушенных
завотделением, прочими стражами
правопорядка: за крупными кражами,
мол, не следят, а едят безоружных
и примороженных. В чём-то на истину
это и смахивает воистину,
только, а ты тут при чём? Твои помыслы,
хоть и не глухи к их просьбам о помощи,
но не сильны в приложении к практике
в этом Селе, в Государстве, в Галактике,
хоть бы и вся назовись она КРАСНЕНО,
если не смысл, а лишь слово окрашено,
только поверхность слегка припорошена
крошевом нашего праздного прошлого...

Книга отложена. Стройность нарушена.
Выйду на берег в метель моложавую.
Ветер отвесит мне оплеушину —
я ему рифму за это пожалую.

Это привычнее нам, неприкаянным
и непрактичной профессией проклятым,
в мире оскаленном,
но обтекаемом
реять
над моря житейского
рокотом...

ПРАЗДНИК СНЕГА

Скажи мне,
мой угрюмый брат,
сосредоточенный, худучий,
тайгою в этот час бредущий
не ради славы и наград,
а в силу должности насущной, —
тебя
волнует снегопад?

Прости, что в этот поздний час
торжественно, не без прикрас,
с непраздной радостью и болью
сквозь разделяющее нас
пространство
говорю с тобою.

Не одиночество гнетёт,
не рифмой горло распирает,
а просто — в мире снег идёт.
В окне его круговорот
красив и праздничен. Но тот,
кто в этот час тайгой бредёт,
куда, когда придёт, —
кто знает?

Зато желаем ты и я
в конце пути, вблизи жилья,
в предощущении ночлега
замедлить шаг, расправить грудь,
рюкзак набрякший подтянуть
и глянуть в небо.
И удивиться: кончен путь
и над тобой не с неба муть,
а — праздник снега!..

СОН В ПУТИ МЕЖДУ РЫРКАЙПИЕМ И ВАНКАРЕМОМ

Энергия творчества, затрачиваемая
на один-единственный кино-сон,
длящийся не более получаса,
убивает в мозгу такое количество хромосом,
как если б всю жизнь напролёт
с королевой Непала общался!

Проснёшься в спальнике на берегу Ледовитого
мокр, как корова Стеллера
в водах Мадагаскара
(она — животное Севера
и ничего удивительного
если вспотела, пока во сне тебя отыскала!),

высунешь нос наружу —
звезда Полярная лыбится
тому, что пурга скончалась;
пора поднимать собак,
а ты ещё мокр — с тобою
твоя королева любится, —
значит кино не кончилось?
Снег скрипит на зубах.

Снег? На Мадагаскаре?
Геологи отыскали
иль наяву привиделось?
Но где же здесь явь, где сон?

Зимой за Полярным кругом
разве бывает обыденность?
Обыночность — ближе к истине,
хоть с Далем не в унисон.

Сон. За Полярным кругом.
Кругом ни души, ни душки,
только собачки поскуливают,
от нетерпенья дрожа,
да королева Непала на жаркой сопит подушке,
наполненной пухом страуса,
страсти и куража.

Крикнешь "поть-поть" собачкам,
с места рванутся нарты,
сиянья столбы цветные на небе оживут.
Кино уж давно окончится,
а ленты Лунной сонаты
в подкорке еще полощутся...
Новую фильму ждут.

АНГИНА
фрагмент

...Встречало праздники село,
а я лежал как пень
в избе, которую трясло
пургой, которую несло
над миром третий день.

Как муж-ревняк навеселе,
неистовствовал шторм.
В громокипящем киселе
к необитаемой земле,
казалось, плыл мой дом.

Он старым был и весь дрожал,
и охал тяжело,
но натиск шторма отражал.
А я с ангиною лежал
и было мне тепло.

Но просыпаясь иногда,
со лба сгребая пот,
"Авось, — я думал, — не беда,
зато не сгину без следа,
ведь кто-то да войдёт сюда
хотя б и через год..."

А дело в том, а дело в том,
что был я гостем в доме том
и вряд ли кто-нибудь в селе
о той поре и знал о том,
что прибыл я. Ну а потом —
все всё равно навеселе.

Село встречало Первомай —
пре-красное число!
В иных краях — штаны сымай,
морские ванны принимай.
А я в пути возьми-поймай
ангину, как назло.

Уж стены, пол и потолок,
окно, и дверь, и печь,
как бы музейный уголок,
ознобный иней обволок,
и оставалось мне лишь срок
последний свой стеречь.

Но был пурги так томен гул,
что я забылся и уснул
и увидал во сне,
как НЕКТО в избу заглянул,
затеплил печь, в стакан плеснул
и мне поднёс, и я глотнул,
и огнепальный спирт вернул
сознание ко мне.

И в том сознании моём
я, вышло, не один,
а вроде, как бы мы вдвоём
и хорошо сидим.

Ещё точней — сидит она,
а я полулежу
и на неё во все глаза
восторженно гляжу.

— Вы кто, — шепчу, — о Ваша Честь?
Ведь я пришёл ползком.
Никто не знает, что я здесь.
Кто мог принесть благую весть
о путнике таком

в семейный Ваш, должно быть, круг,
на праздничный совет?..
Она ответила: "Мой друг..."
(послышалось: "Мой свет!..")

"Мой друг, — ответила она, —
всему виной болезнь.
Вам помощь срочная нужна,
я — врач и Вам помочь должна,
и потому я здесь.

А как, откуда, почему
и для чего вдвоём,
оставьте мужу моему
переживать. Нальём?.."

Ну, я, понятно, вечно "вист",
хоть без того горю:
"Конечно же!
Смелее, мисс,
полнее!" — говорю.
А за стеною бури визг
вразрез календарю,

а там — над крышей, над селом,
над тундрой — вкривь и вкось
планета ходит ходуном,
гремит земная ось
как-будто тоже во хмелю
в честь красного числа...

А я себя уже ловлю
на мысли, что её люблю:
"О Боже, как мила!"
И повторить процесс велю
врачу, которую люблю:
зело микстура, мол, презла —
с разбега за душу взяла.
Из этих рук! Да эту смесь!
Да я ж навек застряну здесь!..

"Вы быстро ожили, мой друг", —
ответствовала врач.
Был говорок её упруг,
а голосок горяч,

волнисты волосы, лукав
и полон тайны взгляд,
вздымавший душу к облакам,
но повергавший в ад

нетерпеливой плоти пыл,
фантазии полёт,
где предо мной
так сладко плыл
и уж почти доступен был
её запретный плод.

И мнилось:
краской залита,
разгорячённая плита
смущалась тем, как я алкал,
как пил горячие уста,
грудь жаркую ласкал,

как тело плавилось моё
в огне ответных ласк.
Да что плита? Тряслось жильё
от страсти пламенной её,
вселенная тряслась.

Метались в страхе сквозняки.
Безумствовала мгла.
Ярясь от гнева и тоски,
пурга играла в городки
над крышами села.

Село встречало Первомай...
Из бреда возвратясь,
я видел стены, потолок
и пустоту, и грязь.

Убогий быт холостяка,
чукотский неуют
из чрева спального мешка
роднее,
чем издалека,
где пляшут и поют,
где тоже нынче
водку пьют
в честь праздника
и за ЦК,
и за меня наверняка,
за дерзкий мой маршрут...

К ПОРТРЕТУ. *Очерк*

Анадырь. Улица Мира. Пурга на струне экстаза
свищет, клокочет, воет, скрежещет песком по окнам,
по нервам серпом. Истошно скрипит, качается фанза ,
а как еще назовёшь эту шхуну в краю, далёком

равно от Питера и Пекина, Лос-Анджелеса, Парижа
и прочих культурных центров, не менее удалённых
от рваных стен, над которыми едет и едет крыша?
Едет, а всё ни с места. О лежбище душ влюблённых!

Радиоприёмник "Рекорд", настроенный на Жанейро
(тот самый, который Рио, — в тысячах вёрст отсюда),
визжит не хуже метели. И, кажется, — плачут недра.
Недра. И атмосфера. И под столом посуда.

Алик Мифтахутдинов, притопывая унтами,
танцует — от пишмашинки — к кагору на табурете.
Он растворён в регтайме. Он молод еще летами,
и сердце его выдерживает не только нагрузки эти,

но чай, непроглядней ночи в окрестностях Ванкарема,
нартовые пробежки по льдинам вдоль Океана,
любовь к Габи Зейферт, Лорке, прозе Куваева, Хэма
и — чтобы Майя любила, а Мила бы чтоб ласкала.

А утром — опять газета. И седовласый Рубин,
накручивающий прядку на указательный палец.
Шеф — мамонт от журналистики.
Рассеян он и углублен
и лишь в бытовых вопросах — сущий неандерталец.

А мы и вовсе вне критики: что нам до бытовухи?
Одарены талантом к щедрости и бездомью,
спирт рукавом закусываем, спим на Полярном круге,
бескрайность Страны Романтиков
чувствуя всей спиною...
....

...Не думал писать поэму. Нечаянно, так уж вышло,
гольно-презренной прозой заговорил я с Вами.
То — прекрасное! — Время
в нас что-то сожгло, но выжгло
кое в ком и присягу Алькиными словами:
"Я НЕ ПОКИНУ СЕВЕР!"...

Он его
не покинул...

АНАДЫРЬ-1961

Альберту МИФТАХУТДИНОВУ

Городище — хибар тыща,
дел — край непочатый,
улочка-сутулочка,
тротуар дощатый.

На одном конце тротуара
генерал-чайхана стояла,
на другой его оконечности —
дом не менее знатной внешности.

Ох и дом, расчудесный дом!
Сто контор размещалось в нём
и сотрудничали совместно:
в тесноте — беда не беда, —
бухгалтерия окрсобеса
с инфантерией окрсуда.

С девяти утра до семи,
а в пургу — не объять часами,
этот дом грохотал дверьми,
телефонными пел голосами.

Ну а связь была в те года...
это верно! Уж это — да!

Если мой абонент в Уэлькале
в писк мой вслушивался, чудак, —
голос в Марково мой слыхали
не по радио,
просто так.

Если ждал я от человека
информацию из Певека,
то, устав от моих безутешных вопросов,
мне её дублировал
Блоссом.

А до Блоссома — путь не близкий,
но, как выяснилось поздней,
там радистом был
Шенталинский,
общемышленник наш,
Витей.

Он потом прилетит в Анадырь —
бородатый, хоть песни пой, —
со стихами, и не женатый,
НЕ
довольный ещё
собой.

Вялодушие и довольство
и болезни иного свойства,
за редутом беря редут,
позже, видимо, к нам придут.

Разбредёмся по тротуарам
асфальтированных столиц —
всяк торгаш со своим товаром...
Но Анадырь — он был недаром
в нашей юности. Оглянись:

смех и грех! — не геройский подвиг,
не война и не целина:
мы с тобою идём на полдник,
лишь бы засветло, до темна.

Снега верть
бодая лбами,
кутаясь, как бы ко сну,
подгребаем (подгребали!)
полулёжа в чайхану.

Отплевавшись ото льда,
опростав носы от снега,
резюмировали: "Да-а,
раскладушку бы сюда
и тогда — хоть камни с неба!"

Но в остывшей чайхане
даже чай не подавали.
Красовались на стене
десять букв: "Привет жене!"
Шутка, грустная вполне,
автор — Поминайкакзвали.

А над плитами, как влиты,
нависали сталактиты,
и ходили в инее,
сонно, как в кино,
поварихи синие:
"Света нет на линии..."
"Света нет и в Плинии, —
ты ворчал. — Давно!"

И, ложась на курс обратный,
слыша ветра вой отвратный
в обесточенных сетях,
мы грустили по комфорту
и — немного — по компоту,
а ещё —
о новостях
позарез газете нужных,

но не ложных, не натужных,
а равняющих наш строй,
потому что в наши вежды
бил
вселяющий надежды
Новый
шестьдесят второй...

АЭРОПОРТ "АНАДЫРЬ". Июнь-69

Михаилу АСЛАМОВУ

На ящике из-под конфет
в проходе тёмном, узком
сидел поэт, дремал поэт,
никем живым не узнан.

Был мир как мир — и скуп, и щедр.
Оглохшие от пыли
из всех углов, как из пещер,
динамики вопили.

Стремился северный народ
на юг скорее, в лето.
А мне — на Север. И стерёг
я "сладкий" трон поэта.

АЭРО-порт!
Аэро-ПОТ!
Шестые сутки кряду
сидит — стою. А отойдёт, —
на ящик я присяду.

Сожмусь в комочек и усну
покамест он покурит,
пока чукотскую весну
у входа, ёжась на ветру,
с соседом обсмакует.

А что там было смаковать?
Ещё тепла ни грамма.
Весну весной-то называть
по-меньшей мере рано.

Ещё снежок гулял в порту,
дерзили ветры в зале
и, чтобы скрасить тесноту,
курили те, кто "на посту",
а кто присел — те спали,

В колени спрятавшись лицом,
в минуты счастья эти
смотрел я сны — о том, о сём
и сон о том поэте.

В витиеватом этом сне
(и снившемся-то сдуру!)
поэт
на розовом
коне
въезжал в литературу.

И был он весел, а не вял,
и строен был, и ладен.
И я с ним рядышком стоял,
его коняку гладил.

И ощущали торжество
толпа, поэт, кобыла.
И мне не надо ничего
от жизни больше было...

Но сон не вечен. А проснись —
кругом все та же кротость:
в одних глазах — тоска и высь,
в других — тоска и пропасть.

И лишь какой-нибудь начпупс
обронит мимоходом:
"КТО ЭКОНОМИТ ВРЕМЯ - ПУСТЬ
ЛЕТАЕТ
ПАРОХОДОМ!"

Но все надеются, сидят,
от веры в чудо тают.
А деньги по ветру летят,
а Илы не летают!..

А что поэт? И темь, и свет,
протест, смиренье, жалость
и прочих чувств кордебалет
к себе и миру — с детских лет
в нём всё перемешалось.

Умён, быть может, да несмел,
проевшийся до ручки,
и замерзать он не умел,
и спать в такой толкучке.

Но я завидовал ему,
его негромкой славе,
и всё дивился: почему
и мы так холодны к нему,
и он обычен с нами?

Где конь Пегас? Где Лиры звон?
Где царственная Муза,
благодаря которой он
обласкан и обожествлён
читателем Союза?..

...Прошли года.
И я остыл.
И вновь недавно посетил
анадырские веси.
Мне мальчик место уступил
в обитом кожей кресле.

А сам стоял в сторонке он,
счастливейший на свете,
и тоже, может, видел сон
о некоем
п о э т е,
что мчит на розовом коне
сквозь время и пространство...
Но спал спокойно я вполне,
ведь был тот сон не обо мне!
И ладно.
И прекрасно...

* * *

А меня убьют сегодня.
Или завтра... Вот и пусть!
Наконец-то я со всеми
разом — как бы, — разочтусь.

И с врагами, и с друзьями,
и с любимой, — да, и с ней.
Жаль, что маме (снова маме!)
снова будет всех больней.

Жаль,
праматери Отчизне
в помрачённый этот час
не до частной нашей жизни.
...А когда ей
ЧТО
до нас?..

* * *

Ничто не вечно под луной...

Сознанье конца не страшило меня, не страшит
и нынче, когда предстаёт он реальностью зримой.
Обидно, однако, - зачем эта мысль так спешит,
пока я ещё не пресытился ритмом и рифмой,

а в целом — и жизнью, пускай и невзрачной на вид,
смурной на просвет, непотребной по здравому смыслу.
Но живы друзья. И любимая — вот она! — спит,
смеётся чему-то, и мне хорошо, и не мыслю

уже я отсутствия, тут, среди добрых и злых,
родных и сторонних уму, извините, и телу,
уходом своим огорчать не хотелось бы их,
вдруг стать непричастным к их мыслям.
И слову. И делу.

Ищу оправданья? А впрочем, не это ли страх
уйти и не быть, и не двигаться, и не любиться,
утешиться тем, что останешься в добрых делах,
что, может быть, — может быть! —
сможешь в цветке повториться...

Антонине КЫМЫТВАЛЬ

Мы были круты, своенравны,
на резкое слово легки.
И вот мы уже ветераны,
и вот мы уже старики.

И время настало мириться,
спокойно и мудро любить
всё то, чему не повториться,
и тех, кому больше не быть.

Над росами, под небесами
ток времени необорим.
Вослед за своими друзьями
вот-вот уж и мы воспарим.

И новой эпохи ровесник
нас вскоре и вспомнит едва ль:
"Какая дремучая даль —
все эти и Пчёлкин, и Тнескин,
и Вальгиргин, и Кымытваль!.."

Усилия жизни итожа,
вздохнём, улыбнёмся: и что же? —
мы нынче и впрямь на мели.
И нечем гордиться, похоже,
но что-то душевное,
всё же,
мы людям и веку
несли.

* * *

А душе,
растерянной некстати,
как-то разом, — Господи прости! —
хочется и вечной благодати,
и земного
грешного
пути.

ХУДОЖНИКУ

Всё молчаливей наши встречи,
однообразней их финал:
пока не литр — ещё не вечер,
пока сидишь — не номинал.

Но и добрав до номинала,
посуду с мебелью круша,
не помню, чтобы не стенала
зарёванная душа.

И лишь перо да лист бумаги,
да кисть, да холст, да свет в окне,
да мысль — подкожная! о крахе
любви к народу и стране
освободительней рюмахи
в такие дни
тебе и мне.

Николаю БЫЗОВУ

1

...А мы считали, что Свобода
всего нужней, всего важней.
И всё упрямей год от года
её мы звали. Для народа!
Пришла она.
Что делать с ней?..
Народ молчит:
"Властям видней!.."

2

Чудится, видится,
часом икается:
наше правительство —
нашего качества.

Катится, кается,
пучится, бычится.
Не сомневается:
слюбится-свыкнется.

А не получится —
значит, как водится:
горше аукнется —
слаще авоськнется!

Врезали — вытерся,
выдохнул сипло:
раз от правительства,
значит спасибо...

Сядем под деревце
сбоку припёка
дружно надеяться
снова на Бога.

3

Душа потери считывать устала
с полос газетных. Даль заволокло,
и новой ложью мышцы спеленало.
Но — надо жить! Хотя б и вне устава,
всем сволочам и бедствиям назло.

...Осохни, отдохни, Хароново весло,
уже и без того нас мало.

* * *

Я был бесспорен, как дубина
в своей наивной прямоте —
простой, как пенье в животе.
И женщина меня любила,
как мне казалось.
Те-те-те!

И все друзья меня хвалили
за шаг любой, за каждый стих,
пока и небыли и были
в стихах моих
созвучны были
железной сумме взглядов их.

Но вот, утратив равновесье,
скользнув с привычного лотка,
я покатился
в поднебесье.
И ощутил, что жизнь — как песня:
вольна, прекрасна.
Коротка.

* * *

Ал. ДУНАЕВУ

Это я, это ты, это мы, это — Русь...
Наша глупость, наверное, в том,
что несём за душою вселенскую грусть
по себе. А по прочим — потом.

По себе — тяжело, а по ним так — авось,
и погаже встречались в пути.
Обошли, ничего. Ничего, обошлось.
...Обманулось как, Господи!

Б. А. СЛУЦКИЙ

Борис Абрамович Слуцкий
большой был поэт. Русский.
Скор на слово, но глубок
мыслью, умом, чувством,
а уж владел искусством
слова, как полубог.

Не говорил на идиш,
предпочитая наш,
в который, как в град Китеж,
поверишь — уж не отринешь,
забвению не предашь.

Словом,
язык русский
ценил иудей Слуцкий,
душу его впитав.
Не горожу версий.
Слуцкий — поэт советский, —
гвардии капитан.

В память о капитане
перечитать изволь
"Лошади в океане".
Лошади в океане —
    общая наша
        боль.

* * *

Когда не пишется, но хочется
взять в пальцы лёгкое стило
и вдруг почувствовать: свело
дыханье предвкушеньем творчества,

и сердца радостного стук
вдруг заторопится под рёбрами:
"так-так", "тук-тук" шажками пробными,
умерь свой пыл, смири восторг.

Волненье первое обманчиво,
бесплоден этот нервный тик,
переводящий душу вмиг
от неосознанно щемящего,
минуя стон, на голый крик.

"Монтевидео!" или "Эврика!",
"Виват!" и русское "Ура!" —
всё это радости истерика,
восторга голая игра,
а не процесс открытья берега, —
не шушера,
        но мишура.

* * *

Знаю сам: на виду поколений
не играл я заметных ролей.
Между первой пургой и последней —
половина всей жизни моей.

Очарованный льдами и снегом,
что же людям-то я доложу?..
А скажу: извините, что не был.
Пурговал — извините, — скажу.

У костра ль согреваясь, над печью,
или русскою речью в пути,
не боялся, что славу не встречу,
а боялся — боялся! — отвечу,
как бы душу свою человечью
по колдобинам
        не растрясти.

ЗНАК

Вот бы здорово, братцы,
чтоб и в наши дела
за осенней прохладцей
стужа зимняя шла.

Чтобы в длинных сугробах
омертвелой зимы
каждый — собственный промах —
осознали б и мы,

да вгляделись бы строже
в тот вон Знак вдалеке —
на ветру,
        на морозе,
на стозвонной тоске.

Л. В.

1

Как легко ты вошла! —
словно рядом присела нежданно.
Это веку хвала,
всемогуществу телеэкрана.

Через рокот пурги,
сквозь мороза надрывные вздохи
ты читаешь стихи
о себе, обо мне, об эпохе,

тривиальным врагам
троевальные катишь угрозы.
Но текут по щекам —
по моим! —
твои колкие слёзы.

2

А может быть, ты мне сестра? —
так внятны мне твои печали
и гнев, и смех, и стон пера,
и слов невинная игра,
чуть различимая вначале.

Да ты не брат ли мне, скажи? —
так мне созвучно это сходство
позиций наших в море скотства,
непримиримое ко лжи
твоё мужское благородство...

Но покровительственный бас,
вальяжный взгляд, манящий снами
из царства неприступных глаз,
напоминают в тот же час —
какая пропасть
между нами...

* * *

Как меж двух автономных
магнитных полей,
ток любви пробежал между нами.
Не сердись, не грусти, ни о чём не жалей, —
слава Богу, он не был цунами.

Не затронуло крыш, не примяло травы,
нет следов падежа и разора,
ни один волосок не упал с головы
ни актрисы, ни режиссёра.

Эта горькая правда прискорбна. А всё ж,
хорошо, что меж мной и тобою
не кривляется девка по имени Ложь,
что до срока звалась бы
Любовью.

* * *

Отлюбили. Темно и светло,
и тайком, и открыто.
Охлажденье в забвенье ушло,
а тепло не забыто.

Сдвину камень с души. Загляну
в пересохший колодец:
сколько звёзд, отлетевших ко дну,
о меня укололись!

Сколько солнышек, сколько планет,
неопознанных судеб
безунывному счастью вослед
память живописует.

Но едва поднимаю перо,
чуть лишь очи бумаги коснутся,
забываются свет и добро —
свет и боль
остаются.

ЖЕЛАННАЯ

Увижу — вздрогну, сникну, опьянею,
семь глупостей немедля сотворю
от мысли: всё равно не быть мне с нею.
Уже не быть!.. А всё ж заговорю.

И смолкну вдруг. Никто и не представит,
как стыдно мне от мысли, что насквозь
всего меня сейчас она читает
и презирает, может быть.
И злость —

не на неё, а на своё смятенье
пред страхом и желанием греха
меня толкает на грехопаденье
хотя бы в строчках
этого стиха.

* * *

Любимых не скрывают взаперти...
Н. Д.

"Любимых не скрывают взаперти..."
А я и спорить с этим не рискую, —
редиска я! Но ты меня прости,
ведь я и впрямь любил тогда другую.

Апрельский вечер свечи задувал.
А я был грустен. Но не с перепою.
И не от той — другой — тебя скрывал,
а просто оставлял с самой собою.

"Себе самой ты более нужна!"—
так я считал, так думаю доныне.
Не мною ты была увлечена,
а чувством собственным:
смирением гордыни —

впервые! — ради якобы любви,
лирического, вроде бы, героя,
что, может быть, и был в твоей крови
и был желанен — да!.. Но не был мною.

А мне в те дни не до кривых зеркал —
в прямое чувство искренне летелось...
Не я тебя к себе не подпускал,
а ей —
душе —
кривляться не хотелось.

СУПРУГИ

Своею верностью, своим
лениво-праздным постоянством
давно уж он и сам томим.
А платит чем? Унылым пьянством.

Ты молода ещё, свежа,
тебе бы подвига, греха бы, —
хоть вдоль ужа, хоть на ежа,
да уж под бобика хотя бы!

Но ты покой свой бережёшь.
А он — покои — охраняет.
Ему ты вроде и не лжёшь.
За то и он не изменяет.

Но зря ль скучаешь ты во тьму,
его ночами согревая,
когда-то — первая! — ему,
и вот едва ль не нулевая.

И потому, исполнив то,
что полагается в постели,
он в стенку думает: "А что,
не изменить ли в самом деле?"

Однако скучно. Да и лень,
и гнева боязно Господня...
И он опять напьётся всклень
вчера и завтра,
как сегодня...

* * *

Не ограничивал ни в чём,
не ревновал и сам был верен,
и верил в то, что обречён
незримым тепловым лучом
светиться над её лицом,
касаться перьев

моей Жар-птицы. В те-то дни
открыть мне — Боже сохрани,
что сказка эта,
как все, — предельно коротка
и что воздушная рука
и ямочка у локотка,
и сам сказитель — с молотка
уж пущен где-то.

А нынче то же, да не то ж.
Ещё от крови влажен нож
и сердце бьётся,
хотя и выгорело сплошь.
Там тишь. Там блажь. Там вера в ложь.
Но всуе веру ту не трожь, —
пусть остаётся.

ПРИЛЕТЕЛА...

И. Б.

1

Прилетела на несколько дней.
Строго нас оглядела.
Ничего-то и не было в ней,
а душой овладела.

И взыграла надежда в груди,
захлебнувшейся светом,
словно что-то нас ждет впереди
в мире этом.

Улетая, и бровью она
повести не посмела.
Но в очах откровенных
струна
сокровенно звенела.

2

У Охотского моря — наваристее уха,
на тумане и ламинариях воздух настоян.
Что-то шепчут костру, словно строчке стиха,
наклонясь, Кымытваль и Задорин.

Ты, коленки обняв,
всею грудью подавшись к волне,
смотришь в моря раскрепощённые дали.
Какие круги
бегут сейчас
по воде
твоих,
погружённых в себя,
страданий?

В глазах — отчужденье и потаённая доброта,
наполненность и пустота... Грустно.
А мне бы тебя
читать и читать
с листа
открытого настежь чувства!

3

Жить в полсотне километров,
утопать в дождях до плеч,
ежедневно слушать речь
милых бабушек, чье "ретро"

упоительно, как дождь,
усыпительно, как морось,
сквозь которую идёшь,
словно сам с собою порознь.

Жить. Быть рядом. И не сметь,
не решиться потревожить
той, в ком жизнь твоя и смерть.
И бессмертие, быть может.

А молчание твоё,
миру хоть и не подсудно,
может,
в те же дни
подспудно
лихорадило её...

* * *

Люсе

...А нашу любовь
я ни прозой пока, ни стихом
в надежде, что нет ещё
повода для воздыханий.
Не сглазить бы, Господи! —
в древендураже таком
такую потом не найти
ни во сне,
ни в стакане...

БАБУШКА

Бабушка с детской коляской —
с виду уж лет пятисот, —
внучку ли катит дорогою тряской,
внука ли в ясли везет?

Где уж там! Внуки родные далече:
БАМ ли копытят, коптят Уренгой.
Если какой и мечтает о встрече,
так не с такою Ягой.

Бабка, как утица, катится, катится,
валится с бока на бок.
В детской колясочке — хлебушек, маслице
постное, луку снопок.

Что в глубине там такое тяжёлое —
сбоку поди разгляди...
Бабушка в сереньком, личико жёлтое,
ясная даль впереди.

ЯНВАРЬ 1999-го. ДЕД

Год — в начале, а век — в конце.
Сидит дедуган, печалится.
Печать уныния на лице
от "Маски Скорби"
не отличается.

Жизнь предстала без перспектив
и вся — кувырком — под горку.
Хочешь — иди, не желаешь — лети в
задницу,
на галёрку
действительности,
что с тобой
считаться больше уже не станет.
Прошла пора. Умерла любовь.
Пенсии не хватает.

Вот ситуация, — нет глупей!
Всё больше в карманах души скорбей,
а за душой ни шиша в наличке...
Но жить всё хочется, хоть убей.
Наверное,
по привычке.

* * *

Ехать в автобусе, полном гусынь,
мука для глаза и слуха, и тела:
не шевельнись а и рта не разинь,
чтоб матюком промеж глаз не влетело.
В окнах мелькает то зелень, то синь, —
гиблое дело!

Бабы шипят друг на друга. Летит
время — субъект — в объективном пространстве.
Светлая даль никому не претит —
снится всё реже и реже вот разве.
Толстая тонкую бабу честит —
публика в трансе!

Сумки, баулы, коробки — кошмар!
Впрочем, виновны ли в том пассажирки?
Если водитель страны задремал —
шансы машины и шатки, и жидки.
Время в треморе. В автобусе шквал:
люди, продукты, пожитки...

ЗАЛОЖНИКИ СЕВЕРА

Сосед мой свихнулся с ума.
Напьётся до синего дрызга —
"Будь проклята ты, Колыма!" —
за стенкой стенает надрывно.

К стене головою прильну,
поддамся печальному строю
и тоже сто граммов приму,
и так же надрывно завою:

"Будь проклят, край снега и льда,
где будем лежать мы нетленны,
куда не идут поезда,
откуда не ходят олени.

Нас тёплые страны не ждут,
и тут за людей не считают.
Без нас пароходы идут,
без нас самолёты летают..."

Тут песня упрётся моя
в совсем уж дурные куплеты:
"Будь прокляты эти края,
что юностью нашей согреты!"

Замолкнет мой певчий сосед
и рявкнет в бетонную стену:
"Кляни лучше местный Совет
да верхнюю нашу систему,
а Севера хаять не след.
Не трогай заветную тему!

Мы золото рыли в горах,
мы строили, мёрзли и мокли.
Что труд наш развеют во прах,
подумать хоть кто-нибудь мог ли?

И те, кто здесь раньше легли,
хоть гордости нашей не знали,
судьбу свою злую кляли,
а вовсе не край проклинали..."

Я сникну, пристыжен весьма.
И верно: при чём Колыма,
что жизнь так развёрнута круто
и что не хватает ума
задуматься где-то, кому-то,

и стих мой, и старая песнь,
и лента людского потока,
быть может, застрявшего здесь
до очередного потопа?..

Над миром струятся века.
Щемящая мысль у виска
торчит, как "Макаров" на взводе:
"Да брось, не валяй дурака!
Зато ты пока не зэка
и — вроде бы как —
на свободе..."

ОТЛИЧНАЯ ЖИТУХА, ГОСПОДА!

Не сдохну от унынья и тоски,
пока смотреть мне юмора хватает,
как вечером — на лампочке — носки
мне госпожа Любимая латает.

Ну, штопает... Я в этом не большой
оценщик. Протирать не успеваешь!
Зато теперь зовётся — Госпожой,
не то что раньше — помните? — Товарищ.

Пусть холодок щекочет ей ступни,
квартира — камеры похлеще морозильной, —
мы счастливы. И как Ульянов ссыльный,
я ей шепчу:
"Ах, милая, взгляни,
какие исторические дни!.."
Она вздыхает: "Жаль, что и они
непарные — муаровый и синий..."

Пока есть юмор — горе не беда,
тепло в душе — и кровь течёт ритмично.
Гори-сияй, Полярная звезда!
Отличная житуха, Господа!..

...В том плане,
что от Африки
отлична.

КАРТИНКА С РЫНКА

Бабка стоит на рынке в дымке морозной, белой.
Танцует. А без разминки попробуй тут выстой целый
сегодня вот понедельник, а там ведь и вторник, среду.
"А что ж мне прикажешь делать? Куда я теперь уеду?

Приехала — комсомолка, работала — коммунистка.
Тогда это было модно:
и заработать можно, и накопить без риска
на хатку и на машину, на кое-какую старость.
Глядишь, кое-что и сыну, и внучеку бы осталось.

Так нет же ведь, — залягали, выскребли всё до суха.
Сыночек погиб в Афгане, Чечня погубила внука.
Содрали с души манишку. Вытурили из строя.
Гайдар отобрал сберкнижку, а Колыма — здоровье..."

Мороз налегал за тридцать. С Нагаевской бухты дуло.
Юная кобылица рядом в ладошки дула.
— Вас-то, — я ей киваю, — какая нужда неволит?..
— Я к Вам не приставаю, идите себе, — отводит

взгляд она неуютный, зуб на зуб не попадая.
"В столице была б валютной. Красивая, молодая", —
думаю, но на место ставит меня старуха:
— Галка — из Гудермеса. Беженка. Голодуха,

разруха, резня, поборы. Сделала ноги в руки.
А тут свои крохоборы. И нету душе опоры, безмужней-то.
Ну, придурки
подваливают порою: девка-то, вишь, что надо.
В жёны бы взял?..
— Не скрою: взял бы. Но мне не надо!

Спешно я закупаю нужные мне продукты,
краснею и отступаю: запишут ещё "в придурки".
Девка-то впрямь отлична, замёрзла, а вся пылает!..
Печально,
но наш обычай
двух жён мне
не позволяет.

НАРОДУ, ПЬЮЩЕМУ В КУСТАХ

Да, пьём. И, если нас бранят, —
молчим: и повод есть, и право,
и правда в том, что водка — яд.
Хоть ясно, что и жизнь — отрава.

Просравшим Родины плацдарм
своим и пришлым бумбарашам
с клеймом на джинсах "хомо рашен"
к пятидесяти годам
уж нам ни йод,
ни яд не страшен.

Проснусь порою поутру:
душа темна, а мозг пылает.
Две-три извилины протру, —
авось! — до вечера хватает.

Уж так действительность проста,
пуста, пошла и безобразна,
что отворять пред ней уста
ни смысла нету, ни соблазна.

Сквозь зубы сплюнь и разотри.
Смотри,
как рвут страну собаки:
оставшиеся — изнутри,
отъехавшие — из-за балки.

А кто при звёздах, кто в крестах,
кто от какого партбилета, —
народу, пьющему в кустах,
уж и не чхать,
а класть на это!

* * *

Скажи мне, отчего ни холодно, ни жарко,
ни тяжко, ни легко ни сердцу, ни уму?
Да, жив я, а зачем, когда страны бестарка
пуста, разорена и тарахтит во тьму?

Вчерашняя заря сошла на полустанке.
До завтрашней зари ни ободов, ни спиц
не хватит колесу державной таратайки,
коль ступица её — творение тупиц.

Ах, тройка, птица тро... И выговорить страшно,
а вымолвить, а спеть — уже и мочи нет.
Ямщик нетрезв и глуп. Дорога безобразна.
А тарантас летит. А мы все смотрим. Вслед.

КАЛЕНДАРЬ

1

Чахнут рифмы. Тускнеет янтарь.
Мокнет Время у черного хода...
Я пишу отрывной календарь
заурядного года.

Чтобы так — без причинного зла
и натужно-умильного пыла
речка речи из сердца текла
и прохожих поила.

Чтобы с каждой страницы письма,
леденя, тормоша, согревая,
заглянула в их души сама
жизнь живая.

Понимаю, сколь путь мой рисков:
в дни повального зла и недуга
и читателей нет у стихов,
и с поэтами туго,

и действительность, вроде кино —
притворяется только глубинной.
А взаправду, как прежде, одно:
наслажденье с любимой.

С нею свет, и совет, и любовь,
и стихи, где и слов-то не надо:
приподнимет ли милая бровь
иль сияние взгляда

приглушит, — сердце ёкнет. Душа
защемит, воспарит, оборвётся...
Ах ты, Господи! — как хороша
эта боль, что любовью зовётся.

Страхом полнится, счастья бежит,
сердцем к сердцу надеждою льнётся,
ощущениям — ночью и днём — подлежит,
а перу — не даётся.

2

На фоне политических страстей,
повсюдной лжи и поголовной бяки
живу себе, пишу себе, вестей
не жду ни от одной собаки.

Аукнется, как с неба, старый друг —
пройдёт по сердцу судорога счастья,
душа воспрянет, озарится слух.
Но стихнет эхо — и замкнётся круг
отсутствия. И мерой неучастья

во всякой злонамеренной игре,
в любом благонамеренном паскудстве
вновь меряешь и быт свой, и опре-
делённое дыхание в искусстве.

Не в том высоком, где парят орлы.
Не в низменном, где шастают шакалы.
А там, где снеги памяти белы
и вдумчивы, как сопки Бурхалы,
где мы себя и золото искали

для Родины. А вышло — для страны,
по коей нынче гоношим поминки,
которую с карт мира — без войны! —
её родные суккины сыны
мы сами стёрли, как бы для починки,
...при помощи
жевательной
резинки...

3

Вот жил да жил. Не видел в том греха,
не ведал страха и не знал печали,
пока не домолчался до стиха.
Как говорится, черти накачали.

Стих снизошёл — как вены отворил,
кровь свежая ударила по жилам.
Случись об эту пору
пара крыл,
к каким бы я высотам воспарил,
какую фору дал бы я вершинам!

Да, видно, крыльев нынче недохват
в распроданном — с кувалды — государстве,
где уж давно и власти не парят,
а чаще и охотней говорят
о дарственном, о "двойственном"
гражданстве.

Два подданства — подонство, мотовство,
двулживая душа амикошонства:
— Шуруй, воруй, жируй, глуши его!
Купил — продай. А в случае чего, —
не нам платить! Расплатится потомство
российское...
А он меж тем живёт
средь нас и в Думах наших заседает.
Куда идёт? К чему ведёт?
На кухнях с нами водку жрёт,
и сало русское жуёт,
а косяка —
"за горку" —
давит...

4

Ленив, ленив.
Писал не по заказу —
по складу сердца, выкройке души.
Терпел мороз. Не потакал маразму.
В угоду Государеву спецназу
чернил не изнасиловал ни разу
и жить предпочитал в глуши,
чтоб не поддаться сглазу и соблазну
подмётной славы, подколодной лжи.

И дожил вот,
считай что, до упора,
тому и рад, что ни один гундос
мне вслед не возопит:
"Держите вора!"
Я ничего с собою не унёс.

* * *

В час, когда Звездолёт звезданёт белизну,
серебристым кузнечиком в небе истает,
я вздохну: "Человек полетел на Луну.
Или Марс. Насовсем улетает..."

Вот и дожили! Нету родных на Земле.
От чужих и двоюродных сердце устало.
Что он ищет, сиротка, в космической мгле?
Кто его ожидает на Альфа Центавра?

И какою разумной земною ценой
оправдает и чья шаловливая Лира
это чувство родства и разрыв между мной
и тобой, улетевшим из нашего мира?

* * *

Проснулся. За окном
чуть шелестят Наяды.
Подумалось о том,
что сны невероятны.

А явь и вообще —
днём, ночью ли, — кошмарна.
Жена,

в своём ключе,
воркует на плече:
"Не суетись. Нормально.

Покамест мы вдвоём
и мнём исправно койку,
авось, переживём
и эту перест-ойку..."

И засопела вновь
легко и безмятежно...
О спи, моя любовь,
пока ещё надежда

не покидает нас
и вера в день грядущий
не проглядела глаз
и не замкнула уши.

Пока в стране — содом
и Звездочёт — с приветом,
жалеть ли нам о том,
что веры нет поэтам,

провидчеству их фраз
и вещим сновиденьям?
...Которые от вас
мы никуда не денем.

Алексею ДУНАЕВУ

Безвыходность круга земного —
как творческий замысел Бога —
как ни безутешна она,
живых не пугает нимного,
а мёртвым
уже
не страшна.

Но замкнутость этого круга
дарила нам слышать друг друга,
понять и простить до конца.
И это ничья не заслуга,
а мудрая воля
Творца.

КРЫШИ

Волны памяти. Тревога.
Крыши зданий из окна.
Даль открыта, а дорога
за домами не видна.

Не видна, но ощутима
по конькам бегущих крыш.
Впрочем, это — перспектива,
шутки азимута, лишь

направление движенья,
а движенья самого
то ли нету в поле зренья,
то ли вовсе нет его.

Отчего ж не спится взгляду,
не мечтается уму,
и с пейзажем этим сладу
сердцу нету? Почему

свал, разброд, асимметричность
крыш, взбирающихся вдаль,
навевают анемичность,
обездвиживают личность,
повергают ум в печаль,

в созерцание тревоги
в крытом дворике души,
в точке, буковке и в слоге,
а равняются в итоге
поиском иголки в стоге
с телескопом, а? — скажи.

Не с того ль, что бессистемна
и твоей судьбы стезя?
Есть мелодия, есть тема,
а сюжет постичь нельзя.

Чувств неясное броженье,
дум напрасное кино.
Но иллюзия движенья —
не движенье всё равно.

Передёргивай плечами
с мнимой миной на лице, —
нет прозрения в печали...
Смят пейзаж души в начале —
не разгладится в конце.

* * *

Тревогой заслоняясь от любви,
живу трусливо, нервно. Много ль надо? —
лишь гул пространства чувствовать в крови,
но не ценить ни преданного взгляда,

ни слова доброго и ни тепла руки,
врачующей коробку черепную,
когда под ней ни мысли, ни строки —
лишь буря букв... Тогда зачем ревную,

лавирую — меж верой и мурой
и каверзной игрой воображенья?..
Ах, все мы презираем домострой,
пока клюёт, прости за выраженье,

не нашу спину жареный петух,
не в наши окна ломится ненастье...
Но вот пришла. Любимая. И вдруг
ты вновь спокоен, ты опять во власти

надмирных дум и мировых проблем,
чужих страстей, державной канители.
Ты счастлив даже музыке метели!..
А женщина рыдает между тем
одна, во тьме, в супружеской постели.

* * *

Юрию РЫТХЭУ

Всему своё время. Прекрасна пора
расцвета, взросления и увяданья,
когда облетает с души мишура
и слово неспешно ступает с пера,
к перрону листа припадая.
Ты стар, а душа молодая.

Твой поезд уехал. Такси не придёт.
Не видно встречающих в сонме снующих.
Нет больше ни помнящих, ни узнающих.
А сердце — как прежде — открытия ждет.

Так в спальном мешке, посредине тайги,
в предутренней рани, сквозь гнев комариный
всё чудятся сердцу медвежьи шаги
да гул поднебесный, да хохот глубинный.

Ни жути, ни страха, ни чувства вины —
лишь трепет волнения и предвкушенья,
быть может, возможной ещё новизны
...или крушенья.

ПАРОХОДИК

По нужде ли, по охоте,
без ветрил и без руля
мы летим на пароходе
под названием Земля.

Замкнут круг его орбиты.
Спит коробка скоростей.
Трюмы душные набиты
дураками всех мастей.

Пароход летит, как птица,
клювом звёзды шевеля.
Хорошо в полёте спится
пассажирам корабля.

Они палубы не драют,
грязь в гальюнах не скребут.
Пьют, собачатся, жуют,
сопли ветром утирают,
в дурака с волной играют
да помои за борт льют.

С точки ж зрения науки
о космических путях —
то не дурики, а урки
в небе солнечном летят.

Ты растёшь — не видишь горя.
Он растёт — не знает слёз...
Между тем, с природой в споре,
ваши папы ваше море
превратили
в бензовоз,

реки — в сточные канавы,
землю — в свалку до небес.
От Анапы до Панамы
больше нету неба
без

яда, стронция, тротила,
летних ливней — без кислот...
От прогресса-крокодила
время драпать наступило
жить в подземный переход!

Только ведь и в переходе
те ж рубли и векселя.
Для любой вселенской плоти
нету льгот по этой квоте, —
все мы в общем переходе
под названием Земля.

На борту планетоплана
лоций нет, нет капитана,
штурмана ушли ко сну.
У безвластия в плену
пароходик режет плавно
мироздания волну...

Обращаюсь к пассажирам
чудо-юдо-корабля:
— Наблюдайте за режимом
в отделении машинном,
в главной рубке у руля.

Чтобы плавать вашим детям
по морям и весям этим, —
берегите пароходик
с дивным именем
ЗЕМЛЯ!

ЭТОТ ГОРОД...

Этот город —
не рыбья ли кость,
пропоровшая память насквозь
поперёк всенародных извилин?
До сих пор его имя в стране
вызывает мороз по спине.
Я пред памятью этой
бессилен.

Понимаю,
а дух удручён:
города неповинны ни в чём,
нет греха за спиной Магадана.
Города не рождают идей,
города не стреляют в людей,
их призванье
гуманно.

Но едва поднимаю перо —
пред очами всё то же тавро:
город-каторжник, стражник, убийца.
И труды поколений иных
отторгают и песня, и стих, —
кровь и впрямь
не водица.

Чтоб не застили наши дела
предыдущие сонмища зла,
воздух Севера стал бы целебен,
за прощенье невинной земли
в храме Спас на Крови
отслужите
молебен.

Б...ЛИКИ ВЛАСТИ

Судьба играет человеком...

Ещё вчера он был секретарём
тмутараканского обкома.
Бывал как Зевс. Гремел, как гром,
как ихний вож с известного балкона
особняка Кшесинской. Время оно
давно, однако, пущено на слом.

Замешкавшись, стал смертным он, как все.
В конторе служит. Новшествам дивится.
Никто его отныне не боится.
Шагнувшая в реформы по росе
его былая гордость, — ученица
теперь в его начальницах. Не львица,
но тычет всем, всех учит, матерится,
как дворничиха. А на полосе —
на взлётной, государственной, карьерной,
дрожа от нетерпения, на взлёт
готовится еще один неверный —
ну никому не верный! — откровенный
ползучий, прямо скажем, самолёт.

Он завтра этой самой ученице,
а нынче вот "учителке на час", —
как, на какой вперед выходят пицце
вчерашненькие послухи и вице
в Премьеры, в Губернаторы, лучась

такою же вот спесью и гордыней, —
покажет, блин, по первое число.
И дамка, возомнившая твердыней
одну из самых центробежных линий,
поймет однажды: чудище обло!
Проснётся утром — ан, чело бело,
в причёске то ли перхоть, то ли иней
и гипсовое — в рученьках — весло.

Тогда она опомнится, быть может.
А может, и не сможет того быть.
Большое звание во всех ли горечь множит,
тем паче, если в ком
тщеславье грыжу гложет
и спесь в грудях оказывает прыть?
Ей до печали плыть ещё и плыть!..

Но вдруг да вспомнит — бывшего, того
секретаря дурацкого обкома,
кто вытащил её из ничего,
втравил вот в это: в то, из-за чего
колотится она, как простипома
в сетях для килек. Глядь, и выпьет за него,
лишенного и сна, и сана, и озона,
и осознает: в прошлом нет резона,
а будущее — пошло
и мертво.

ПРЕТЕНДЕНТЫ В МОНУМЕНТЫ

На гранитном постаменте
в звонкой бронзе — труп вождя.
Брюки в глине, нос в цементе,
плешь в какашках...
Ждёт дождя.

Лето жаркое, сухое.
Преет, бедненький, в пальто.
Не побреет, не помоет,
не поймёт его никто.
Все расстреляны коллеги,
оскоромились годки.
Разлетелись,
у Карнеги
брать уроки, их внучки.

Ни один шельмец не ходит.
Перекрасился клиент.
Даже этот — второгодник,
понимашь, —
Пересидент,

у кремлёвского кормила
разбазаривший казну,
"кинул" бывшего кумира
в набежавшую волну.

Вот стоит он, бедолага,
вроде как и вне вины
на окраине ГУЛАГа,
на обочине страны.
Очи горечи полны.

Голова гудит латунно.
Недостройка за спиной
исполняет роль гальюна,
исторгая в пыль и зной
дух тяжёлый и дурной.

Мысль железная натужна:
"Даты красные не в счёт,
но кому всё это нужно,
если мимо
равнодушно
население течёт?.."

А уж нам
и впрямь до фени
все паханы и вожди:
Горбачёв ли, Ельцын, Ленин,
Йоськин отпрыск или Бенин, —
блага
всё равно
не жди.

Революции, реформы,
кризис, ваучер, секвестр.
Все платформы — для проформы.
А народ
проформ
не ест!

Иногда, пока, и выпьет,
но случись во власти сдвиг:
Президент ли в долг свой вникнет,
на врага ль Отчизна кликнет, —
государственный мужик,
он и пить, к чертям, отвыкнет,
как закусывать отвык.

Ибо, так уж скроен, слеплен
и хромает в новый век
добр, жесток, великолепен,
разоряемый отребьем
терпкий русский человек.

Он — во власти у момента.
Он — у вечности в плену.
Он давно не ждёт ни цента
ни с вождёва монумента,
ни с живого Президента, —
верит в Бога и в страну,

где и мрамора, и бронзы
было, есть и хватит впредь
для любой партейной бонзы...
Дай ей, Бог,
прожив без пользы,
до бесчестья
помереть!..

ЦЕННОСТИ ДУХА...

Время как время: не сжалось, не ринулось в бег.
Век не виновен. Всему голова — человек.

"Веянья века?" Оставим пустые слова!
У человека своя на плечах голова.

Бедный сосед! Он вчера приобрёл телескоп.
Выключил свет, с окулярами возится, чтоб

раньше других на окраине звёзд Галитур
приобрести недоступный другим гарнитур.

Кафель для ванны. Ковёр, гобелен для стены.
"Где доставали? Какою ценой сочтены?.."

Кафель, ковры, драгоценности, книги, хрусталь;
рак, геморрой, два инфаркта, инсульт и леталь... —

правильный, в общем, исход. Что поделать, сосед? —
с чёрного хода подхода ко времени нет.

Бездна не вспахана. Вечность не ведает вех.
Время в пространстве распахнуто равно для всех.

...Слушает.
Глухо!
Сознание, ровно во льду:
"Ценности духа?
А что ты имеешь в виду?.."

ЗАКОН ЭГОСИСТЕМ

Закрывши
пухлый том,
подумаю о том,
что в жизненном пространстве
так много вечных тем,
что смертны мы
за тем,
чтоб в замкнутом пространстве
не проломили стен,
прозревши,
наши страсти.

КОНСПЕКТ СЕЗОНА
старательские тетради

Не видим дня, не знаем ночи
и нет просвета впереди.
Вода по желобу грохочет.
Кукушка нам "ху-ху" пророчит.
А золото идти не хочет.
Не хочет. Золото. Идти.

И на собрании бригады
мы бригадиру говорим,
что мы работать, в общем, рады,
но ради золота, а ради
туфты — пардон! — благодарим.

А бригадир у нас толковый,
в речах таких не новичок.
Сидит, внимает, хмурит брови,
покуривает и — молчок.

Вот час-другой — и стих авралец.
В балке дымина и жара.
Наговорились, наорались
и споро вдруг засобирались.
А что?
Действительно,
пора!..

И снова нам ни дня, ни ночи.
Уж вон и лето позади.
Осенний дождь нам спины мочит.
Кедровка на суку хохочет.
А золото идти не хочет, —
хоть плачь! — не думает идти.

И — гвалт опять!
Артель охрипла.
От говорения и крика
черны и страшны мужики.

Вот-вот какой нибудь верзила
пойдёт быком на бригадира
и схватит парня за грудки.

Но, упреждая эту стычку,
всё просчитавший наперёд,
тот вдруг не нож
и не гвоздику,
а из-за пазухи — бутылку,
потом вторую
достаёт.

И обводя усталым взглядом
офонаревшую толпу,
кулак гранёный ставит рядом:
— Кто слаб,
тот в очередь за ядом,
а остальным я так втолку!

Бакланы! Золото — не рыба,
хотя и ловится в воде,
тра-та, та-тата и тэ де! —
ну, словом, истина зарыта
в самоотверженном труде!..

Итак, ещё рывок, — последний.
Предзимье. Падает снежок.
Уныл короткий день осенний.
Затишье в рощице соседней —
кедровка связки бережёт.

На фоне этом безотрадном
запахло осенью и в нас.
Уже ни буром, ни тараном
никто не прёт — вперёд, за планом! —
задачи те ж, да пыл погас.

Пошла тошнотная работа —
сродни конторской, не любя.
Тому чего-то неохота,
а у того сломалось что-то,
а тех вон мучает зевота
и всех — обида. За себя.

Вот он надеялся, стремился,
по-человечески не мылся,
полгода жил в лесу, как зверь,
пахал, как проклятый, полгода
(в конечном счете — для народа!),
но нет металла. Что теперь?

Кой черт труды его оплатит,
кто год потерянный вернёт?
И он решает: "Ладно, хватит.

Пусть Горбачёв на вас горбатит,
со мной вам номер не пройдёт!.."

Всё чаще стали перекуры
и чаепития, и пр...
Замкнулись даже балагуры.
Лишь, осмелев, летают куры
над полигонами, как дуры,
с победоносным кличем: "Фр-р-р!"

Но в душах наших,
там — на донце,
у каждого своё оконце,
другим не видное внутри.
Будь книгочей он иль невежда,
ещё в нём теплится надежда
на чудо, чёрт его дери,

на фарт, на бешеную жилу,
на златосказочных коней:
"Ах, не до жиру, быть бы живу,
намыть хотя бы план-вражину,
а что не хватит на машину —
доложит тёща,
леший с ней!.."

Читатель,
друг мой закадычный!
Скучна поэма, плох сюжет,
когда в нём женщины приличной
(и неприличной даже!) нет.

Но сам суди:
откуда быть ей
в тайге, правительством забытой,
среди мужланов и жулья?
Дотошной точности любитель,
"куда ведёт нас рок событий",
туда свой стих и правлю я,

затем таёжной предан теме,
что жизнь прожгла она мою.
А женщину
в другой поэме
я
непременно
воспою...

Итак, сюжет.
Сюжет привычный.
И коллектив у нас обычный —
разноречивый, шебутной.
Идёт игра — мелькают клюшки,
все рады в пас играть друг дружке,
а надо — встать к спине спиной.

Но чуть окончится везенье —
уж тут и лёгкость, и веселье,
и щедрость — явный пережим.
Один становится сварливым,
тот подозрительным и лживым,
а этот — замкнутым и злым.

Не зря считается в народе,
что человек не на параде —
в страде и в горе весь до дна.
Иной в компании — рубаха,
и обаятелен, собака,
и дикция, и седина,
а доведись проверить в деле —
болтун! Глаза бы не глядели,
как он работает, как ест,
как, зло и жадно озираясь,
тишком на лидера играет
и презирает всех окрест.

Увы и ах! — тайга не пряник
и жизнь в ней долгая не мёд.
Но кто себя переупрямит,
тот словно заново воспрянет
и шкурой собственной поймёт:

когда старатель паникует,
когда он, скажем, "на коне",
как пахнет солнечный багульник
в бараке грязном на окне;

что надо жить с другими вместе,
хотя порой и чёрен свет;
и почему на первом месте,
средь прочих тварей, — Человек...
....
И вдруг — пошло. С чего, откуда
и за какие кренделя?
Но вскрыли коврики, и — чудо:
"Да тут никак не меньше пуда, —
все разом выдохнули, — бля!"

На дне колоды, вне устава,
всем прорицателям назло,
тяжёлый, влажный блеск металла
лежал устало и светло.

Кедровки стихли. Куропатки
как вымерли. Был чёрен лес.
И облаков сырые патлы
мочой, мочалом, паклей пахли
и снегом сыпали с небес.

Но в окружении пейзажа,
отвратного по всем статьям,
никто его не видел даже,
а просто был от счастья пьян.

О ненасытные утробы,
завзятые золотари!
Забывши свары и хворобы
и ухари, и упыри,

забрезжит фарт — сам черт спасует,
озноб завистника пронзит,
а их зима не образумит,
и паразит не поразит.

Придёт задор, найдётся сила,
вернётся радостное зло,
в колоде б только золотило,
в душе б сомнение не жгло...

ДОСТАТОК

Сестричке моей
В. А. Богдановой

Ах, полная чаша у деда Петра во дворе:
бычки-сеголетки количеством пять, свиноматка,
да хряк, да четыре свиньи, поросяток десяток,
да кур с петухом — говорит за полсотни, — да стайка
гусей — этих сам сосчитал я, — их восемь,
но так агрессивны,
что я на шестнадцать сторон озирался,
пока до ворот добирался,
филейною частью к ним пятясь,
а взором испуганно-злобным моля о пощаде
и пламя меча одновременно в адрес гусыни,
урвать норовившей хоть клок от интимного места.
О Гера!

Мегера-гусыня не дура была, понимаю,
но дядька Петро отчего хохотал, наблюдая,
как я от неё и от пчёл его — чёрт! — отбиваюсь,
тревожно меж тем озираясь на будку собачью,
в которую запер при мне он подобье телёнка
с клыками гиены
и голосом снежного барса?

Не фарса заради я шел к тебе, Петр Невеличко.
Я лично живу без гусей и бычков, и свинячье
дыханье претит моему пролетарскому нюху,
пусть даже и в райском саду, как в твоём,
где средь яблонь
и вишен, и груш, и ореха, и персиков нежных,
клубники, малины, крыжовника и винограда,
и грядок томатов рубиновых и огурцов изумрудных
неистребим аромат поросячьего смрада.

— А пчёлы не дохнут? — спросил я Петра Невеличко.
— Та бджолы, як диты:
до цукору звыклы, прывчим и до калу!
— А мёд не воняет?. — Та ни. Зокрэма нам и звычно,
бо иншого мы тут, сэлянського, тобто, закалу...

✧

Крестьянская жилка, хозяйская хватка — бесспорны.
Любовь и работа на каждом шагу ощутимы.
В два роста забор, на воротах такие запоры,
что мысли о штурме должны быть и вору противны.

Двор выметен чисто, прополоты два палисада.
И дом, и пристройки — всё кровельным крыто железом.
С коляскою "ИЖ", с прицепом "Нисан" у фонтана,
с иголочки "Нива" сияет под лёгким навесом.

— Не двор — автопарк, не хватает железной коровы, —
пытаюсь шутить я, но мрачен хозяин усадьбы.
Крыльцо не скрипит.
Мы в прохладные входим хоромы,
и дядька Петро не скрывает причинной досады:

— То ж, выблядок, мух напустыв, ты дывы, — он о зяте.
— Та й та, проститутка, всэ воздуху дай йий, — про дочку.
И форточкой — хрясь в переплет. — Як тому поросяти,
кажы, нэ кажы...
Тут на время я выведу точку,
поскольку Петро наливает уже. По глоточку.

Мы пьём, не пьянея. Он прячет бутылочку в баре.
Понятно: армянский, пять звёздочек — не самогонка.
Но в нашей артели за это бы дали... по шее,
а тут мне смешно. И немножечко стыдно. И горько.

Я дом огляжу. Не увижу вещей неуместных.
Ковры на полу, И вдоль стен. На диване и в креслах.
И люстра в три пуда. И что же с того, что подделка? —
с порога сойдет за барокко. Сверкает, как девка,

и ровно невеста на выданье, как молодица,
в зеркальные плоскости роскоши дивной глядится:
в арабскую стенку, в индийский трельяж, даже в тени
на видике "Сони", на радио-стерво-системе

и в блики на шкафчиках, тумбочках, на этажерке.
Прости мне, читатель, что я так подробен по-женски,
но это не зависть, не злость и не всплеск аппетита
в башке торгаша иль в дебильной кубышке бандита,

а только печаль, лишь простое о том сожаленье,
что этого нет у людей моего поколенья —
в деревне, в селе на бескрайних просторах России
подобные дива и в избы пока не вносили...

— Ну ладно, Петро, — говорю я, — поехали дальше,
давно "армяка" я не видел в свободной продаже,
вынай пузырёк, разливай по рюмахам остаток,
должны же мы выпить
за твой криминальный достаток!..

Бледнеет старик, наливает, а руки трясутся,
не рад, что связался с таким прозорливым соседом.
А я сокрушаюсь: "Не знаешь, так лучше не суйся,
и кто ты такой, чтоб в глаза издеваться над дедом?"

— Ты пый, — говорит Невеличко, — я бильше нэ хочу...
Накапать накапал, но рюмку свою отодвинул.
"Днём в поте лица, — я подумал, — бедняга, а ночью..."
— Та ниччю я сплю, наче вбытый, нэначе нэвынный,

— вдруг ожил Петро, словно слышал мои размышленья,
как будто читал мои мысли бесстыжие, старый.
Но этим утишил мои по нему сожаленья.
И пью я. И вскоре бутылка становится тарой.

✧

Со вздохом Петро убирает бутылку и рюмки,
а заперши бар, куда ключ перепрятать, не знает.
— Тю, стэрво собаче, опьять розкыдала оклункы! —
коробки и свёртки на выходе злобно пинает.

На ярких коробках — заморские больше наклейки,
но мельком увидел и нашу я макулатуру.
— Грэбуть що попало! — становится дед на коленки,
спешит и шипит одновременно: — Мать твою дуру!!!

✧

Выходим во двор. Я едва не добавил: "на воздух".
Не воздух, а гной! Перестойный бульон атмосферы.
Угар терриконов, удушье дымов паровозных
с навозным амбрэ, — обжигает и ноздри, и нервы,

и кожу, и мозг. Я сквозняк зажимаю платочком.
— Ого! — выдыхаю. — Букет двадцать первого века!
Какой аромат по себе мы оставим потомкам!..
Спешу. Не прощаюсь. И не ожидаю ответа.

✧

Я выйду на улицу. Чавкнут зубами запоры.
Вновь темень сгустится, — черны украинские ночи.
Из балки потянет прохладой: там пруд, осокоры,
к воде подступив, омывают усталые ноги.

Скорее туда! Отдышаться хотя б, отсидеться,
развеять коньяк и засеять взрыхлённые чувства.
Политика — ложь. Пропаганда и вовсе — злодейство.
Но как осознать эту жизнь по законам искусства?..

✧

А в мамином доме — покой, тишина, запустенье.
Кровать с шишаками, прабабушкин коврик на стенке.
Иконка в углу, в полумраке лампада мерцает.
На Матери Божьей —
мне мнится иль вправду? —
лица нет.

Смиренна, темна — ох темна Богородица ликом
в своей безутешности и состраданье великом
к богатым и бедным, к великим и малым, к убогим,
не равным в грехе, но единым в молитве пред Богом,

творимой, меж тем, зачастую кой-как, суеруко —
о, не потому ли и не достигающей Божьего слуха? —

в чём грешен и я. Преклонить пред иконой колени
мешает и мне сочетанье гордыни и лени,
душевная хлябь, атеизма тяжелый осадок...
Себе в оправданье причин мы представим десяток
в надежде на милость и на всепрощенье Господне
у самого края своей — всяк своей! — преисподней.

✧

Вздыхают полы. Животворна густая прохлада.
Задумчивы книги в моей нежилой комнатухе,
где письма детей со времён, почитай что, детсада
складирует мама, и нам не давая их в руки.

Да мы и не просим. Столь редко и так ненадолго
из тмутараканей своих в отчий дом наезжаем
и то уж всего из сознанья сыновнего долга —
вчера прилетели, назавтра умчаться не чаем.

Отвыкли, отсохли, отпали от многих понятий.
Романтика нас отучала молиться гнездовьям.
"Союз нерушимый" затмил неразумным Пенаты.
С того-то и каждый из нас
так сегодня душевно бездомен,
а с тем и безроден. При явном наличии близких.
Вот все мы тут рядом — на снимке из нашего детства.
Какой и зачем разметал нас по свету баллистик —
садист? Недоумок? Другое ль исчадье злодейства?

✧

Мы порознь. Мы врозь.
Мы к другим присоседились стаям.
Мы с "младшими братьями", а не с родными летаем.
На птичьих правах
в чужеродных просторах гнездимся.
И трудимся там. И трудами своими гордимся.
Плодимся, взрастаем, корнями в края те врастаем.
Но ни для кого в тех краях мы родными не станем.

О чём же ты плачешь, моя золотая сестрица?
Отец тебе снится? Настала пора повиниться?
Но в чём повиниться, пред кем извиниться, сестрица?
Вот рухнул Союз — и ещё одна стёрта страница,
история мнётся: меж мной и тобою — граница.
Хотя б уж за это, кому поклониться, сестрица?

Не нашему бате. Не дядьке Петру. Не Ивану.
Они воевали. И были дружны. Даже спьяну
никто бы из них не посмел обозваться внезапом
хохлом ли, чучмеком, жидовскою мордой, кацапом,
в отличье от нас, припечатанных нью-пропагандой
(в родимом-то доме!)
кликухой
"москаль прэпоганый"!

✧

Меж мной и Петром
пропагадиной вроде не пахнет.
И речи различье не хлопотно нам, не обидно.
Зайдёт вечерком, самогонки налью, он бабахнет.
"И як його пьють комунякы?" — скривится,
но разве не видно?—
доволен, готов, расположен к душевной беседе.
О прошлом ни слова, о нынешнем я ни полслова.
А в будущем, что ж, всё нам видится в траурном цвете.
Нальём, повздыхаем, нальём, повздыхаем, и снова

нальём. Он вздохнёт окончательно: "Досыть!"
И вправду, досыта сегодня мы с ним наобщались.
Качнётся Петро, но привстав, неожиданно спросит:
— А дали як жытымэш? Грошi нэначе, скинчалысь,

так я субсудюю. А можна инакшэ: уранцi
прыходь, попрацюеш днив пьять або шисть.
Зрозумиеш,
дэ грошi ростуть и чым яблука пахнуть. Нэ хочэш?
То й пый свою чачу. До ранку! Дывысь, пожалиеш...

✧

— До утра, дядь Петя. Спасибо тебе за уроки.
Жаль, корм не в коня, да и вышли учению сроки.
Убогий мой труд не сулит мне и детям достатка.
Но я им живу. И мне горько порою. Но — сладко!

И что с того, что моя дочь не заведует базой,
к колхозным кормам мой зятёк не имеет лазейки.
Грабастай, чубастый! Губастый, зобастый, — грабастай,
покамест лобастый таращит растерянно зенки

на море ворья и открытого моря умору.
Но лучше умру я последним зевакой на свете,
чем сын мой увидит достатка бандитскую морду,
входящего в моду. И в горькую грудь дяди Пети.

ПОГОРЕЛИЦА
оратория

Да не столь перезвонны
Колокола,
Сколь в сердцах перезовны
Былые дела...
Василий КАМЕНСКИЙ

НОЧЬ ПЕРЕД ПОЭМОЙ

— Проходи, не бойсь,
околел, небось?
Да ты смелей,
скидавай пинжак,
за столом, в тепле
нипочём южак...
Эй, Матрёна! Закрыла бы, что ли, дверь,
ай не чуешь, тварь безответная? —
на дворе, гляди, — не буран, а зверь,
не зима, а страсть несусветная!..
Пей чай,
согревает, чай.
А меня
Афанасием величай...

Вечер ненастный.
Ветер несносный.
Дед Афанасий.
Дым папиросный.
Домик
в заброшенном Богом леске.
Бабка
на древнеродном языке
деда бранила, взбираясь на печь,
Бога молила прохожих беречь...
Что-то российское ожило вдруг:
поле росистое, скошенный луг,
дальний дымок над кривою избой,
вера,
надежда,
Отчизна,
любовь! —
Неукротимые силы земли
властно по жилам моим потекли,
и существо пронизала, смеясь,
сердца
с историей
кровная
связь.

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

В эту ночь я задумал
бесконечное полотно
нескончаемую симфонию
в которой свою судьбу
не взирая на общую партитуру
и своеволие композитора

поведал бы каждый из инструментов —
каждый
в меру своих природных
инструментальных
и эмоциональных данных.

Мы —
инструменты необозримого оркестра истории:
народа,
страны,
человечества.
Один человек — песчинка в своей стране.
Тысяча человек — лишь один мускул её.
Весь народ — это и есть страна,
вся страна,
с её прошлым,
настоящим
и зарождающимся в нём
будущим.

В сегодняшнем характере любого из нас,
в поведении и манерах, взглядах и интересах, —
в какую минуту нас ни возьми, —
гудят века, клокочут тысячелетия:
татарское иго,
набеги варягов,
распри русских князей,
скоморошьи игрища,
вечевые колокола
и пушкинские стихи.
Но только ли это?
А война во Вьетнаме, в Корее, на Кубе?
Культ Сталина. Убийство Кеннеди.
Долгожданная смерть
Мао Цзедуна?..

Мы обуздываем себя
а века
а сама история
стремятся рвануть ворот души
и выдохнуть из себя
стихийные силы
распирающие нам рёбра.

И когда нам грозят
огнемётами, голодом, мором
в рты надменных врагов
мы с достойным спокойствием смотрим,
ибо знаем, откуда
и веру, и силу
берёт
наш покладистый, мирный,
а всё ж своенравный народ.

Оглянись!
У Днепра,
у заснеженной поймы Онеги
в слой культурный сложили
и копья, и стрелы,
и спесь навсегда
печенеги.

Как ретиво рвалось,
как рубило нас гневно и лихо
пресловуто известное
монголо-татарское
иго?
Но в тартарары —
неужели и это забыто? —
российским народом
татарское иго
разбито.

Кого ещё били?
Кому ещё мяли бока?
Кого, говорите?
Ах, да, —
своего
мужика!..

ВСТУПЛЕНИЕ В ИСТОРИЮ

1

У Никифора
жена —
сатана.
У Никифора
забот —
полон рот.
Бедность
старого Никифора
за шиворот берёт
и цепляется
за полы
зипуна.
Укажи нужде, Никифор,
от ворот поворот,
сатану-жену вожжами — по плечам! — полечи,
полощи её,
родимую,
пущай поорёт,
мужики, они в семье
отродясь палачи.

Поищи, Никифор,
заработок
в той стороне,
где мозоли твои купят
по сходной цене,
где фабричные,
кирпичные,
зловещие
в ряд
в небо трубы горемычно пылят.

Что терять-то?
Ни кобылы,
ни быка во дворе.

Стены рваны,
а уж крыша —
так дыра на дыре.
Добрей к детворе
станет мать семьи...
Господи, благослови!
И тут — кабала,
и там — кабала.
Да единственный выход:
была не была...

2

А кулак-от
погореловский
Андрей Абрамов сын
о ту пору
на деревню
уж движок завозил.
За-во-дил! — движок,
да соляру жёг,
вкруг механиков немецких
егозой егозил,
недоверчиво ощупывал:
жидок ремешок
для осьмнадцати жалезных
лошадиных сил.
Чай, зерно молоть —
не языком молоть!..
— Эй, Натуська!
А неси-ка сюды, девка, каравая ломоть,

да Сашиху кличь — пусть увидит мать,
куды деньги утекли,
туды иху мать!..

3

Не спеши, Никифор,
фабрике
мозоли продавать,
у хозяина
холёный
интерес.
Зря, конечно,
мужичок,
ты, как Расея,
простоват, —
в кабалу бы опрометчиво
не лез.
А ушёл бы в лес,
на сосёнку б влез,
положил бы на восход православный крест,
тронул пятками босыми
вечернюю синь:
— Во имя отца и сына
и святаго духа,
аминь!..
Выпили б фабричные по шкалику
во упокоение души:
— Скромный мужик был
Никифор...
— Вечная слава
покойнику...
— Какая там слава
удавленнику?..
— Огурчики нонеча
хорош-ши!..

4

Было — сплыло. Было — не было. Быльём поросло. С городских паёв вернулись мужики на село. Воротились окаянные, пропащие, бельзином пропахшие, угрюмые, тощие, щетиной по самые уши обросшие.

— Я его, лешего, целовать в щёчки, а из его, ровно из бочки: дёготь-не дёготь, трогать-не трогать. Уж и поголосила за его, за суккинова сына!

— ...однако же, думаю: стой! — сопливый да свой, слава Богу, живой. А что пришел без денег, так ведь пропил, бездельник, а это нам не впервой...

— А я своего, бабыньки, уж и отмывала-отстирывала, да молочком отпаивала, в баньке отпаривала, старые заплаточки отпарывала — новые нашивала. Уж так я за ним зимушку переживала! Господи, думаю, — да сохрани ты раба своего Ивана, кормильца нашего единого, непутевого да любимого...

— А Василиху-т,
Василиху
Василь
до заводу,
чай, на ручках
не носил?
А из городу
вернулси,
коновал, —
первым делом
по зубам
наподдавал!..

5

А и вой на селе — стон бабий. Воротились не все с заводов и фабрик. Не во всех окнах керосин жгут, не во всех домах мужиков ждут. Кому ночь без сна — разговор об городу, от которого окна — тропка к омуту, из которого окна — вдовья песня слышна:

— О край села речка,
о край села синя.
Остались при бабе
дочь
и три сына.

Сыновья,
чтоб милостыню
у людей просить.
Дочка,
чтоб у речки
в голос
голосить:
"Дорогая наша матушка,
на кого ж ты нас покинула,
своих птенчиков некормленых
у холодного гнезда?
Как нам жить-крепиться, матушка,
кто ж родня теперь нам, милая,
кроме ветра подорожного,
да таких, как мы, сирот?.."

ОТСТУПЛЕНИЕ НА ПРИРОДУ

В сентябре на заре —
тишина, тишина.
Луговая трава в серебре,
мурава в серебре,
у отца моего голова в серебре.
И серебряный звон
излучает коса.
И туман серебрист.
И зари полоса
не набрякла
брусничным ещё багрецом.
И покой надо всем,
и покойно во всём.
Только выстрелит перепел
из-под косы,
да качнутся во сне
налитые овсы,
зябкой рябью поёжатся
воды пруда...
Неужели вот так же
здесь было всегда —
до Орды Золотой,
при Горохе-царе,
от зари до зари,
в мае и в сентябре?

Мирно вжикают косы.
Конь уздечкой звенит.
Тишина
тишину
тишиною
теснит.
Но истории грозы
не поэзия прозы —
память сердца
хранит.

ИСТОРИЯ В ЛИЦАХ И ГОЛОСАХ

На деревне охи,
на деревне ахи —
от царя Митрохи
и до Миколахи.
От царя Митрохи
и до Миколахи
на деревне — блохи,
а в городе — плахи.

Запускают голому
блоху под рубаху
и ведут к городу
поглазеть на плаху:

— Ты мотай на ус,
да почитай дулья,
коли жаль
волос,
голова
дурья!..

И народ идёт,
бычьей шеей вертит.
Он всё снесёт,
да не всё
стерпит!

✧

— Ну Россия! —
что вольна, что широка...

— Горлом кровь уже
пошла у мужика...

— Ей заводы бы,
ей деньги б да станки...

— Плешь заботы переели
и долги...

— Да, шапчонка на монархе
тяжела!..

— Само время
сбить двуликого
орла!

✧

— Чтой-то там за крики,
чтой-то там за брань?
— То Россия поднялась, —
голь да рвань.

Поднимает голову
голытьба.
Холоду и голоду
боротьба.

Поднимает голову,
ой народ.
До добра ли, Господи,
это доведёт?

Чем всё это кончится
в урочный час? —
Помилуй нас,
Отче наш,
помилуй
нас...

✧

Чья там молодость прёт,
чья старится?
Кабы знать наперёд
что станется? —
кого ждет судьба,
а кого судьбина,
кому два куба,
кому десятина...

✧

Плачут колокольцы
и колокола.
— Маменька,
покойница,
меня родила.

На грех родила,
судьбы не дала,
сама померла,
с собой не взяла.
Молоду оставила,
да судьба состарила.

А ить жить бы, жить
не тужа, —
больно штука-то
хороша!
Да на кой мне хрен
хрен с подсласткою, —
то подстилкой быть,
то подкладкою
и за это всё
обрастать горбом?..
— Жили-были-дили,
— Бам!
— Бом!

✧

— Бабы,
по коням!
Сашки — наголо.
Мёртвым да покойным
ох и тяжело!
Поперёк погона
от шеи до седла —
белого полковника,
красного орла.
Чай, не мёд сулю,
не сеянц вальца, —
до седла!
р-расколю!
а там сам
развалится!..

✧

Ты кати, кати, волна,
кровью собственной пьяна,
от заката до рассвета
и с рассвета до темна.

(Ты люби меня, Маруся,
пока мир, а не война...)
Т и ш и н а...

✧

— Что народу еволюция несё?
Холод, голод, разорение — и всё,
кару Божью, да господские кнуты,
да покойничков разинутые рты...

✧

— Выгорает земля.
Ах, Господи!
Что же, правда твоя —
навоз, поди?
Где же власть твоя,
где
воля?
Полны поля
перекати-поля...

✧

— Перекати-поле,
перекати
поле.
Десять вёрст до наших
осталось,
не боле.
Мне бы только волюшку
обрести!
Перекати, полюшко,
перекати.
Я в бою праведном
за село
беляком ранен был
тяжело.
То село ближнее
целиком
в эту ночь выжжено
беляком...

Но кто это хохочет —
баба ли, ручей?..
— Партейный ангелочек,
туды его в качель?
К стене его, заразу!
Ану-т-ка, погляжу,
что скажет, если сразу
обойму, а не фразу
в башку его всажу!..

И ставили партейного
к церковной стене.
Впивались пули
в тень его
сквозь дыры
в спине.
А тень шагала следом
сквозь всё его житьё...
Движением последним
он прикрывал её...

✧

А на прошлой на неделе
озле церкви старцы пели:
"Рупь — не рупь, а пятачок,
Иванушка-дурачок,
ду-ра-чок..."

✧

Положим, не в чести,
но не хулим вовек
средь умных
на Руси
блаженный человек.

Как чарка на столе
или в избе сверчок,
привычен на селе
Ивашка-дурачок.

А Вовка ли, Митряй,
и зряч он или слеп —
никто не скажет: "Дрянь!"—
ни впредь ему,
ни вслед.

И даже так: умны,
мы вроде как храним
сознание вины
невольной перед ним,

что меж помпезных нас,
как горькая слеза,
и разум его наг,
и плоть его боса.

За что ж,
позволь спросить,
он смеет нам сказать:
"Носить вам не переносить,
таскать вам не перетаскать?!"

Ведь зло. И не умно.
И дерзко...
Ну а вдруг
ему лишь и дано
разъять порочный круг?..

✧

— В дни вашего торжества,
Матери Божьей сын,
как тяжела голова
знаю лишь я один.

Вы — умные. Я — дурак.
Каюсь, как на духу:
вы научились врать,
а я вот всё
не могу.

А я на виду села
единственный дурачок
хожу в чем мать родила,
душу не прятать чтоб.

Но гордая эта голь
сердца вам не опалит.

Душевную знает боль
тот, в ком она
болит,
а вам её не дано.
Вместилище для дерьма —
сами уж вы давно
выжили из ума.

В блеске и в нищете
все вы едины в том,
что прежде — о животе,
а о душе — потом.

Сытый всея Руси
вечно бормочет в нос:
"Господи, пронеси!.."
Вот он вас
и обнёс!

✧

Ходит гоголем поручик
по морозному снежку.
Скоро пулю он получит
в благородную башку.

Ошшипают ему перья
взади, Господи прости!
Так что, братец портупея,
не особенно хрусти.

Растекается по свету
море мести роковой.
Ты запомни штуку эту
и втолкуй её кадету,
пока вертит головой.

Похрустит снежок
да растанет,
а поручик ужо
не встанет
и у скорбных знамён
Россия
не заплачет по нём
как сыне.

Горькая Россия,
трава-мурава...
Поплатилась,
покатилась,
постучала
по ступенькам
голова.

✧

— Что я скажу тебе, матерь Мария,
матерь Россия?
Ты мою жизнь мне сама подарила,
ты погасила.
Гоже ли сыну винить свою темную мать,
ежели сын на отца, брат на брата и деда
пошли воевать?..

✧

Горласт пулемет!
На все стороны поет,
как петух с насеста.
Пронимает до костей
то хозяев, то гостей,—
однова теста!

И лежит за ним Иван —
самому себе Иван,
сам и ум себе, и пан,
и идейник,
то по белым головам,
то по красным головам
пули ровно пополам
делит.

Повернуть бы вспять —
под огнем не встать,
тут гляди в оба:
недалёк лесок,
да велик висок,
тяжела ...опа.

Пальнут свинцом —
и дело с концом,
и земля пухом.
А у райских врат
и сам чёрт не брат
со святым духом.

Эгей, пулемет!
Душа к пяткам льнёт,
ворон страха над полем
кружит.
Но ни кровь, ни страх
в обеих цепях
эти цепи уже
не сдружит.

Между тех цепей
не полынь-репей,
не лоскут предвечерней
сини.

Это смертный бой
за любовь и боль,
за иную судьбу
России.

✧

— Р-раз, два,
р-раз!
То не кровью ль Волга-матушка на зорьке налилась?
— Левой! Левой!
Р-раз!
Я не щука, я не язь, я саратовский карась.
Р-рязь, два,
р-рязь!

— А во поле, в чистом поле — пыль да грязь.
Р-революция от Бога зачалась!

— Эй, Вась!
От чего кобыла сдохла?
— Самогону опилась...
— Левой, правой, — раз, два,
р-раз.
Раз, два,
раз,
раз,
раз, два, раз...

— А вчерась,
Митроха, слышал? — учерась
у обозной поварихи, бают, дочка родилась.
Говорят, от комиссара. От Шишова, говорят...
— Не болтай, чего не следоват. От этого — навряд,
больно праведный Шишов-то,
ну, не хуже, как наш поп,
от такого забеременеть — живьем полезешь в гроб.
Али не с кем поварихе веселее переспать,
не со мной, так хоть с тобою,-
ну а с ним, какая стать?..
— Ать, ать,
ать-два, ать,
ать-два-ать,
ать, ать, ать...

ОСТОЙЧИВОСТЬ ИСТОРИИ

Что История? История — шалава.
Людям горе, а ублюдкам честь и слава.
Генералам — ордена и позументы,
а народу — ордера на алименты:
в Фонд погибших и калечных; безутешных
матерей и сыновей осиротевших,
Фонду Славы и на нужды Обороны —
то есть снова — на снаряды и патроны,
и, конечно, — на бинты, медикаменты,
костыли, и ордена, и постаменты,
а отсюда — на калек и убиенных,
и на без вести пропавших, и на пленных,
на поминки и героев прославленье.
И так далее, всё в то же направленье.

А История? Да что ей лево-право?
Ей проклятье наше с вами
тоже — слава...

САМИМ СОБОЮ НЕДОВОЛЬСТВО

Скажут:
истина беспристрастна,
я отвечу им:
чёрта с два! —
ибо жизнь лишь тогда прекрасна,
если кружится
голова.

В доме друга,
в избе гуляки,
как ты, жизнь, меня ни иначь,
я усну головой на плахе,
даже знай я, что он — палач.

Пусть кладёт под подушку бритву,
ждёт, как кровью нальётся тьма.
Он вспотеет — а я не вскрикну,
я умру — он сойдёт с ума.

На рутину, подняв забрало,
встану во поле и в тайге,
в левой сжав рукоять орала,
меч сжимая в правой руке.

Но, коль скоро и поле боя
так расплывчато в наши дни,
я воюю с самим собою:
свет и сумрак —
во мне они.

Раб и ратниик двойного свойства,
Главковерх над своей судьбой,
подниму своё
недовольство
на довольство
самим собой.

ВЕСЬМА ПРЫТКОВ

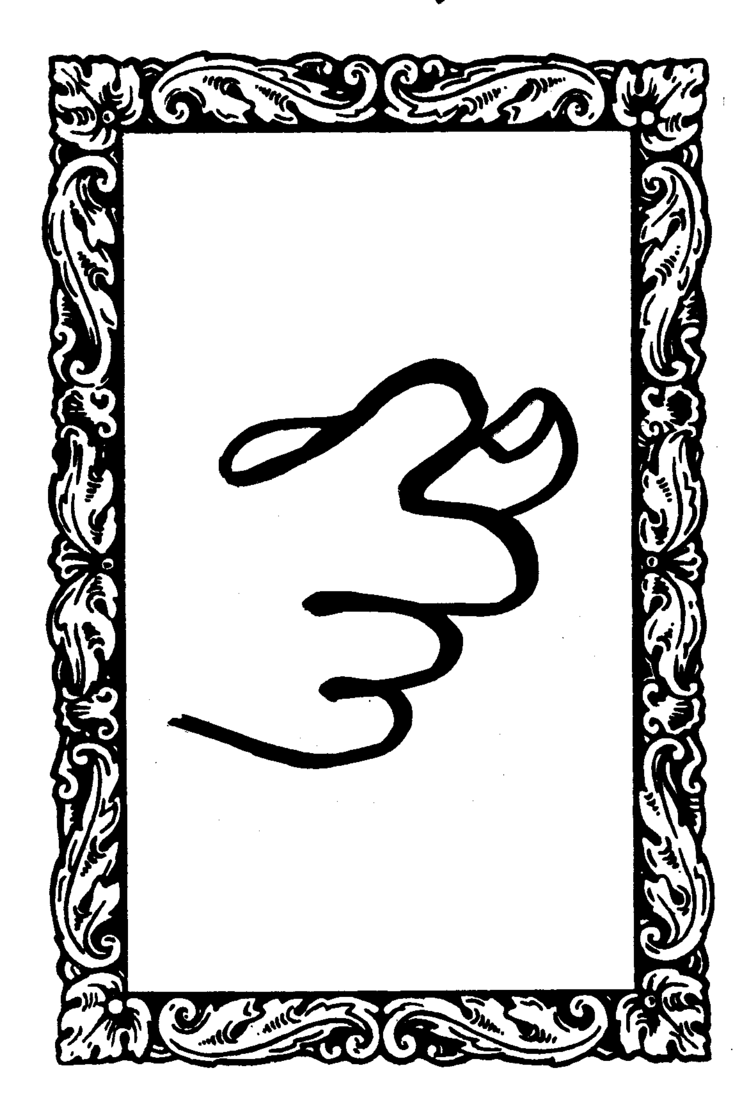
Переводы с русского
Дуэты с классиками
Софоклиада

Наблюдёшки
Побрехушки
Запоминюрочки
Поздравлюшки
Пародырки
Эпиграшки

- Я лежу на столе поэта! -
ликовала чистенькая страница. -
На мне напишут стихи!

Но пришел сын поэта
и нарисовал на ней
обыкновенную фигу.

Вот такую:

ЧИТАТЕЛЮ – СЧИТАТЕЛЮ

Читатель расправил плечи,
вырвавшись из оков:
– Заняться, – вздыхает, – нечем,
ни прозы, мол, ни стихов,

гении, что ль, иссякли,
гены ли пресеклись? –
А те, что и есть, писаки
коммерцией увлеклись...

Читатель, собрат, содельник,
сопляжник недавний мой,
давно я не видел денег, –
уважь, покажи. Не ной!

Я твоих не считаю,
желёз не тружу слюнных.
Но вот интересный штрих:
я книги пишу, читаю,
а ты хоть листаешь их?

Давно ль, хоть на сон грядущий,
раскрыв на строке любой,
пошевелил губой –
друг ты мой завидущий,
заведующий собой?

На выборных лабудеях,
при нынешних лицедеях
рекламной белиберды,
читатель – считатель денег,
зашьёшься ты в бюллетенях, –
уж буквы забыл, поди?

ЦАРСТВИЕ БАЛБЕСНОЕ

Царя! – кричат, – Царя!..
Пришли с Царём...
(сам выдумал!)

Пора сказать открыто, беспристрастно,
что жизнь прошла практически напрасно,
барахтаясь в болоте бытия
и пития. Святого жития

не вышло. Было дышло, думал – ось.
Одумался – лишь выдохнул: "Авось!.."
И в этом гвоздь...
Так воз всея Руси –
в пыли, в пороше, по уши в грязи, –
на Бога уповает, на Царя.
А правят им – всё больше – егеря,
с правами на отлов и на отстрел
всех, кто незрел, кто рано перезрел,
кто превзошел в любви своей Царя...
Подохнет егерь – выдвинем псаря.
Ещё бы Царь из писарей хорош:
и буквы знает, а и стоит грош.

...А ежли что,
так что с него возьмёшь?!

Я, НАЧАЛЬСТВО И "ПЕГАС"

Шеф мой – бледный всегда, суровый,
раб идеи "Ура Труду!" –
нынче вона какой здоровый:
разрумянясь на холоду,
переменами ободрённый
воссидит в калашном ряду.

Он сидит себе, в ус не дует.
Весел некогда властный глаз.
Голос – правда – уже не глас,
не идеей-таки торгует, –
сигаретами марки "Пегас".

Подрулю своего Пегаса,
привяжу за его верстак:
"Что, Петрович, лафа погасла,
стало дело совсем – табак?.."

Усмехнётся он безучастно:
"У меня и табак, и масло,
а вот ты, я гляжу, слабак –
ни нам рыба, ни себе мясо.
Видно, нету в мозгах компаса.
И семья, поди, на бобах?.."

– На бобах, отец, на бобах.
Манифестами дом пропах.
Дети плачут, жена рыдает,
тёща телеку смотрит в рот,
внучек рейтинги вычитает,
внучка ненависть к ним питает,
а невестка – стихи орёт:

"Не желаю по рынкам с сумкой
деревянным греметь рублём!
Быть хочу Столбовою Думкой
с личным спикером за рулём,
с телефоном и с референтом,
спецпайки чтоб – туда ж плюсуй!.."
Вот такой в дому референдум,
хошь-не хочешь, а голосуй...

Промолчит в этот раз Петрович,
лишь перстом постучит по лбу.

Чем его аргумент покроешь?
Лично он уж видал в гробу
и былые свои идеи,
и сегодняшний наш афронт.
У него
на табачном деле
миллион уже
"лёг на грунт"...

Посрамлённый былым начальством,
увожу своего коня,
чтоб не сдох у прилавка часом
или чтоб посерёдке дня
не пальнул, так сказать, фугасом
по припасам с чужим "Пегасом", —
штраф-то, всё же,
возьмут с меня!..

ПРО КНУТА

Нехотим Нохотимыч Кнут —
трижды ломан, пятижды гнут,
в море бит и на суше пуган,
пережив перестройки вал,
грешным делом, загоревал:
затолкали, заразы, в угол.

Жизнь мила, да жоржень гола!
Ни двора под ней, ни угла,
перепахана перспектива.
Он за правду ходил в ГУЛАГ,
БАМ бурил, горевал в горах,
а настиг, — поглядеть противно.

Правду — всюду! — не ставят в грош.
Слева ложь, посерёдке ложь
и облыжная лажа справа.
И у всех аргумент простой:
всей, мол, истины в правде той,
что и вправду она бесправна!

А без права, едрёна вошь,
хрен посеешь — хрен и пожнёшь,
значит, стало быть, хрен и лопай.
Прехорош ты трудяга, Кнут,
но и рынок не плоше плут:
семь бандюг на беднягу. С ложкой!

А и кроме бандюг-воров,
рать ораторов, будь здоров:
семью семьдесят семь, — орава!
Пусть не рынок они — базар,
брюху кто из них отказал?
Гонор требует гонорара.

— Не хотим! — задымился Кнут. —
Улетим. Из себя. В Бермуд!
Время в семечках разобраться...
Но Кнутиха — жена Кнута,
воздыхнула: "Всё маета,
тама, старый, хужей стараться,

в тех законах ни в зуб ногой,
пропадём с тобой, дорогой,
об словарь их — язык сломаешь,
закрывай чемодан, стручок,
да сигай ко мне под бочок,
покряхтим ишшо, понимаешь!.."

"Боже правый, — подумал Кнут. —
И нигде по нам не икнут,
ни в заморской стране, ни здеся.
Значит, стало быть, вот и край,
вещи — к Богу в рай — собирай..."
Тут и вся, извиняюсь,
песня!

БАБУШКИН КОЗЛИК

Жил-был у бабушки
серенький козлик.
...Шкурку его
я повесил на гвоздик.

Бабушка козлика
очень любила.
Супчик из козлика
очень хвалила.

Ела, хвалила,
слёзки лила:
"Подлые волки
сожрали козла!"

Бабушка плакала,
бабушка ела,
зяблые рученьки
в муфточке грела,

муфточка та
из козлёнка была.
"Жалко, сынок,
бедолагу козла..."

Вывод сей сказочки
скушен и страшен:
"Бедная-бедная
бабушка рашен!.."

ГЛУпОКОЕ ТЕЧЕНИЕ

Вот вам новая формация: "великий сов.народ"!
И стригут его, и бреют, — и скрипит, а не орёт.

Или понял, что напрасно, иль поверил, что всерьёз
о его благополучии решается вопрос?

Или плюнул и на власти и на сласти их речей
и решил, что уж ничей он — как река или ручей,

что течёт себе от века по земле моих отцов
при Советах, без Советов, мимо брёвен и пловцов,

и плотов, и пароходов, деревень и городов,
монархистов, санкюлотов, и базарных живоглотов,
и бандитских животов?..

Я хвалить его не стану, но не смею и хулить.
Пресекается пред горем ироническая нить.

Он не нов, но и виновен, простодыр, а всё ж велик,
от рождения — младенец, да уж опытом — старик.

Он течёт себе по золоту, по родине течёт.
Жаль, говнишко в нём не тонет.
С неба солнышко печёт.

Ветер тучи погоняет. А в умах — всё тишь да мгла...
Оттого зело и пахнут
всенародные дела!

ПОСИДЕЛКИ У МОГИЛКИ ВНЕ БУТЫРКИ, ПРИ БУТЫЛКЕ

Чёрный юмор — тоже юмор!
Из афоризмов автора

Когда уходишь в мир иной,
уходишь в мир иной,
перед дорогой посиди,
поговори со мной.

Ну как о чём? О том, о сём,
об этом, — обо всём,
что мы — живые — без тебя
на душах понесём.

А понесём не ковш ухи,
не хаш из требухи —
твои грехи, свои грехи,
всеобщие грехи.

Всеобщий грех — главнее всех,
но тяжелее всех
и потому его, как хлеб,
разделим мы на всех

и станет меньше грехоты,
а также срамоты.
А ты — уходишь. Ты не прав.
Увиливаешь ты!

Тебе-то будет хорошо:
лежи себе в гробу!
А нам переть всю эту жисть
на собственном горбу.

Ну как куда? А всё туда ж,
куда и все несут:
на самый, что ни есть, этаж, —
то бишь, на Страшный Суд.

Но раз уходишь навсегда
из жизни этой вон,
уж ты уж воду отключи
и свет, и телефон.

Тот Свет — на то уж он и свет,
что там и так светло.
И газ — от нас. Да и тепло
всегда ж — наверх — текло.

А телефон? — на чёрта он
в раю или в аду?
Там всякий транспорт на ходу,
все души на виду

и нету повода звонить
ни в ЦРУ, ни в КГБ.
Лежи себе, вздыхай себе, —
ну ни хрена себе!

Вот чуть подумаю о том,
прям завидки берут:
ты тут живёшь, как дурачок,
а люди себе — мрут,

и мрут, и мрут, ну как бегут,
положим, за бугор,
но только легче: что за труд? —
закрыл глаза — и ты не тут,
и кончен разговор.

А тут — ОВИР, на воре вор,
на грубияне хам,
и референдум до сих пор,
и прочий стыд и срам.

И у жены в глазах огонь,
а значит будет дым,
и лучше было умереть
до ссоры — молодым.

Комбайн стиральный угорел
ещё под Рождество,
а я его не осмотрел,
не доломал его.

Сломался в доме пылесос,
накрылся самовар,
а я и нос не почесал,
и зад не оторвал,

не заработал, не зашиб
и не наторговал...
Скажи, какой же я мужик?
Одни штаны! Завал!

И что сказать? Она права,
а я не лев, не прав,
я — от жилетки рукава,
и то — один — рукав.

Никто, ничто, ни для кого,
я — ваучеро-чек.
Гайдар вот выдал мне его,
а что с того? А что с него
теперь получишь? Хек!

Гайдар, Гайдар... Ещё удар —
хана моей семье.
И даже новый самовар
не пригодится мне,

как чай и кофе — вам — в аду
или табак в раю...
А хочешь? — я к тебе приду,
развеем грусть твою

и райский ваш мадепалам,
как Бог велит, напополам,
чтоб всем на свете хорошо,
разделим, — хорошо?

Так Ленин тоже говорил.
А Сталин взял и поделил:
тому кусок, тому кусок,
а этому — в висок.

А тех — в пески, на Соловки,
в Сибирь, на Колыму, —
всё по уму. Большой стратег,
честь и хвала ему!

А то базарят там в ВС
и год, и два, и три:
те по дрова, а эти в лес,
а те вон — взад — в КПСС,
а ты на них смотри,

зевать зевай, но не замай,
хоть и тобой дано.
Его твоя не понимай
уже давным-давно...

Скажи, брат, что это за жизнь?
Не знаешь? — Наливай.
И пей бегом, и шевелись,
проваливай давай.

Раз карта выпала — спеши,
да загодя не трусь:
небось, в заоблачной глуши
хужей не будет для души.

А ежли что,
так ты пиши,
я мигом отзовусь!

— ВАС "МАТРОССКАЯ ТИШИНА"-с!..

Вчера из "Матросской тишины" выпущены на свободу последние обвиняемые по делу ГКЧП СССР.

Из газет

Ряд лидеров бывшего Верховного Совета РФ, находящихся ныне под следствием в Лефортово выдвинуты кандидатами в члены Государственной Думы...

"Радио России", ноябрь 1993 г.

1

Сделал мой друг предложение мне
в бане на третьем иль пятом стакане.
Так, мол, и так: есть места в "Тишине", —
сядем заране?

Пульс перемен, мол, давно нездоров,
путчи да бучи всех в кучи смесили.
Что ни скажи, а таких нумеров
мало в России.

Не коммунист я и не демоплут,
и по Царю не парю в ностальгии.
Ежели что, — нас ведь к стенке припрут
те и другие...

— Э-э! — на дружка я с укором смотрю
и, под влиянием пара и хмеля,
— Мало того, что ты трус, — говорю, —
ты ж — пустомеля!

Не предавайся порожней мечте,
потенциальный ты мой "полосатик"!
В мемориальные камеры те
нас не посадят,

так что, не мыль свой седалищный нерв
и не распаривай попусту копчик.
Нас триумфатор — любой! — без манер
тут же и кончит.

2

Мог ли я знать, что предвижу исход,
что сочиняю астральную правду,
что через год "воронёный" эскорт
въедет в ограду

той — не "матросской" уже — тишины,
не адмиральского, но марафета?..
Как вам сидится-то там, паханы,
в нашей мечте-то?

Ясное дело: "синь глаз не сосёт",
твердь не даёт ни опоры, ни форы.
Так ведь зато от налогов спасёт
и от реформы!

Мы уж с приятелем — в баньку ни-ни, —
вдруг да ещё чо-ничо напророчим?
Выборы, вон, чего стоят одни!
Кто там не сблочен?

Кто там скребётся в "тишинский редут"?
Узники просят чужих не стучаться, —
вас ещё БУРы колымские ждут,
их — депутатство.

Не федера... фигуральный Совет,
а натураль... генеральская Дума.
Сунешь свой умный вопрос, а ответ
выпьешь из дула!..
....
Ох, не простят нам наш банный обряд
и внепартийное это болтанье...
Впрочем, да нам ли тревожиться, брат?
Мы уж три раза по десять подряд
здесь, в Магадане!.

НАШИ ИРОИЧЕСКИЕ БУДНИ

...Дурындия бунтует. Пусть бунтует.
Что мне, тебе, что нам до их разборок? —
своих не счесть!.. В Мурляндии стреляют.
Ну, эти — в наших, эти оборзели,
пора и брать.
Молчат "прорабы духа".
Как только надо думать о России,
о долге, Родине — они кладут
в штаны
путёвки в Ниццу. На Курилы
такой прораб — во сне не полетит!..

А мне зачем Курилы? Вон, Аляску
отдали за бугор, — живут как люди.
Скучают, да. Но эта ностальгия
не в тягость им: не рвутся на Чукотку
и не спешат — за песнями! — в Москву.

Москва, Москва... Как много в этом звуке
самодовольства и столичной спеси,
а поглядеть — торгашка, замухрышка,
вокзал транзитный, — только и всего!
На фоне всероссийского развала
лишь Петроград достоинства исполнен
да Магадан. А что? Не митингуем.
И Ленина не сносим, и Борису
на площадях не курим фимиам.

Но я о бунтах. Бунты — непорядок.
Но если не в России, так и ладно.
Хотя, был слух: Зимбабвия бастует, —
вот это плохо, этак нам — кранты.
Ведь забастовка — кризис — голодуха, —
всё цепь одна. А кто ж тогда нам помощь,
пардон, гуманитарную пришлёт?

Да вот и рынок: кроме забугорных,
на нём и нынче нет уже товаров,
а Запад забастует — что с базара
мужик российский завтра понесёт? —
Белинского и Гоголя? А как же!
Да он и Олефира не читает,
а уж Прыткова — что и говорить...

P. S!
(Ну, это — зря! За классиков — обидно).

P. P. S!
— А что тебе опять до Олефира?
— А ни фера! Я это всё к примеру.
Имею право, вот и гоферю!..

ТЕАТР РОССИЙСКОГО АБСУРДА

Жизнь на России давно опереттна.
Вор из Чечни сочиняет либретто.
Опер Бандиту там честь отдаёт.
Думцы таскают друг друга к ответу.
Спикер чихает, читая газету.
Всем — и давно! — начихать на народ.
Голь на галерке
задумчиво пьёт.

Некто (во фраке) лишь рот разевает.
Кое-кто (в маске) проснётся, бывает,
кое-что вякнет и снова уснёт.
Барышня (в белом) картинно страдает,

хочет в Америку замуж, рыдает —
здесь её в жены богач не берёт.
Голь на галёрке
скучает, но пьёт.

В марте случилась комедь "Референдум".
Трижды нам "Да!" исполняли при этом
в оперном зале "Прилежный Народ".
Пели-то порознь, да ор был единым.
Ария Гостя Высоким Блондином
спета — как рюмочка выпита, — влёт
(он по сей день эту ролю поёт).
Здание рушится.
Публика — пьёт.

А телевизор от счастья трясётся:
всё по уму у нас, всё удаётся,
амба Мальчишам, Плохиши, — вперёд! —
не прозевайте счастливое детство,
рушьте, воруйте отцово наследство.
— Люди меняются! — ящик орёт.
Диктор старается.
Зрителя
рвёт.

ГОД БЫКА

1

Наступает Новый год.
Что случится, кто придёт,
кто уйдёт к чертям собачьим —
не увидим, так "побачим",
а кондрат не заберёт,
можно смело наперёд
полагать:
ещё поплачем!

2

Кончен Крысий год. Финита!
Даль темна. Бюджет в бидэ.
А на сцене (не в суде!) —
цирк эпохи ельцинита:
у Премьера-неофита
под зарплаты нет кредита.
Вроде — по уши — в труде,
у вождей башка болит, а
мысли вышли. По нужде...
Где собака? Кем зарыта? —
Шито-крыто, шилом брито,
афоризмом по балде:
"Дело — в шляпе, не в гвозде!"

Где корыто — там коррида:
рэкетир, бандит, барыга,
Центробанк, Минюст, Минрыба,
Минкультуры, МВД,
Кремль...
и далее — везде
крысы крупного пошиба!

3

Наступает Новый год.
Просыпается народ
в ситуации типичной:
Некто властный, но тряпичный
из страны верёвки вьёт,
мягко стелет, жёстко врёт,
бас примеривая зычный,
да не знает, закадычный,
что народ, хотя и мрёт,
но имеет норов бычий.

4

Мы вступаем в год Быка.
Крыша едет с чердака
царства-государства.
Стала совесть коротка.
Рукосуйка-паства
(по совету чурбака),
что ваялось на века —
расплевала в два плевка,
а продавши с молотка,
зыркает мордасто:
где б найти бы дурака
да куда б податься,
да самой продаться?..
"По делам — воздастся..."
Здравствуй,
здравствуй,
год Быка!

ПЛОХАЯ ВЕСТЬ К БЫВШЕМУ ПРАЗДНИКУ

Весть чёрную
в день красный принесли,
как будто мало более напрасных.
Хоть, в сущности-то, праздники прошли.
А вдуматься, так был ли он — тот праздник

с седьмого по десятое число?
Мы к той поре его не обоняли:
самих на площадь нас уж не влекло,
ну, а силком — уже не загоняли.

И, лишним наслаждаясь выходным,
кто мог — тот пил, а немочные — в "ящик"
уставившись, вдыхали сладкий дым
рекламы: о товарах настоящих

из-за бугра. И таяли втайняк,
а кто и с нескрываемой слезою:
"Вот жизнь так жизнь! Авось, без коммуняк,
всё это — и для нас не за горою.

Придёт и к нам заслуженный успех,
помноженный на годы ожиданья.
Разгоним этих, выберем вон тех,
и заживёт — от пуза! — Русь святая..."

Но то ли запятая на пути,
не то ещё какая закавыка,
а вот и по прошествии пяти
дремучих лет, а шика — ты гляди-ка! —

всё нет и нет. Нет пенсий, нет зарплат.
Не тот народ правительству достался:
то в Лившица недобрый кинет взгляд,
то матерком помянет А.Чубайса.

А им — хоб хны! Всего-то и забот:
на выборах подельника не вдарить
об лужу — тем, что в простоте народ
лицом зовёт,
а задницей считает.

НЕ ЛЕТАЙТЕ, ДЯДИ, В ЧИЛИ,
ЧТОБЫ ВАС НЕ ЗАМОЧИЛИ...

В перуанском ресторане Их-Иташ
неизвестных трое дрянь лакали аж
до рассвета, а напьясь заподлицо,
пристрелили совтуриста Кузнецо.

Кузнецов сидел за столиком в углу,
пить не пил, лишь думу думал, как в Перу
растворится он средь прочих чужнецов,
навсегда забывши родину отцов.

Станет Кузя человеком без булды:
хочешь — по миру летай туды-сюды,
хошь — сиди себе на ранчо, дуй чаи,
а ковбои табуны пасут твои,

жеребяты гулеванят по степям,
дети в доме, баба в доме, — я те дам!
Всё бы ладно, не торчи в его судьбе
многолетняя работа в КГБ...

Трое пили, понимали его боль.
Ни о чём не говорили меж собой.
Но и с мушек не спускали пол-лица
сослуживца — каперанга Кузнеца.

Каждый думал: "Ишь, подумаешь, подлец,
я бы тоже мог остаться наконец
хоть в Боливии, хоть в Чили, хоть в Перу,
но работаю, на Родину не пру.

Там, на Родине, забот невпроворот,
перестройка о себе вовсю орёт,
и народ ей в рот заглядывает-ца,
хоть при этом и в компьютеры
закладывает-ца.

Не сажается пока, но до поры.
Как в колхозе, скажем, пашня под пары:
ты пари себе, твори себе, жируй,
срок настанет — всех засадят, не горюй!.."

Но народ, на то и русский он народ,
чтоб залётным краснобаям зырить в рот
и не верить ни попу, ни звонарю
и ни знахарю ЦК Политбюрю.

В этом, может быть, народа и беда:
то туда его качает, то сюда,
то он верит, то не верит, то он спит,
начихавши на религию и СПИД,

на московскую и питерскую прю...
Это я вам между делом говорю.

А по делу, так в тот вечер автор ваш
тоже пьянствовал под крышей Их-Иташ,
наблюдая, так сказать, со стороны
за работой славных контриков страны.

А чего там, впрочем, было наблюдать?
Дятлов этих и на родине видать,
у "совка" к ним аллергия за версту.
Словом, вычислил я эту мутоту.

Лейтенантики, должно быть, пацаны.
Без погон, а при осанке, при усах,
сразу видно: от лица всея страны.
А на лицах — опупение и страх.

Всё ж предатель-не предатель, — человек!
Кто судил там, кто рядил, а ты — палач
и обязан пристрелить его. Навек!
И при том ему завидуешь, хоть плачь.

Но! — обязан. Но! — навек, а не на час.
Не для понту иль блезиру, — навсегда!
Не когда-нибудь, а именно сейчас.
Вот такая, понимаешь, лабуда.

Лабуда ли, лабудой, по лабуде ль, —
а стрелять должны все трое. В одного.
Чтобы не было промашки. Чтобы, скажем, на суде
не свидетельствовал ты против него.

Ну а он бы на тебя не поволок:
уж тонуть, так чтобы разом — оп и ля.
Ох и райский ты, Россия, уголок,
ох загадочна ты, русская земля!..

А Кузнец впервые в жизни был трезвяк.
Ресторанчик озирал он, как Третьяк.
Зная методы коллег своей страны,
волновался, но на морде — хоть бы хны.

Был он профи, каперангом был не зря,
ощутила нелады его ноздря,
что была вполоборота к палачам.
И забегали мурашки по предательским плечам.

Но не сник и не скукожился Кузнец.
Было время — сам бывал на их ролях
и ходил на это дело, как невеста под венец,
с чувством гордого волнения в грудях...

Как случилось — не упомню, видит Бог, не углядел.
Эти трое, не спеша, проковыляли через зал
и Кузнечик мой печальный как-то разом похужел,
словно чаем поперхнулся. И ни слова не сказал.

Я к нему, как говорится, а уж он уже не тут.
На губах — подобье крика, на лице печать тоски.
А в глазах пустых, как в тундре, снеги белые метут
и на бледный лоб стекают золотые волоски.

Ах ты, Господи ты Боже, засветился-то я зря.
Вон бегут два полисмена с пистолетами навскид.
Лейтенантики-то смылись, им земляк до фонаря,
а вот что со мною будет — ихний суд мне объяснит...

ЛЕТАЮЩИЙ МУЖИК

*

Ночь была простой. Предновогодней.
И мужик простой. Чревоугодный!

Захотел по-маленькому. Встал.
Жить устал. И пить уже устал.

Свечка полоснула по лицу.
И пошёл к скрипучему крыльцу.

Вышел в ночь. И тут же — за порогом,
провалился в бездну. Ненароком.
Бездна приняла его как бездна:
вялодушно, глухо, беспомпезно.

Ахнул он от страха и восторга —
так под сердцем сделалось просторно,
весело и жутко. Он летел
и затылком вечности касался,
сам себе Галактикой казался,
макромиром
в мире микротел...

*

(Сам ли плыл, душа ль его летела,
с проводов сознание ль сошло? —
ни семья заметить не успела,
ни в учёных справках здравотдела
отраженья это не нашло!..)

*

Не любивший ранее ни Баха,
ни высоких дум наедине,
вскоре всё ж очнулся он от страха.
Хлопала холщовая рубаха
по худой, натруженной спине,

липли полотняные кальсоны
к голубым, от холода, ногам.
И хотя казалось: невесомы
ноги да и руки, где-то там —

глубоко под ложечкой, тревога,
хоть и невесома, а тяжка,
хоть и не до смерти, а немного,
всё ж, затяготила мужика.

За душой не ведая заданья,
в ужасе вращая головой,
погружаясь в бездну мирозданья,
вспомнил он: с небес и "до свиданья"
не отправишь почтой полевой.

Сверху темь и снизу чернотища,
слева пропасть, справа пустота.
"Господи! — подумал. — Не отыщут,
в трудовой такого понапишут,
жизнью всей не смоешь ни черта!

И на кой мне вся эта морока?
И куда он — гладкий этот путь?
Ведь подумать: не на что взглянуть,
а вернись — твоя командировка
и жене не нравилась ничуть".

*

(Наши удивительные жёны
вот уже и в космос протяжённы!..)

*

Первое отхлынуло волнение.
Легкая прихлынула хандра.
"Тоже мне, — подумал он, — Вселенная!
Ни тебе какого населения,
ни машин. Провинция! Дыра!.."

Огляделся мужичок летучий.
Спит Земля. Ни свечки. Ни костра.
Обогреться б, так на сучий случай
не оставил с вечера вчера...

Между тем, час от часу не легче.
Хоть и залетел вельми далече,
отрезвел весь, Господи прости, —
жить-то надо, как тут ни крути!
И мужик, заместо тронной речи,
по-хозяйски расправляет плечи,
правит душу к Млечному Пути.

"Хоть и не пивной он, а молочный,
пусть небесный он, а не земной,
всё же, до утра он самый прочный
из путей, открытых предо мной..."

В этой фразе мысль его утопла
за переизбытком глубины.
И зевнул он, сам себя недобро,
как бы оглядев со стороны:

сердце глухо стукало о рёбра,
холодили задницу штаны.
"Эх, сейчас бы к пиву бы да вобла!"—
почему-то вспомнились утробно
дни такой недавней старины...

*

("Тут уж не до пива, хоть бы чая!"—
злюка-мысль хихикнула над ним.
И путём неторным, неземным
дальше полетел мужик, скучая).

*

Скука — состоянье примитивное:
груз душе, смятение уму.
На Земле мышленье — коллективное,
ну, а тут всё надо самому.

Щас бы обратился к партсобранию —
там-то дали б азимут и цель.
Он готов к любому испытанию,
главное — лететь бы по заданию,
ну а там — хоть к Штирлицу в Тарзанию,
хоть в Марсель к какой-нибудь мамзель.

...Это всё он, ясно, по незнанию,
как давно он вылетел отсель!

*

(Нешто правда мужичок не знает,
что уж надцать лет, как он летает?
Мы тут извелись от перемен,
а ему там — в небе — хоть бы хрен!
Ни тебе Верховного Совета,
ни плюрализации всех стран,
ни газет, ни радио, ни света,
ни войны в Абхазии, — вот это
мировой! — и вправду — океан...)

*

Ну и пусть. И скатертью дороги!
В добрый час, а мы-то тут при чём?
В тёмном царстве нашей перестройки
всё равно не стать ему лучом:

не писал романов, как Лимонов,
мемуаров, как товарищ Г.
В классовом сознанье миллионов
думал вечно будет "гегемоном"?
Хай теперь побудет — просто "г".

Всякое явление — конечно.
Он летит и Бог ему судья.
Жаль, замолвить за него словечко
в царстве Том не в силах даже я.
Нет ни блата в нём, ни элитарности,
Бог насквозь всех видит "ху есть кто".
Это на Земле ещё бездарности —
каждый третий! — жаждут благодарности
даже и не думая: "За что?"

Там и строй иной, и атмосфера,
там у них и видимость — эге!..
Я ему сочувствую всецело
(ведь не век мотаться по дуге!):
улетал — балбес — из СССРа,
а вернётся — дурень! — в СНГе...

Как его и чем его мы встретим,
всё ли он в сознание вместит
из того, что мы ещё тут слепим?—
вот какой вопрос меня мутит.
Улетал ведь —
в восемьдесят третьем,
а когда обратно
прилетит?

*

(...Если с грузом опыта полёта
"за бугор" мужик не сиганёт.

*

...Если будет лётная погода
в ночь под этот самый Новый год.

*

...Ежели из нашего народа
до тех пор хоть кто-то доживёт!)

ГОСТЬ ЖЕМАННЫЙ

Снял пальто — сымай пиджак, говори чего и как.
Нет, что холодно — понятно.
И про то, что жизнь — бардак,
тоже ясно. Не напрасно кажный день смотрю видак.
Что замолкнул? Дай пятак.

А по телеку сегодня — то ли свадьба, то ли сводня,
то ли Дума, мать их так!
Удивительное дело: чем большее беспредела,
откровенней кавардак,
тем спокойней ум и тело
и душа как затвердела,
знавши Грозный и Спитак.
Чо молчишь? Гони пятак!

Что стоишь как малохольный?
У меня вон рубель гольный,
время парня обратать.
У тебя умов — палаты,
от зарплаты до зарплаты
умудряешься летать.
Можешь рубель подпитать?

Не боись, лишка не клянчу,
не покрою недостачу —
сам слетаю до ларька.
Хватит попусту поститься,
не пора ли нам скреститься
в два стеклянные клинка?
Водка — дрянь. А жизнь кака?

Да не рой в кармане кукиш,
за него "ситра" не купишь.
А мильон не наскребёшь —
и в рулетку не сыграешь...
Ты кого, гребёна вошь,
и куда там посылаешь?
Ёш-клёш-трёшь-мнёшь!
Стало быть, не понимаешь.

Надевай пальто, пиджак, и проваливай, раз так.
Нет, что холодно — понятно,
и, что жизнь давно — бардак,
тоже ясно. Не напрасно, день и ночь ищу пятак.
Будь здоров.
Живи, бедак.

ПОТОК ПОЗНАНИЯ

Пред утра час. А жизнь уже на склоне.
Пора ко сну, а я гляжу в окно.
Вон простыня у друга на балконе
танцует. А ведь высохла давно!

Как сам усох он. Видимо, нервишки,
да видимо-невидимо хлопот,
ха целых, хо десятых на сберкнижке, —
чего ж ты хочешь?.. Ничего... Ну вот,
и то навар.
А то иной и хочет
помочь, но ни за что не подойдёт.
За ни за что и курица не квохчет,
за так её и кочет не топочет
и девка парню титьку не даёт...

Ой! Что ли дождь? Ведь щас бельё намочит.
Ну, тоже мне, — повесил! — идиот.

Он спит себе, а тут горюй, печалься
за чёрт-те чьи рубахи и трусы...
Наколку на грудях "Нет в жизни счастья"
доделаю я: "Если не стучаться",
а лучше — "И не будет. На Руси!"

А что, — не так?
Откуда ж ему взяться,
когда о нём понятья в людях нет? —
грызутся, огрызаются, грозятся...
Кому? О чём? Кто выдаст им ответ

на им самим не ясные вопросы,
которые и рады бы задать
Всевышнему?.. Смурны великоросы,
чисты душой, но не с того ль и босы,
что сплину конца-края не видать?

Вот я, к примеру. Ну чего мне надо
от жизни этой, Господи прости?
Жена что надо, да и сам что надо
(конечно, если шибко не трясти!),

а вот гляди ж, — и днями, и ночами,
карандашом елозя по губе,
всё пребываю вроде как в печали
и даже вроде как не о себе:

о простынях товарища, о Горби —
непонятом и загнанном в теня,
о Маньке (с Ванькой будущим в утробе).
О русофиле, блин, о русофобе...
И нет конца моей вселенской скорби.

Но слава Богу, что на склоне дня
и Цензору нет дела
до меня!

КУРЮ

Труба-дело, а точней — табак:
написал строку — прощай пол-пачки.
Днём и ночью "фабрика" в зубах,
всю семью поставил на карачки,
а отвыкнуть не могу никак, —
знать, стихи не переносят жвачки.

Это сколько ж надо сигарет
выкурить, чтоб выкурить на свет
рифму подколодную из щели?
Денег нету. И окурков нет.
Цель туманна. Рад на пистолет
постулат бы выменять. Со сцены
спрыгнуть в зал. В народе потонуть,
на себя любимого взглянуть
из толпы, со стороны базара,
и подумать: "Что же я за чудь,
к жизни непригодная ничуть —
помесь держака и динозавра?"

Спрашивают: "Куришь-то зачем,
если денег в доме не бывает?..»
Отвечаю: "Я еще и ем.
А вон те — так даже выпивают!.."

БРОСАЮ КУРИТЬ

Вышел на арапа. Канает буржуй...
Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Вышел проветриться. Обкурился,
выдохся, — время унять башку.
А может, к тебе я, читатель, стремился?
Надо. Было. Быть. Начеку.

Вышел по-умному — канает дурак,
четверо дураков, мразь.
Я им и этак, я им и так:
нету капусты, мол, — квась ни квась.
А они — промеж глаз, — хрясь!

Оле-лукойе! В лоб полумать!
Что за страна — убей, не пойму.
Стали меня в подъезде имать —
по рёбрам, по печени, по уму.

А у меня ж ни револьвера, ни ножа,
ни каратэ, ни ушу, ни самбы...
Сняли куртку и шапку. Лежу, дрожа.
Но били за что? Я бы снял и сам бы.

Мне ж не с трибун языком чесать,
не брёвна тесать в акватории Купки*.
Плохие стихи за столом писать
можно без шапки и куртки.

...Ушли они, весело гогоча,
пнув напоследок мой труп лобастый...
Это ещё ничего. Ничья.
Бросаю курить. Баста!

ОДНАЖДЫ В МОСКВЕ, В ЦДЛе

стихи из сундука
забытого поэта

Скучающий русский плейбой,
не ждал я подарка от часа,
когда повстречался с тобой
у церкви, где Пушкин венчался.

Мерцала вечерняя мгла,
был мир на манер декаданса.
Ты оклика Счастья ждала,
я — зова Судьбы дожидался.

Но, видимо, Счастье с Судьбой
в дороге замешкались, или
в тот вечер заняться собой,
точнее — друг другом — решили.

И так как Судьба не пришла,
а Счастье твоё не приспело, —
на паперть повесив крыла,
пошли мы под сень ЦДэЛа.

Хрусталь, колоннады, ковры,
кабак, кинозалы, буфеты,
пирушки, попойки, пиры
и всюду — поэты, поэты.

И полные спеси, и так —
надменно толсты, бестелесы,
с высоким ли штилем в устах
иль сленгом панельной Одессы
на стройных и косных ногах
блуждали меж них поэтессы.

* Купка — посёлок дорожников и лесозаготовителей на Колыме (теперь уже бывший).

Ты словно попала в кино,
с воздушного шара — в подлодку
и, погружаясь на дно,
глазела, казалось, в охотку
как классики дуют вино,
а юные гении — водку.

Что мог комментатор сказать?
Не классик, не классика зять —
как низший по чину и рангу
(к тому же, "провинция", чать),
мешая коньяк и "Тамянку"
я рад был тебе показать
писательской жизни изнанку:

ярангу,
в которой не пьют,
а чаще — вот именно! — дуют,
друг друга целуют и бьют,
смеются, грустят, негодуют,
а после — по Музам идут,
над рукописями колдуют;

где лечат ангину и сплин,
орут и не слышат друг друга,
где раньше пивал я один,
а нынче — с тобою, подруга...

В расширенном взгляде твоём
сменялась растерянность болью.
Невольно любуясь
такою тобою,
уже я нас видел вдвоём —

не в мире, но в круге ином,
не менее шумном и пьяном,
но более сердцу родном
и близком, поскольку — Полярном.

Всё круче кружа в облаках
фантазии неутомимой,
уж мнил я синичку — в руках,
к тому же — навеки любимой.

И виделось: вот привожу
тебя я в наш стольный Анадырь
и к лучшим друзьям привожу, —
о ужас! — впервые женатый.

Друзья и подруги визжат,
общественность рукоплещет,
злы вороги в лёжку лежат,
парторг эрудицией блещет,

столы накрываются влёт:
икорка, балык, строганина,
спирт — в чайниках, в тазиках — лёд,
"Бездельник, кто с нами не пьёт!"
Бездельников, впрочем, не видно.

Я так размечтался, подлец,
так страсть обуяла мерзавца,
что чуть целоваться не лез,
готов хоть сейчас под венец,
хоть завтра в объятия ЗАГСа.

Но ты вдруг потупила взор
и вымолвила устало:
"Мне жаль, что на этот вселенский базар
я вместе с тобою попала.
Блистай, стихотворец, витийствуй и пей
и пой своих пург и торосов ухабы,
семейного гнёздышка только не вей —
не будет несчастнее бабы,
чем та, что поверит любови твоей.
Спасибо, случайный ты мой соловей.
Я — курица. Мне — петуха бы!.."

Потухли в ушах моих Барток и Бах
и "Свадебный марш" Мендельсона.
Коньяк моментально клопами пропах,
пить водку не стало резона.

Я с новой своей оглядел вышины
родной и привычной богемы картины.
И классики вдруг показались скучны,
а гении — просто противны.

Мечтания дерзкие выпали вмиг
в осадок, и словно бы не было хмеля.
Мысль торкнулась: "Что, подженился, блудник?
Слезай, прилетели, Емеля!.."

Мы вышли в апрельскую стынь и мокредь.
На Герцена было темно и пустынно.
"Скорей доломалась бы эта комедь!" —
подумалось неспортивно.

Снежок над Никитской, как Гоголь, парил.
Некрасовский дождик асфальт конопатил.
Я что-то стихами еще говорил.
Но зря вдохновение тратил.

У церкви, прощаясь, мы крыл не нашли
и, к ручке твоей неохотно допущен,
подумал со вздохом я:
"Не Натали!"
и тут же: "А впрочем,
я тоже не Пушкин..."

послесловие переводчика:

Стареющий русский поэт
колымско-чукотского края
он дожил, считай что, до нашенских лет,
минувшие дни озирая.
И нынче, поэзу его вспоминая,
всем, кто сомневается, скажем в ответ:
"Хорошим был, всё-таки,
в юности дед.
А девушка эта —
дурная..."

"КАБЛУЧОК" В МАГАДАНЕ. 1969

В грязной горнице городского полуподвала
при лампочке в сорок пять свечей
третьи сутки она меня целовала
час от часу горячей.
А я отцеловывался вполнакала,
водку лакал и алкал щей.

Подвал, под своды пропахший щами,
вмещал несчётную рать жильцов.
В углах его пили, хихикали, верещали,
менялись партнёршами как вещами,
водки требовали, пива и огурцов.

Здесь не было дня. И не знали ночи.
Стонали при всех, материли вся.
На общей верёвке сушили онучи,
вонявшие так, что слезились очи:
казалось, дышать больше нету мочи,
но помнилось всё ж — не дышать нельзя.

Моя Мальвина была прекрасна,
хоть видел её я сквозь сон и смог:
у ней были волосы Волопаса
соломенно-огненного окраса
и жаркий рот исторгал дымок.
Но я был — в дым. И она напрасно
что-то искала промежду ног:
кто бы туда без меня прокрался?
Конечно. Никто. Ни за что. Не мог.

Не больно от этого комплексуя,
я ей задавал провокационный вопрос:
"А хотела б ты жить с мужиком без дратвы?"
В ответ звучало: "А шило в нос?!."

Ответ был ясен, но был вопросом.
И тряс я в гневе скукоженной бородой:
"Я не позволю так фамильярно
с моим благородным носом!"
"А я, — отвечала Мальвина, —
с моей колодки не дам!.."
Кто-то где-то ржанул,
другой в стороне закашлялся.
"Конюшня, что ль?" — проворчал недовольно я.
"Глупый, тебе это только кажется", —
шепнула нежно Мальвина моя.
"А глуп, так нехай отсёдова катится,
тоже мне, блин, академик Капица,
не верх, не подмётка, к тому ж, — свинья..."

Дискуссия приобретала разгневанный оборот.
Баба откуда-то вякнула:
"Мань, ты кого пригрела?
Нос у него брезгливый — щас насуём в рот.
Слышь, твоё блядородие? —
шёл бы ты в это дело!"

Встал я тогда, ребятушки,
на ватные свои ноженьки,
икнул, покачнулся, выпрямился,
обронил характерный звук,
сказал: "Простите, ежели можете,
ежли кому наступил на слух, —
трепаться вы все тут, я вижу, сапожники,
а кто мне из вас подкуёт каблук?.."

Манька взвыла, потом взмолилась:
не бейте зелёного, мол, щегла! —
а там и в обморок повалилась.
Уж чья-то плюха меня нашла,
а суть моя всё ерепенилась, всё дымилась:
мол — что за чёрт, как она могла?
Моё государство во мне теснилось,
моя милиция меня берегла,

я был суверенный, большой, советский,
сам себе ухарь и сам судья,
а меня почему-то били. Обстоятельно. Зверски.
"Ну и дискуссия!" — думал я,

пока ешё думал... Очнулся — в морге.
Моргаю. Думаю. Санитары хранят молчок,
ход моих мыслей читают по моей морде.
Интересно,
а что там написано
про "Каблучок"?..

БИТЬ ИЛЬ НЕ БИТЬ?..

1

Не отводи презрительного взгляда,
сверли меня! Пожалуйста. Насквозь.
Переживу и это я, — авось! —
лишь на успех рассчитывать не надо.

Усталого — в ответ — не отведу.
Да, ты права: со мною нету слада.
А есть ли слад с явленьем снегопада?
Я сам его с собою не найду.

Беду мою в вину тебе не ставлю.
Себя за плечи вдоль неё веду.
Не крест несу, сочувствия не жду,
но и собою быть не перестану.

Одарит небо солнцем иль дождём —
земля ему воздаст благодареньем...
Ну всё, не плачь, любимая. Пойдём,
я обниму тебя. Стихотвореньем.

2

Я — в жизни! — жён своих не ревновал.
Я рвал, едва мерещились причины
для чувства, недостойного мужчины,
которое я блажью называл.

Но, видно, старость, впрямь-таки, пришла,
смирила гнев и обкорнала норов.
Противник сексуальных разговоров,
я стал похож на умного осла:
упрусь в жену, как в камеру Невзоров,

и всю её исследую до дна,
молчать-молчу, а кровью полыхаю:
не верю, что она мне неверна,
и что верна — не верю. И вздыхаю.

"Бить иль не бить?" Горячечный вопрос
стремится к хладнокровному ответу.
До порки я, положим, не дорос.
Вопрос "не бить" не менее непрост.
И так решаю я проблему эту:

"Все жёны хороши. И ты, мужик, хорош.
Не верных нет.
                  Но верных
                                    тоже нету!.."

3

О Скорпион моей души,
отрава и отрада!
Слова твои так хороши,
что дел уж и не надо.

А ты — и телом супер-класс,
и в деле мастерица.
Ну как тут мужу в год хоть раз
тобой не возгордиться?

А ты-то мной довольна, Нюсь?
Прости, пред всеми признаюсь:
да, стар, боюсь щекотки,
неравнодушен к водке.

Но если в койку я ложусь,
со мной пока не скучно, Нюсь,
в семейной нашей лодке?
Гусь виден по походке!

А я, хотя и тёртый гусь,
но, может быть, не зря горжусь,
что до сих пор ещё гожусь
тебе —
        хотя б! —
                        в подмётки...

ОПТОМ и С ОПЫТОМ

"Лучше хорошей жены
ничего не бывает на свете", —
брякнул по пьяни однажды
один стихоплёт большой.
А трезвый опыт кисло ему ответил:
            "Кроме
                    чужой!"

КЛОУН

Кругом уныние и мрак,
а он смеется
...как дурак.

ЛОЗУНГИ

1

Ты ещё не катал тачку,
не жевал пайку?
Так голосуй за КПРФ!

2

Сегодня
мы говорим что думаем.
   А где
        будем думать об этом
                    завтра?!.

"МАСКА СКОРБИ"

отсталое мнение

Жизнь катится на волах
и вовсе не как по маслу...
Один — известный — сотворил ГУЛАГ,
другой — Неизвестный, — водрузил "Маску".

Я бы о ней не судил сплеча —
время точки над "i" без меня расставит.
А всё же,
            по-моему,
                        профилей Ильича
с Иосифом
явно там
            не хватает.

ШТАНЫ

На сберкнижке у Петровых
было сорок тысяч кровных,
дом, работа, мощь страны.

А сегодня у Петрова —
ни сберкнижки и ни крова,

ни работы, ни жены,
ни сочувствия страны, —

лишь сознание вины
перед Родиной, что снова
он живёт совсем хреново,
как в года после войны:
кепка,
ваучер,
штаны...

...Это — что?
Вон Иванов
так и вовсе без штанов!

МАМИНЫ ТРУДНОСТИ

Получит пенсию и тут же ну решать
(чтоб уголь завезли, вода была б в дому):
— Сыночек, подскажи, кому бы взятку дать?
— А ежли, — повздыхав, — по морде,
то кому?..

АЛЬТЕРНАТИВА

Господи, твоя воля,
Господи, Боже мой!
Выпала, говорят, доля
такая — так и не ной.

Воровать не умеешь —
таки торгуй.
А торговать не можешь —
ну,
так соси
лапу!

БЛАГОДАРЕНИЕ ТЕЛЕКУ

Свет откровения несут
порой в дома телеэкраны:
какие ж нас —
овец —
пасут
великолепные
бараны!

МАРШ "ПРОЩАНИЕ ГАЙДАРА С МАГАДАНЦАМИ"

Кутая нос от мороза и ветра,
мысленно нас осеняя крестом,
Север считая уже за бортом,
нас он утешил словами привета:
"Благослови их, Святая Вендетта,
и обьясни на наречье простом —
плачут сегодня они о пустом:
северных выходцев с Этого Света
ждут с нетерпеньем
друзья их
на Том!

* * *

Страна вступила в перебранку,
переворовку, переправку
в загранку — чохом — с молотка.
Страна-Россия широка!
А шишки валятся на Ваньку.
А тот
валяет
дурака...

* * *

К нам пришёл на презентаци —
Ю — китайский коммунист.
Но успех мероприяти —
Я успешно провалил.

* * *

Довели до белого каления
даже наше — серое — поколение.

* * *

Лягушка черной инфляции
пошла зелеными пятнами.

* * *

— Не вижу в этой жизни я ни зги...
....
— Вкрутите ему лампочку. В мозги!

* * *

В новорыночном мире
мне советует власть:
— Держи карман шире,
там же нечего красть!

* * *

— Ах, какой же я дурак!
— А такой, как видишь...

* * *

Хоть головой о стенку бейся,
хоть в петлю лезь, хоть в гроб ложись, —
кому нужна — такая! — песня
про растакую нашу жизнь?..

* * *

— Говорят, у меня очень редкий голос.
— Да? И какой же?
"Вместо сопрано!"

* * *

Выпили, закусили.
Выпили.
Закусили...
Выпили, выпили, выпили, —
закусили
удила!

* * *

Раньше
глянешь из-за плеча —
за спиною тень стукача.
Нынче обернёшься через плечо —
юный бандит отшатнётся:
"А чо?!."

(Конечно,
ежели вовремя
обернёшься...)

* * *

Ночью и днём из квартиры в квартиру
ходит — не выгонишь со двора:
— Подайте миллион бывшему рэкетиру
на приобретение акций "Хопра"!

* * *

От козла Конём не пахнет.

* * *

Из-под могильной плиты
слышится ночью и днём:
"Ты, ты, ты
в сердце моём!.."

Дедушка с бабушкой смотрят сердито:
— Так вот где собака
зарыта!

* * *

— Народ у нас не дурак!.. И вообще:
дураки — тоже люди!

* * *

Плач Рыжкова. Юмор Хасбулатова. Заслуги КПСС.
Смех и слёзы — народные.

* * *

...И тогда снова явится
условно "подавляющее большинство",
подавляющее
безусловно большую часть народа.

* * *

Ведь советовал Совету
Е. Б. Н.: "Куда б ни шло,
не хотите лапки кверху,
так держите нос по ветру..."

Вот им крышу и снесло.
(октябрь 1993 г.)

* * *

Глас вопиющих в северной пустыне
не слышен в сауне Гайдару. В простыне
в державной пребывает он гордыне.
А мы всё так же. По уши...
в снегу.

* * *

И сам не Хайм, и другому не Соломонович.

* * *

— Дядя! У вас крыша поехала!
— Откуда же крыша у бомжа-то, сынок?
— ...А почему, "сынок"?
— Да кто ж его знает? Это уж ты у мамки спроси.

* * *

По ночному городу, сломя голову, носились отчаянные МЯСОциклисты...

* * *

— Купите! Золотая курица! Несёт Колумбовы яйца!

* * *

— В твоём-то возрасте грех не знать, что уд величина непостоянная.
— Даже очень непостоянная! К сожалению.
— Ну, это постоянство уже не уйдёт, а вот величина, к сожалению, не возвратится.

* * *

"Потеряла ваучер. Приму материальную помощь. Желательно — в СКВ".

* * *

— Что-то работать захотелось. Поесть, поспать, — может, пройдёт?..

* * *

Не до жиру,
быть бы в жилу!

* * *

— Во, гляди-ка! Овчарка немецкая, а лает по-нашему!

* * *

Нёс чепуху, не сгибаясь под её тяжестью.

* * *

Был настолько глуп, что считал себя гением.

* * *

А у "голубого" другие проблемы:
как найти своего Ницу...

* * *

Не держись за вчера
искусственными зубами.

* * *

Скажет Зевсу мальчик Вася:
— Гром Победы,
р-р-раздевайся!

* * *

— О времена! — все правы.

* * *

— Мир Хищникам, война Творцам!

* * *

Луна надо мною висит на виду.
А я под Луною любимую жду.
А вместе со мной весь российский народ
конца государственной глупости ждёт.

* * *

Если стар и хвор, а пьёшь —
ума к ...опе не пришьёшь!

* * *

"Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить..." *(Ф. Тютчев)*
...Ей нынче модно только изменять,
хулить её, да рвать её, да шкерить.

* * *

"В соседнем доме окна жолты..." *(А. Блок)*
...Там заседают пустоболты.

* * *

"Поздняя осень. Грачи улетели..."
(Н. Некрасов)
...наши реформы им осточертели.

* * *

"Долго не сдавалась Любушка-соседка..."
(Н. Некрасов)
...как бюджету города местная газетка.

* * *

"Я не ищу гармонии в природе..."
(Н. Заболоцкий)
...Вы мне рояль должны уже, Мавроди!

* * *

"Мысль изреченная есть ложь..." *(Ф. Тютчев)*
... А это
у кого
берёшь!

* * *

"Мы — дети страшных лет России..."
(А. Блок)
...Но нас об этом
не спросили.

Г. КАСПАРОВ:
"— Молчалин давеча в сомненье ввёл меня..."
(А. Грибоедов)
...сулил, подлец, полцарства.
За коня!

* * *

" — Куда ты ведёшь нас?.. не видно ни зги!"
(К. Рылеев)
...Зюганову
чукчи
кричат из пурги.

* * *

"От жажды умираю над ручьём..."
(Ф. Вийон)
...слабее 40
не пьём!

* * *

"Мой дядя самых честных правил,
когда не в шутку занемог..." *(А. Пушкин)*
...пункт пятый в паспорте исправил.
Иначе выехать
не мог.

* * *

"Жил старик со своею старухой..."
(А. Пушкин)
...поживал,
между тем, —
с молодухой!

* * *

"Поэт, не дорожи любовию народной..."
(А. Пушкин)

Любовь бывает
сумасбродной...

* * *

"На перекрёстке пьяница икал..."

(И. Бродский)

Из "Зверобоя"
корень
извлекал!

* * *

"Тройка мчится, тройка скачет,
Вьётся пыль из-под копыт..."
(П. Вяземский)

...Что за кучер там маячит? —
нос картошкой, сам подпит,
глаз чеченцами подбит,
а гляди-ко ты, — не плачет,
в долг у Клинтона не клянчит,
в бричке гоголем сидит.
А в Ирландии чудачит
иль в Ванкувере чудит,
так ведь он не эрудит,
русский бес в нём ерундит —
похмелиться просит, значит.
— Полно!
Бог опохмелит...

* * *

"Везде брожение умов,
Везде иль жалобы, иль стоны..."
(К. Рылеев)

...Столетья минули штормов,
а строй по-прежнему дерьмов
и бездны бед страны бездонны:
в верхах — засилие лгунов,
в низах — отсутствие основ,
в серёдке — баксы и лимоны.
А кто виной? Ответ не нов:
не лично спикер Иванов,
не Ванька Ветров без штанов,
а наши
гены и гормоны!

* * *

"У Лукоморья дуб зелёный,
Златая цепь на дубе том..." *(А. Пушкин)*
...там десять лет Чурбак-с учёный
прив-аннулирует
мой дом.

* * *

"Шумел камыш, деревья гнулись..."
(Русская народная)

...Опять мы
с Думой лопухнулись!

* * *

Самогон — первяк. Чай — вторяк. Вратарь —
Третьяк...
Человек — червяк!

* * *

— Эй, кума! А куманист твой дома?

* * *

— Миш, ты едешь?
— Нет, я идиш!

* * *

Используя все знаки препинаРия.
ПАЦАногое детство. Семь смеННых грехов.
Сыртябрь — моктябрь — гноябрь — сдыхабрь.
ПЬЯнидельник. ПОвторник.
АвтоотНЕТчик.

* * *

— Хана вашим, Наши пришли!

* * *

Если ты к Новому году, товарищ,
каждому другу по нитке подаришь —
бойся: а вдруг разгадают уловку
и в Рождество не допустят промашку,
преподнеся тебе миром
веревку
а не рубашку?!.

* * *

Если ты в осень вломился без шляпы,
в зиму остался без шапки ты если,
значит, наступят, увы, эскулапы
на горло
твоей лебединой
песне!

ВОПЛЬ ЖЕНЫ УШЕДШЕГО ПОЭТА

— Вернись,
я всё прочту-у-у-у!..

СОФОКЛИАДА

*поэтическое следствие
по делу
более чем двухтысячелетней
давности*

ПРОЛОГ

Покамест мысль Софокла самого
к трагедии подход в себе искала,
последняя трагедия его
над ним уже —
реальная
витала.

ВВЕДЕНИЕ В ИСТОРИЮ

Согласно широко распространённой версии, древнегреческий драматург Софокл трагически погиб на 90-м году жизни.

Утомлённый прогулкой, он, якобы, отдыхал на склоне горы, когда пролетавший над ним Орёл, приняв его лысину за хорошо отполированный камень, сбросил на неё Черепаху, наивно полагая, что разобьётся она, а не лысина.

С той поры прошло две тысячи четыреста лет (с хвостиком!), но судя по письмам читате-лей, обстоятельства таинственной смерти автора "Антигоны", "Электры", "Царя Эдипа" и ряда других гениальных трагедий до сих пор интересуют общественность.

"Преступление или случайность?", "Кто виноват?" "Правда или газетная утка?" — эти и другие вопросы не перестают волновать умы и души многочисленных софоклистов, орлятников и черепаховедов, слетевшихся в эти ненастные дни в наш город на Суд Истории.

Судебное следствие в самом разгаре. Суд внимательно выслушивает суждения, реплики, мнения и сомнения специалистов, зрителей и зевак, собравшихся в этом зале. И пусть они не проливают свет на то, где собака зарыта, зато не противоречат и мысли,
что её всё равно
надо
искать!

Итак, ГОЛОСА В ЗАЛЕ:

"Уж эти гении! Им вечно не везёт:
то слава
с неба свалится,
то камень
упадёт".

Над плешью,
благовоньями пропахлой,
Орёл, поди,
подумал на лету:
"Чёрт с ними —
с Дедом, а и с Черепахой,—
зато в веках
бессмертье
обрету!.."

"Писал трагедии, а умер — словно в сказке.
Нет, я свои стихи
пишу в хоккейной каске!"

— А, сам дурак! Напрасно верил небу,
таких сегодня нет.
— Но и Софоклов
нету!..

— Орёл был прав. И поступил как друг.
Он знал, что современники устали,
уж даже имя им терзало слух.
"Подумаешь, —
язвили, —
драматург!.."
И на спектаклях откровенно спали.
А вот погиб
и Гением назвали!..

✌

— Что ж, версия вполне правдоподобна.
Нам, смертным, в самом деле неудобно
жить рядом с Гением. Затем его и бьём
каменьем, анонимками, статьями —
чтоб очень-то не высился над нами
в капризном непризнании своем.
Умри, гордец! И уж тогда по праву
с лихвой тебе вернём
и честь твою,
и славу!..

— И верно!
Хай не шибко-то несётся,
чай, не в другом ма́газине
пасётся!..

— Не знал Орёл,
что в девяносто лет
и сам бы помер
гениальный Дед!..

— Сам виноват.
Писал бы что попроще,
да не в горах, а в подмосковной роще,
печатался бы в "Юности", в "Авроре", —
Глядишь, башку бы
и не раскололи!..

— Орёл не промах.
Видит Бог,
он знал:
под ним сидит
Софокл!..

— Софокл уснул
на валуне Орла,
и приняв драматурга за букашку,
тот — сбросил груз.
Выходит, рассекла,
конечно, Черепаха
старикашку!

— К тому ж она
и падала без звука,
вот бука!

◈

— Зла Черепаха не хотела.
Ведь не сама она летела,
а то Судьба
в лице Орла
её на миг приподняла,
чтоб, мерзкое исполнив дело,
она бы дальше
уползла...

— А вдруг на Гения она
не из когтей Орла летела,
а из заоблачного сна?
Такой пейзаж меняет дело!

— За что её винить? И падала невольно,
а и зашиблась
тоже, может,
больно.

Ну, повезло. Так ведь за миг везенья
две тыщи лет теперь
терзают угрызенья.

— За что журите Черепаху?
Судьбой — на миг — вознесена,
на череп Гения
она
упала, может быть, со страху.
Я защищаю Черепаху!

— А вот живи
Софокл в наше время,
ему его досье
свалили бы на темя.
Увидя в нем себя со всех сторон,
из жизни этой
сам ушел бы
он!

— Когда Орёл
швырнул её со зла,
был жив Гомер, война за Трою шла,
плыл Одиссей и Пенелопа пела.
Шли годы. Черепаха всё летела
со скоростью,
с какою бы и шла.
И дело в том,
что в этом всё и дело!

Кто виноват — судить я не берусь.
Кто слух пустил — за то я не в ответе.
Но, видит Бог, Гора тому свидетель:
когда Орёл
с небес бросал свой груз,
Софокла
ещё не было
на свете!..

■

— Когда душа его от тела
в свой мир заоблачный летела,
она ведь тоже бы могла
той Черепахой
сбить Орла.
А вот, гляди ж,—
не захотела!..

— Будь ты Софокл
иль Еврипид —
не увлекайся, —
враг не спит!..

— Будь ты хоть сто разов
Софокл —
сперва прикрой
свой черепок!..

— Орёл был другом трагика Софокла.
Он знал,
по ком
та Черепаха
сохла!..

— Э, нет! Орёл
не мог так ошибиться.
Всего скорее
то была —
Орлица!

— Не тронь Орла! Он был
не только горец,
а тоже, может,
классный
стихотворец?!.

— Как к слову "пиво" требуется вобла,
так за Орлом
я вижу тень Софокла.

— Я тоже на фантазии не скуп,
но почему при слове "черепаха"
мне видится не череп и не птаха,
а — суп?

— Знать, не один оканчивали вуз,
хоть в грамотёшке общее зиянье,
но у него
сильнее развит вкус,
а у тебя, выходит, —
обонянье!..

— Инспектор средних школ и ПТУ,
я, например, о славе не мечтаю
и никаких трагедий не пишу,
и драмкомедий
тоже не читаю.

Трагедий нет.
А лень и разгильдяйство -
так то — лишь бич
народного хозяйства!

— Пусть я не Пушкин, ты не Евтушенко,
Софокла жаль нам,
правда, Женька?

— Пустое мелете, Мишатка,
слезливость — дамская черта.
Нам ентих классиков не жалко.
На Сеньке, вон, по Сеньке шапка,
а что Софокл?
Нищета!..

— Да-а,
знала бы жена его палитру
характеров, — не женские дела! —
она б ему не то что на поллитру —
и на фуражку б,
может быть,
дала!..

— Гении, милый,
они себя холют,
точут мозги не в пивных — в опереттах,
а потому и в фуражках не ходют.
Гении ходют
в беретах!..

— Видел вчера одного
на Портовой.
Чтоб избежать заблуждений —
хрясь по берету! —
а он и готовый.
Тоже мне, скажете,
Гений?

— О Гений!
Не молись
на славы ореол
и помни, прорубая в вечность двери:
на всякого Софокла
есть Орёл,
как на любого Моцарта —
Сальери!..

⌘

— Был просто стар и глуховат Орёл.
Пусть днями над театрами маячил —
Софокл для него
двух драхм не значил,
и слух Орла, не знавший докторов,
восторженной толпы
неугомонный рёв:
"КАЧАТЬ ЕГО!"
в "КОНЧАТЬ!"
переиначил...

♠

— Нет, всё же, эта смерть, считаю, — высший класс
Такою — в тыщу лет одаривают раз
лишь самых избранных на бренном этом свете.
Погиб Софокл. Чубайса пробил час.
Настало
и моё
тысячелетье!..

✍

— Я думаю,
что все мы — простофили.
Софокла и легенду про него —
чтоб мы о ней две тыщи лет рядили, —
конечно,
переводчики родили,
ведь их средь графоманов
большинство!

♣

— О современников неистощимый яд!
Творенья наши их проймут едва ли.
Живых Софоклов видеть не хотят,
а чтут лишь тех,
кого поубивали.

Уж вон и переводчиков бранят:
"придумали, украли, переврали,
не ведают-де сами, что творят", —
как если бы всех классиков подряд
без нас они прочли,
в оригинале!..

❣

— Всё ваше следствие —
пустое говоренье.
А где достать
Софокловы творенья?!

✐

— Вчера была
подписка на Софокла.
Не повезло!
Зато приятно
взмокла...

❦

— Смотрю, смотрю
и не найду ответ:
к чему всё это грозное витийство,
когда с момента
тайного убийства
прошло уже
две тыщи явных лет?..

— Кто и за что в тот год убил его:
Орёл ли, Черепаха, или Грыжа, —
не важно для Софокла самого,
но важно
для Софоклова
престижа!

♦

— История сия
покрыта мраком лжи.
Да был ли твой Софокл?
А докажи!

✉

— Что жил поэт Софокл во время оно
и с той поры не канул в забытьё —
то, как явленье молнии и грома,
не теорема есть, а аксиома
и смысла нет
доказывать её!..

✠

— Кончай, поэт, всю эту тему
смаху.
Иль тоже
ждёшь
на кумпол
Черепаху?!.

❧

— Подумаешь, Софокл?
Что в нём такова?
Я жить учусь
по книгам Бирюкова!..*

---

* А. Бирюков — современный советский магаданский писатель *(прим. авт.)*.

❋

— Не ходи на природу, мой юный поэт.
Эта тропка тебя может в горы завесть.
В том, что станешь Софоклом,
гарантии нет,
а что шею свернёшь —
опасения
есть!..

▼

— Поэты!
Не равняйтесь на Софокла.
Жизнь изучать —
на то в домах есть
окна!..

✷

— А почему, пардон, не судят Гору?
Не будь её — поди, не быть бы горю.

— Гора — предмет, бездушная природа.
Не трогай достояние народа!..

✠

— Есть мнение: судить жену Софокла.
Могла бы раньше думать о беде,
но разве в доме были —
пиво, вобла?
А раки
были
где?!.

➭

— Эй ты, крикун!
Не смотришь дальше носа!
Спроси жену и убедишься сам:
НУЖОН ТЫ ЕЙ
В ТВОИ-ТО 90?!.
А Дед о том трагедий
не писал...

❖

— Один. В горах. Пред небом. На ветру.
Орла завидя,
в мир иной готовясь,
решил Софокл:
"Но раз уж я помру,
то пусть родится
Миха
Эдидович!.."*

* М. Эдидович — бывший советский магаданский поэт (*прим.авт.*).

⇔

— На склоне лет
один древнючий грек
прикидывал, где продаётся хек,
да, знать, в расчётах дал немного маху,
за что Господь —
всевышний человек —
в порядке назидания для всех
послал ему на череп
Черепаху...

❁

— Да, но, Отец,
откуда знали греки
о нашем хеке?!.

➳

— Когда б он жил в эпоху НТР,
найти виновных было бы безделкой:
ну кто бы усомнился, например,
что Дед убит
летающей
тарелкой?!.

➣

— Я тоже лыс. Но не питаю страха,
что жизнь моя бесславно в Лету канет.
Обидно лишь,
что на людей греха нет,
что ЖКХ — как ваша Черепаха, —
летит, поёт..
А крыша
протекает!..

◆

— Покорнейше прошу прощения Суда.
Конечно, я всего водопроводчик,
любитель детективов. Иногда
с работы забегаю к вам сюда
и — без ума! Вы — гении! А в общем,
мне мысль была.
(Бывает, иногда
под этим самым, — как его, — щекочет,
ну прямо-таки, знаете, беда!)

Так я прошу внимания Суда
к тому, что у Орла,
конечно, был наводчик —
напарник, словом.
Поискать бы.
Да.

¤

— Логично мыслишь, друг Терентий.
Ишши, Судья,
должон быть Третий!.

✎

— А хоть и был?
Нельзя ж его в кутузку.
Пока Орёл соображал закуску,
напарник, может, в гастроном летал.
А стало быть,
убивства
не видал!..

⌘

— Что не видал —
для нас не оправданье,
он с планами Орла
согласен был
заранее.

♠

— Я слышал:
в дни, когда
Софокла отпевали,
ситром не до семи, —
семь суток торговали!..

☞

— Согласно логическому рассуждению,
в убийстве виновен не сват и не брат,
не Черепаха, не Нототения.
Только Титан посягнул бы на Гения!
А значит
виновен
Закон Тяготения, —
Сашка Ньютон
во всём виноват!

❄

— Не был он глуп!
Траекторию зная полёта,
выгоду чувствуя
от черепахопаденья,
первую сваю
в теорию вбил бомбомёта
и уж за это
достоин Орёл
осужденья!..

❧

Почуяв приближение конца,
"Ну, ламца-дри, —
вздохнул Софокл, —
ца-ца!.."

⇩

С Т О П !

Закончился первый день судебного заседания. Мнения, как видите, разделились. Стороны обвиняют самого Софокла, подозревают его Жену, Черепаху, Гору, Орла и лишь одна версия пока никому не пришла в голову.
Кроме меня.
И я требую к ней внимания:

❖

— Софокл погиб,
но истина упряма,
хоть и звучит для некоторых ново:
Бедняга был убит
посредством слова!
На кумпол Трагика
упала

эпиграмма

с рабочего стола
Ал. ИВАНОВА!..

⊙

Впрочем, следствие продолжается, и в ходе его мы готовы учесть и Ваши соображения, дорогой Читатель.
Пишите нам. Прячьте от детей спички.
Вносите вклады в дело восстановления исторической справедливости.

Суд идёт — спешите думать!..

Юрию РЫТХЭУ

О РИФМЕ

Подвластны мозгляку и корифею
российской речи узел и деталь.
Но как и с кем зарифмовать Рытхэу —
не ведали ни Ожегов, ни Даль.

Пример её
нашёл я лишь в стихе у
А.Кымытваль,
влюблённой в Ю. Рытхэу!

И. С. РОЗЕНБЛЮМУ —
давнему другу магаданских писателей,
первому нашему спонсору

1

...Расскажем немцам и японцам
за той и этою горой:
Вчера ты был наш Первый Спонсор,
а завтра,
даст Бог,
и Второй!

2

Заступник духоборов и эстетов,
действительных реформ центурион,
возглавил ты культурный эшелон —
ведь "*кто не внемлет голосу поэтов,*
тот только варвар,
кто бы ни был он"*!*

Всевластный царь и пленник литосферы,
в эпоху поголовной слепоты,
храни Тебя от сглаза
Чувство Меры,
а от соблазна —
Мера Красоты!..

ПОПРАВКА К ФЕТУ
мадригал

У чукчей нет Анакреона...
А. Фет

Ошибся Фет, самовлюблённо
иль удручённо глядя в даль:
"У чукчей нет Анакреона..."
Конечно, жаль отчасти.
Жаль.

Ну, а подумать, в чём печаль? —
ведь в мире этом всё условно:
у чукчей
нет Анакреона,
у греков —
Тони.
Кымытваль!

Антонине КЫМЫТВАЛЬ — 57

Прошедшей жизни подводя итоги
на фоне балыка и строганины,
забудем хоть на полдня охи-вздохи.
Я пью за то, что дожил
до *Эпохи*
Второго Возрожденья...
Антонины!

Евгению РОЖКОВУ —
прозаику, председателю
Союза писателей Чукотки,
литконсультанту Магаданской
писательской организации
на его 50-летие 14 января 1993 года

1

Среди мужеских чтим жучков,
дамских бабочек добрый гений,
носекомый Е. Ф. Рожков
стоит многих стихотворений.

Я не стал бы ему писать,
память прожитых лет тревожить,
если б Женьке не пятьдесят,
а потом — шестьдесят — быть может.

Ах, чего там! Легкоатлет,
зло влюблённый в себя прозаик,
да живи он хоть до ста лет,
разве кто-нибудь возражает?!

Зоотехник и ловелас,
лит-Чукотки полу-хозяин,
разве не был он среди нас
чтим, печатаем, обожаем?

до поры, пока в унисон
с нами пел и пивал, соколик.
А теперь между нами он
друг ещё, а уже — раскольник,
воздвигающий свой Парнас,

совершивший переворотку...
Жаль-таки, что увёл от нас
он писательскую Чукотку.

Ну, январский упрямый бык! —
твоё счастье, что день параден.
Мы прощаем тебе твой взбрык:
Будь ты счастлив! —
хоть и неладен...

2

Евгению Рожкову,
хорошему такому,
не верится, но — ровно пятьдесят.
По случаю такому
Евгению Рожкову
пусть все его товарищи,
а также НЕ товарищи
и даже собутыльники
заслуги, прегрешения,
обиды, одолжения
и прочие лишения
торжественно простят.

А мы его Величеству
и якобы казачеству
по случаю такому
решили пожелать:
жить долго по количеству
и хорошо по качеству,
и высоко по творчеству,
а с нами — магаданцами —
всерьёз не враждовать!

А если будет рвение,
а также настроение
и удостоверение,
что холодно ему,
выносим предложение
дать Жене приглашение
от имени товарищей,
а так же НЕ товарищей
и даже юных девушек —
чесать на Колыму!

Здесь мы ему, хорошему,
а также НЕ хорошему
и даже очень вредному
по части кое в чём,
все выскажем претензии
и в качестве рецензии
поднимем тост во здравие
и весело споём:

ЖИВИ, ЖИВИ, ЖЕНЯ,
ДО ИЗНЕМОЖЕНЬЯ,
ПРЕБЫВАЙ, КАК НЫНЧЕ,
МОЛОД И ЗДОРОВ,
В ТВОРЧЕСТВЕ И В ЖИЗНИ
С НОВОЙ СИЛОЙ БРЫЗНИ.
НОВЫХ КНИГ И ВНУКОВ! -
ув. тов.
Евг. РОЖКОВ!..

МАГАДАНСКИМ ИЗДАТЕЛЯМ НАКАНУНЕ 80-х

Утешители и благодетели,
наших опусов первочитатели,
разрешите привлечь вас в свидетели
сколь глубоко полны добродетели
к вам
трудов графоманских податели.

Потому,
от себя и от общества,
заверяю (без мысли о рвачестве!),
что нам искренне выдать вам хочется
в Олимпийском году
наше творчество
в золотом
и серебряном качестве.

Ибо душ наших скромных обители
не гнушаются: крови ли, пота ли.
Не коптили мы небо, —
копытили,
чтобы наши издатели видели,
как мы честно свой хлеб
заработали!

Не нужны мне медали и почести,
кино- радио- телеко-лепие.
А хотел бы я в вашем сообществе
жить и это
десятилетие!

А. БИРЮКОВУ — редактору, вместо привычного "Здравствуй, товарищ!"

— У, обрезатель талантов,
урезыватель объёмов, —
ужо тебе! —
из Палатки
шлёт язвенник Окоёмов.
Я — выдюжил. Искололи
и выпустили на волю.

Но сам я теперь — алоэ
колючее — быть изволю.

И в новой своей программе,
предсмертной
предполагаю
на брата по эпиграмме
высечь. Аз полыхаю!

Дрожи, Александр Первый
Издатель,
о трепещите,
друзья мои! Плод неспелый
ждёт Ньютона. Сообщите
вдоль строя поэт поэту,
прозаики — книголупам:
— Да здравствует язва
двенадцатиперстной кишки,
Пчёлкин-Палаткин трёкнулся
от загородной тоски!..

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ А. МИФТАХУТДИНОВА

Дозу винного перегара
и невинного самогона
да заменит нам
"*ЗАПАХ ВАРА*"
трезвой прозы
А. Бирюкова!

Н. В. ПУГАЧЕВОЙ — редактору литературных передач Магаданского радио

Я помню чудное мгновенье,
когда в свои семнадцать лет,
ты — как зефира дуновенье,
и как с похмелья омовенье,
наш озарила комитет.

Летели дни, гудели ночи,
уж гений Гущина погас
и норов Смолиной стал кротче,
а твой эфир еще и нонче
овдохновенивает нас.

Увы, я вынужден признаться:
стареют сверстники мои.
а Пугачевой всё семнадцать,
ну, восемнадцать, чёрт возьми!

Кумир Михайлина, Введенской,
предел палаткинской мечты,
тебя воспеть за подвиг дерзкий
весь клан готов корреспондентский,
и Че, и Стасис Провиденский,
и гений Михи и Мифты.

Да будет так!
Цвети и пахни
с звездою трезвости во лбе.
Но нынче — всё-таки — бабахни
за всех, кто помнит
о тебе!

М. ЭДИДОВИЧУ РЕАКЦИЯ НА МИХИНЫ ЭКСПРОМТЫ

Не родился я в сорочке,
карандаш мой — не стило,
и родить четыре строчки
в час
мне, право, тяжело.

Но когда отважный Мих —
пусть, хотя бы, и для смеха, —
абортированный стих
выдаёт за человека,

у меня рыдают кости
и знобит меня всего.
Не от зависти. От злости
на неряшливость его.

И тогда, нахалу в пику,
я пишу, борясь со сном
под эстрадную музыку
всё,
что думаю о нём.

ПРИЛОЖЕНИЕ ДЛЯ МАРИНЫ

1

Жизнь с книголюбом не малина,
вдвойне — с писателем — не мёд.
А потому,
не будь наивна,
люби сапожника, Марина:
не Зевс,
зато не мот, не жмот,
да вот уже — и ног не жмёт, —

идиллия, а не картина!
(Купил бы сам,
да зуб неймёт...)

2

Письма вторая половина
о том же, милая Марина.
В очередной вступая год,
держи Судьбу в узде. Судьбина
ждёт над собою властелина
(мужья ж теперь из пластилина,
с небес заступник не сойдёт), —
держи,
а Миха подкуёт.

Виктору КУЗНЕЦОВУ —
автору сборников рассказов
"Что имеем — не храним" и
"Обними меня крепко"
(вместе с билетом
члена Союза писателей СССР)

За честное право на этот билет
работал ты споро, напористо, ново,
но, право, — всего-то! —
лишь несколько лет.
А сколько уйдёт их на приисках слова,
чтоб красный его, изнурительный цвет
всей жизнью оправдывать
снова и снова!

Отсюда —
да будет девизом твоим
на грядке — твоей же! — созревшая репка:
"Что ныне имеем — навек сохраним!"
А за стихи... —
обними меня крепко!..

п. Палатка

Виктору КУЗНЕЦОВУ
ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ
О ПАЛАТКЕ

...Там, в квартире коммунальной,
почернелый, как сверчок,
смотрит в мир мой гениальный,
забубённый друг — Витёк.

И глаза его сияют,
той решимостью полны,
коей только россияне
обладают. И должны!

Горькой мечены печатью:
он Колосс и я Колосс! —
мы с ним дружим по несчастью,
а по счастью — души врозь.

Но войдёт в мою обитель
друг, сосед, сторонний зритель
дней витюхиных и строк —
не сдержусь: "А расскажите,
как там,
жив ли в данный срок,
всё ли пьёт гремучий сок
самый земный небожитель,
мой заядлый друг Витёк?.."

И не важно, что творится
в судьбах каждого из нас
в дни, когда, как говорится,
Музе нашей не мычится.
Замычит, настанет час!

Но зато я в том уверен,
что по зову одному
в день и час любой потери
мне его открыты двери,
как душа моя — ему.

На жилом его гектаре,
подперев рукой щеку,
с горькой миной изреку:
— Я сегодня не в ударе,
вдарим, что ль, по коньяку?..

И закурим. И забудем,
кто — Колосс, а кто Клаас,
кто кого от смерти спас,
может, в самый чёрный час, —
дай-то Бог:
на радость людям!

Виктору КУЗНЕЦОВУ
ИЗ ПАЛАТКИ ВО ВЛАДИМИР,
ПОКА Я ЕЩЕ НЕ ВЫМЕР...

В населённый пункт Палатка,
где средь умных и глупцов
жил-жевал недавно сладко
друг мой Витя Кузнецов,

неожиданно, спонтанно,
под давлением тоски
прикачу из Магадана
на задрипанном такси.

Тут спиртное по талонам
и закуски — завались...
Впрочем, я ещё не сломан,
не в жратве, считаю, жизнь.

Не по кофию и чаю,
не по теше-балыку, —
по общению скучаю,
по конкретному дружку.

Кто бы знал и кто бы ведал,
что настанет чёрный год?
Вот и он супругой предан,
чёрт-те где теперь живёт.

Во Владимире, быть может,
и теплее, и сытней.
Но ведь век, что с бабой прожит,
прожит, всё же,
вместе с ней!

Пусть глупа она, лукава, —
ей подобным несть числа!
Жаль, с весны до ледостава
летних чувств не донесла.

Но того хужей на свете
жизни явный пережим,
что гуляют его дети
с дядькой — за руку — чужим...

Я пройдусь от дома к дому,
стопку хлопну, закушу
и отныне по другому
на Палатку погляжу.

Три версты в диагонали,
пять минут с конца в конец.
Как же нас не доконали
в сей канаве,
а, Кузнец?

Не тяну из тьмы фамилий,
вряд ли стоят имена,
чтоб их даже с кислой миной
поминали. Ну их на!..

В бабах собственных не видя
ни надёжи, ни любви,
не утопли мы в обиде
на весь мир. И на крови

жаркой, собственной, натужной,
презирающей тряпьё,
не захлебываясь дружбой,
всё ж, мы строили её.

Знали проблески и всплески,
темью шли и сквозь туман.
И светили нам — Смоленский
и — ого! — Оганесян.

А случись совсем обидно
на уме ли, на душе ль, —
Ю. Шалимов
мыловидно
улыбался до ушей
и, в кармане дулю пряча,
пёрся в души прямиком,
над рассказом чуть не плача
и рыдая над стихом.

Этой ложью во спасенье,
не линяющий с лица,
он надежды сеял семя
в наши нервные сердца —

только б вновь сдвигались кружки
и костёр был негасим
за посёлком, у речушки
с тухлым именем —
Хасын...

В чём речушка виновата?
Неухожена, мутна,
нерестовая когда-то,
нынче вымерла она:

нефтебаза-самолейка,
ГОК-вредитель, стоки ДЭС,
свинофирма А. Дылейко,
свинство РИКа, всхлипы СЭС...

Но, презрев самокопанье,
гениален и рисков,
в ней свершил обряд купанья
бывший бард
Н. И. Глазков.

Что ж, речушка — не речуха:
хоть и мутная вода,
а прозрачнейшие чувства
навевает иногда.

Не в воде, выходит, дело
(не в быту писателе́й!),
а, скорее, — что за тело
освежает душу в ней...

Ну, в Палатке тел — на выбор!
Вспомним каждый сам себе,
чего стоят В. Давыдов
и Сулим, который Б.,

вечный прапорщик Самара,
обер-диссидент Богдан
(туфли разные, а — пара:
тарахтит на шеях тара
для мозгов,
а ум не дан!).

Примыкают скромно,
с края
примостившиеся к ним —
люто любящая Рая,
лихо любящий Алим.

Но средь них мне всех дороже,
как шампанского хлопок,
сероглазый кот Серёжа —
плут по прозвищу
Пупок!

И обжулит — так открыто,
водку влей — не протёчет,
выпьет полное корыто
и тебе ж предъявит счёт...

Словом, уйма тел в Палатке,
но у нас не меньше дел.
Может, я на этой грядке
кой-кого и проглядел.

Видит Бог,
старался, вроде:
лиц не много — строчек тьма.
Да ведь снег на огороде,
что поделаешь? — зима.

Знать, и мне приспело в спячку.
Жаль: спиртного тут ни-ни.
Табачок и тот за пачку,
знай, гони-давай троячку!..
Так что, Витя,
ставлю точку.
Умотался. Извини.

ЗНАКОМОМУ ЮБИЛЯРУ
на 60-летие

Было время:
сокрушался,
что ему уж — тридцать! — лет,
а ни золота, ни шанса,
ни аванса даже нет.

Вот, мол, женщины не любят.
А и любят — так не те.
В норме печень и желудок —
пища не на высоте...

Ох, охальник! Ух, ублюдок! —
знал бы ты,
что на версте
около-шестидесятой
вспомнишь с грустью, и не раз,
как не маялся простатой,
геморройником не тряс,

ползал в кущи, лазал в окна
и при свете, и впотьмах —
и молва о том не молкла
во дворцах и теремах
вдов и жонок, и девах.

Уж не вдовушки ль и дочки
довели до обесточки
силовых твоих полей?
Страшен стал,
в упор приблизясь,
тела базис, духа кризис,
деформация рулей.

Вот тебе
и юбилей!..

— Бабка, слышь,
чайку налей?..

А. Б-ву

О чести и о блуде
нести нам в люди весть,
пока
такие
Люды
у нас с тобою есть!

Владимиру МЯГКОВУ —
художнику и стихолюбу
на его 60-летие

На волнах, и в сугробах, и в дюнах,
среди скал, кипарисов и льдин
много знал я художников умных,
но в стихах разбирался — один.

Землепащец, кузнец по фактуре,
рэкетир по спортивной спине,
любит он Гумилева в натуре,
"Капитанами" бредит во сне.

В силу внешних и внутренних данных,
поучая низы и верха,
сам ходил много лет в капитанах
при пиратской команде СХ.

Говорлив, артистичен, а кроме
знали все — и газет не читай, —
если рявкнет Володя в обкоме —
с барских люстр облетает хрусталь!

Или, бред на холсте обнаружив,
из-за пояса рвёт мастихин
так, что сыплется охра снаружи,
изнутри леденеет кармин.

Но и сдавши начальственный мостик,
хлопья пены стряхнувши с подков,
вешал он графоманов на гвоздик,
на цугундер сажал дураков.

Не случайно и дети, и внуки
на него, как на монстра, глядят:
разве трутню даны эти руки,
этот мудрый и пасмурный взгляд?

Переполненный мёдом и ядом,
всё ж скажу — как поэту поэт:
очарованный Озером Чадом
и сияньем брабантских манжет,
не узришь ли Некрасова рядом
и его командорский куплет? —

"*Назови мне такую обитель,
я такого угла не видал,
где бы сеятель твой и хранитель,
где бы русский мужик не стонал...*"

Всем ты, брат Николаич, прекрасен,
но сорви с тайны века покров:
кто ж отец твой —
Никола НЕКРАСОВ,
или, всё ж, —
Николай ГУМИЛЁВ?

**Владимиру МЯГКОВУ — художнику,
автору эскиза к моему портрету,
с запоздалым прозрением**

Мой портрет работы В. Мягкова
на стене висит передо мной.
Что же сделал я ему такого?
Что со мной он сделал, Боже мой!

Вязаная драная кофтёнка.
Вытек глаз. Обабела губа...
Даже здесь я вовсе уж не "пчёлка".
Даль передо мной не голуба,

а землиста. То есть, беспросветна.
Вдумаешься — оторопь берёт...

А ведь он писал меня в то лето,
когда жизнь была ещё согрета
верою, стремлением вперёд.

Были ещё силы. Доставало,
так сказать, задора и огня...
Потому и походил так мало
тот портрет — на этого — меня.

...С той поры лет семь прошелестело
над страной и кумполом моим.
До любовниц
мне уж нету дела,
до меня — уж дела нету им.
Лёд по жилам. Судорга пбд кожей.
Далеко ль естественный финал?
С каждым днём становится похожее
тот портрет — на сей оригинал.

Спать прилягу — отовсюду дует.
Водки выпью, — Господи! — горчит.
Мне уж и кукушка не кукует.
Вслед мне даже дятел не стучит.

А ведь было!
Стукачи, наружка,
макро-микрофоны под тахтой.
Утром встанешь,
а твоя подружка
нежно так, тихохонько на ушко:
"Милый, извини, я —
"подсаднушка"...
Тут уж хочешь — падай, лучше — стой!

Интерес такого комитета
общий интерес подогревал
к личности артиста ли, поэта,
журика, художника, эстета...
Кто б те дни и как ни обзывал, —
зритель — жил!
Читатель — ликовал!

...Жизнь уходит — сил не прибывает.
Уж о нас и сплетен не плетут.
На ковёр в обком не вызывают,
в КГБ под ручку не ведут.
(Но зато ведь и не издают.
Изданное — тоже не читают.
Счастье, хоть на улицах не бьют,
да — порой — в музеях выставляют).

А портрет...
Мне просто пофартило,
что художник взялся за него,
проявил талант и мастерство,
что его на мне "закоротило".

Словом, за такого "крокодила"
я ему желаю одного:
чтоб и впредь
прозрение
водило
мудрой кистью
друга моего!

АКРОСТИХ

Держась за собственную тень,
Урча стихом и прозой пучась,
Начнёт он с мата новый день,
А ночь сама найдёт, как участь,
Его, уставшего от дум,
В глуши колымских Каракум.

А я и рад, что есть другой,
Отмеченный такою ж думой,
Болец душой, дурак натурой,
Одной — возлюбленный — Фортуной,
Живущий — суккин сын, — с другой.

А всё равно, и во хмелю
Ю ай лав! —
я его люблю!

Народному артисту России Владимиру БАРЛЯЕВУ

Предвидя предстоящий юбилей,
сыграв на сцене множество ролей,
самим собой Владимир остаётся.
Театр в треморе. Зритель в нищете.
Но труппа всё равно на высоте,
пока в ней, верный дару и мечте,
поёт Барляев. Пусть ему поётся!

Ристалище таланта и труда,
в стремленье к совершенству неустанна,
пускай и впредь пребудет молода
его судьбы Полярная звезда
в созвездии
талантов
Магадана!

Александру ВАШКОВЦУ — скульптору, мастеру по дереву, камню, металлу, водке, хлебу и салу

1

Я отгадывать не стану,
сколько стукнуло Творцу,
извиняюсь, Александру,
повторяюсь — Вашковцу.

Весь — энергия и бодрость,
вдохновение, полёт, —
что ему почтенный возраст?
Он из лет верёвки вьёт!

Вякнет недоросль из стада
иль заученный вандал:
"Сила есть — ума не надо",
я отвечу без литавр:
для любого дела надо
трезвость мысли, ясность взгляда,
труд, и ум, и Божий дар!
А товарищ наш недаром
обладает Божьим даром.
Срубит, вырежет ли что-то,
замастырит, смастерит,
— Нетопорная работа! —
дядя Ваня говорит.

Пока те вон — травят байки,
те — грызутся, как собаки,
а он стружкою пропах —
и рубаха на распахе,
и работает вразмах
в храмах, в барах, в теремах,
для Наталки, для Кубаки,
при резце, и при рубанке,
на бруснике, на рыбалке,
на картошке и грибах —
с ярым
скрежетом
в зубах!

2

О скалоруб, о древорез,
бодрец и камня и металла!
Твои творенья, Вашковец,
любой украсили б дворец,
когда бы Русь,
при помощи кресала
чужие жопы не чесала,
когда б она бы наконец
таких —
как ты —
заобожала!

Валерию ЦИРЦЕНСУ на открытие выставки

О Цирценс! Тебя поглядев,
убеждаюсь, что я не дальтоник,
в чём сомневался уже,
повседневностью серой давясь.
Женщину кисти твоей
воспоёт ещё в одах Историк,
я же прошу об одном:
отпиши адресок, мы с ней выйдем на связь.

Тундра раскраски твоей — эти мхи, и берёзки, и
ряски радуги, зарева, небо, земля и вода...
— Слушай! А если отнять
у художника кисти и краски?..
— Он коробейником в тундру
с мольбертом вернётся тогда!..

Валерию ЦИРЦЕНСУ
по случаю его 50-летия

Как невнимательны порою
мы в нашем нервном беге дней
к возможному телегерою,
пока с небесных стапелей
на нас не спустят юбилей.
И выставку. И пир горою.

Вот — Цирценс.
В профиль и анфас
давно порхает среди нас —
такой щебечущий, журчащий,
как десять, двадцать лет назад.
И лыс уже, а — волосат,
кругами, а — прямоходящий!

Его картины — сплошь — кино.
Но остановлено оно,
что называется, на взлёте.
Вон лучик солнца просвистел,
то ангел в небе пролетел, —
Вы в нём — себя — не узнаёте?

Кино окончится, видение пройдёт,
вновь дух завязнет в бытовом бедламе.
Но лучик тот с холста не опадёт,
и ангел тот всегда уж будет с нами...

Окину окоём,
замру, не понимая:
жизнь — серая — кругом,
а у тебя — цветная!

То ль я — дальтоник стопроцентный,
не то в тебе двойной кураж? —
о Цитрус наш
флуоресцентный,
люминесцирующий наш!

И жаль мне, что не я пока
от всей души, посредством слова,
а Некто — ГТРВК
тебе в бессмертье дал пинка
с поддачи Саши Бирюкова.

И всё же,
богомаз Валерка,
души моей фонарь и грелка,
читатель, друг и судия,

живи и здравствуй — безразмерно,
но чтоб под прессом бытия
(и под софитами!)
не меркла
флуорес —
ЦЕННОСТНОСТЬ
твоя!

Ода на открытие выставки
художника А. ПИЛИПЕНКО

Сегодня мы с вами узнали, что значит "нетленка"!..
...Мне нравятся: масло, гуашь,
карандаш, антураж Пилипенко,

холсты его, рамы, фломастеры, кисти и перья,
посредством которых нам автор внушает доверье,

восторг, оптимизм, но при этом и чувство печали,
которого раньше мы, вроде бы, не замечали —

печали о том, что натурщицы нашего Саши
взглянуть — так свои, а задуматься —
так ведь — не наши!

А что же до собственно славных работ Александра,
так тут нас и вовсе уместная гложет досада —

ведь большая часть их сегодня же будет в продаже!
А значит, нам их не увидеть уже — в Эрмитаже,

в Манеже ли, в Лувре, да даже и в мэрии нашей...
Вот так издевается рынок-подлец
над художником Сашей!

Всего и надежд, что он молод,
что боль мою слышит,
а значит нетленок для нас
еще новую уйму напишет!

Геннадию СКИРПИЧНИКОВУ —
другу, художнику по самоцветам
на 60-летие

Течёт вода, лёт лет не сбавить,
прошедшего не повторить,
не сделанного не исправить...
Но не спеши себя корить.
Мы вправе с тем тебя поздравить,
что в 60
ты гож искрить

и радость нам уж тем дарить,
что не научен ни лукавить,
ни врать, ни красть, ни шестерить.

В защиту собственных творений
на подлом рынке иномнений
пиджак в смятении не мни.
Ответствуй смело:
"Да, не гений.
Зато — Геннадий! — чёрт возьми".

Под перестроечный кадрилец
одни сломались, эти смылись,
и опохабели вон те.
А мы, в российской простоте,
стремимся, как всегда стремились,
всё к истине да красоте.

А если что недосвершили,
чего недо-изобрели,
так и об этом не скули.
Мы, может, тем и правы были,
что мозги людям не сушили,
что лишний раз не согрешили,
подлянку не произвели.

За Божьи планы не в ответе,
хочу и сердцем, и строкой
твоё восьмидесятилетье
встречать вот так же —
в мастерской!

**Евгению КОЗОВЦУ —
зубному волшебнику,
с благодарностью**

Облегчив мне жевательный процесс,
ты выразил решительный протест
застойным кривотолкам света
и доказал
(без пистолета!):
дантист — не только не Дантес,
но самый ценный друг поэта!

**Тамаре ИВАНОВОЙ —
в день полу-юбилея!**

Черномырдину не пара,
Иванову — в самый раз,
хорошо, что ты, Тамара,
в эту пору родилась.

Нас с рождения жалея,
видно, чувствовала ты:
в эти дни без юбилея
нам бы попросту кранты.

Без тебя бы ни собраться,
ни попеть, ни посмеяться,
ни поплакаться гуртом
не смогли б мы. Правда, Том.

А ведь вот: сидим красиво,
над столом — и дым, и пар.
Уж за то тебе спасибо,
что ты есть у нас, Тамар!

Муж чегой-то трезв и зорок,
но мы рядом, не боись.
Пятьдесят — оно не сорок,
но, однако, тоже — жизнь.

Не легко ей нам даваться,
нам хлопот с ней тоже во!
Пятьдесят — оно не двадцать,
но не двести ж! Ничего.

Не склоняйся — не слониха.
Не робей — не воробей.
До ста лет, минуя лихо
и не ведая скорбей,
доживи светло и тихо
и влюблённо, Том.
Налей!

**Геннадию КОВАЛЕНКО — другу, писателю
и бывшему колымчанину,
на Украину, в город Бердянск**
(подпись к снимку)

Сошлись два друга
пропустить по чарке,
не захвативши рюмок по запарке.

На фоне этой карты мировой
им пить "из дула" — тоже не впервой.

Они и в бухте Гертнера, бывало,
бывали. И пивали. И немало.
А и в Бердянске ежели сойдутся,
так тоже ведь, на радостях, напьются —

отравою, горилкою, бальзамом
за то, что в этом воздухе базарном
друзей своих не продали, не сдали,
да вот и сами гадами не стали...

А нынче — в Магадане —
беспризорно
я пью за пляж на берегу Азова.

ОБЩЕСТВУ КНИГОЛЮБОВ НА НОВЫЙ 1980-й И БЛИЖАЙШЕЕ ДЕСЯТИЛЕТИЕ

Пусть в новом году книголюбам
везёт, как порядочным людям,
а то есть,
чтоб даже для них
хватало бы в обществе
книг!

А впрочем,
не книгой единой
порядочный жив человек.
Охотится он за рядниной,
за винами, за олениной,
за рыбой по имени хек.

Так выпьем, друзья, по единой,
а после еще по единой,
чтоб не подавился рутиной,
влюблённый в писателей, век!

ИЗ НАДПИСЕЙ НА КНИГАХ

1

...Но чем бы мы были согреты,
чем полнили б память на вдохе,
когда б не чукотские ветры,
не встречные ветры эпохи?!.

2

Извините, Ваша милость,
бережливости ль вина
в том, что книга сохранилась,
словно в сейфе хоронилась,
страхом девственным пьяна?
Да читалась ли она ?!

Книгу честную читая,
оставлять бы надо след
на страницах — кофе, чая,
слёз, нервических помет,
коньяка и сигарет
(да простят мне этот старый
добрый авторский совет!).

Петру РЕГЕРУ, приславшему автору журнал "Сибирские огни" из Билибино в Магадан с нарочным и оч.приятной вестью

Дорогой товарищ Петя!
Ты — душевней всех на свете.
В благодарность за "ОГНИ",
шлю стихи свои. Они

мыслям автора в журнале
соответствуют едва ли,
но души моей волне
соответствуют вполне.

Буду рад и счастья полн
(да свершится это чудо!),
если общих наших волн
совпадает
амплитуда.

Из воспоминаний художника Ольги ФЕНТЯЖЕВОЙ, написанных ею в 2057 году
(по достижению ею примерно нашего возраста)

"...Тот век, к сожалению, невозвратим.
Я помню его — на закате, в уроне...
Барак в Магадане (террасы на склоне)
считался салоном для лучших картин.
Для лучших — на общем безрадостном фоне.

Бывали там всякие: трезвые в дым
и пьяные в стельку, и нюни, и сони,
Титаны и Гении. Словом, — кильдим:
Россия при Ельцыне — как при Бироне!

Мне было лет семь. Я слыла молодым
художником в ихнем прокислом бульоне.
Прытков же — поэт снегопадов и льдин —
однажды заметил:
"Вот мы тут сидим,
а знать не желает из нас ни один,
что Оля — художница номер один
из века грядущего
в этом салоне!.."

1997

ДОБЛЕСТНЫМ ХОЗЯЙКАМ КТИ * В ЧЕСТЬ ДНЯ БИБЛИОТЕК

Клуб званых на пирожные и чай,
собрание поклонниц и талантов,
в традиционном обществе галантном
успешно, как и прежде, совмещай
соитие солистов и салатов.

И продолжай традиции Отцов.
толк понимавших в книголюбском деле,
дабы чтецы любили бы — писцов,
певцы — пивцов,
и чтоб в конце концов
ни те, ни те
об этом не скорбели.

---

* КТИ — клуб творческой интеллигенции.

И чтобы активистки КТИ,
давно уже нам ставшие родными,
мечты свои и помыслы свои
не связывали с Клубами иными.

Да будет вечным наш патриотизм,
зауженный до стен библиотеки,
где равны и художник, и артист,
авангардистка и мемуарист
и прочие — с заскоком! — человеки.

...Застопорю коробку скоростей,
живой воды стопарик опрокину -
за праздник,
за хозяек,
за гостей,
за Огнь в крови,
за Кошелеву. Нину!

Вяч. Вяч. ОГРЫЗКО —
критику, североведу

Молодой, красивый и непьющий,
жить решивший годиков до триста,
пленник вдохновения и риска
с критикой вдоль Арктики идущий,
кто во льдах достоин обелиска? —
Вездеслав Всеславович
ОГРЫЗКО!

"ВЕЧЕРНЕМУ МАГАДАНУ" — 5 лет!

Тост первый:
Пять лет — не возраст. Но пора
прикинуть первые итоги:
как и о чём
ещё вчера
писали признанные боги,
гроссмейстеры и мастера
и просто рыцари пера
свои талантливые строки,
обивши ноги о пороги
администраций,
где мура
часами льётся из ведра,
а ты найди иголку в стоге,
пронзи нас ею до нутра
в статье, ремарке, монологе...
Вы это делали.
Ура!

Тост второй:
Спокоен,
строг не по летам,
взрослеющий от лета к лету,
по литераторским трудам
свет увидавшим тут и там,
не зря
"Вечерний Магадан"
заткнул за пояс
"Литгазету"!

Вадиму КОЗИНУ — 90

Сам себе награда и обуза,
чудом избегающий сумы,
Соловей
Советского
Союза
затухает в дебрях Колымы...

НА 60-летие "МАГАДАНСКОЙ ПРАВДЫ"

В дни нашей молодости бурной
для вдохновенного стила
была ты сценой и трибуной,
и грозным окриком была.

В года, по-новому крутые,
честь запродавшие рублю,
я чту газеты молодые,
но эту —
СТАРУЮ —
л ю б л ю !

А. Б.
К ГРАВИРОВКЕ НА БУТЫЛКЕ

Понемногу. В холода
принимайте.
И когда
окрылится дух во плоти,
вдруг на взлёте
вы поймёте —
КАК ЗАВИСИТ ИНОГДА
СОДЕРЖАНИЕ ТРУДА
ОТ ГОРЕНИЯ
В РАБОТЕ!..

Валерию ФАТЕЕВУ —
поэту, прозаику, директору Маг. кн. изд-ва
по случаю 50-летия

МАДРИГАЛ

В силу объективных
и иных причин
нынче ты — противник
пишущих мужчин.

И не бит каменьем
по больным местам
лишь за неименьем
в граде Магадан
ямбом и хореем
пишущих мадам.

Пламенем не пышешь,
льдом не обдаёшь.
Сам стихов не пишешь
и нас не издаёшь...

Однако же, Блистательный,
будь здрав, плечист, речист —
Союза, дрын, писателей
пассивный
активист!

К глубокому сожалению автора, адресат обиделся на данное поздравление и прислал раздражённый "ОТВЕТ", в ответ на который нам пришлось сочинить "МАДерГАЛ-2". Оба текста здесь и приводятся (разумеется, с точностью до запятой).

Валерий ФАТЕЕВ: "ОТВЕТ"

И любовь бывает зла
Как и наши души,
Хорошо из-за угла
Друга оглоушить.
Поэтической строкой
врезать, как каменьем
А ведь искренний такой
Был ещё намедни.
Все про музу говорил,
Все властя ругал он...
А теперь вот одарил
Гнусным мадригалом...
Лучше б рукопись принес
И растрогал нас до слез.
А то в елках-волки,
В Магадане Пчелкин.

В. ФАТЕЕВУ: "ОТВЕТ" в ответ на "ОТВЕТ"

...И пунша пламень голубой.
А. Пушкин

Любовь не зла, Валерий. В пятьдесят
пора бы отличать гандон от груши.
И рифмовать опрятнее. Висят
из строк твоих то "каки наши души",
то архи-андеграундом форсят
(как титьками!) слоновьи "огло-уши".
Пиши как есть. И принимай как есть
всё, что роится в воздухе упругом,
собою возмущаясь, а не другом.
Я чествовать тебя имел бы честь
и за года. Но вышло — по заслугам.

Пчела, она с рождения — пчела,
ей чуждо мысли праздное витанье.
Ужалила? Выходит, за дела:
какое чтение — такое почитанье!

Я что-то, очевидно, проморгал,
тебя поздравив недостойно сухо,
раз "гнусным" обозвал ты мадригал,
где в честь твою
пусть пунш не полыхал,
но всё ж, — благоухала! — медовуха.
Издатель мой! Почто лишён ты
слуха?..

P. S!
Я не писал стихов "из-за угла",
читал тебе — при людях, а не втайне.
"Властя ругал"? Так вся моя хула
уж тиснута в "Вечернем Магадане"
и твой — донос — не принят в "ихнем" стане...
Не Пчёлкин зол. Твоя обида зла.
Питанье ль дрянь? Худое ль воспитанье? —
но пахнет шерстью драного козла.
Бай-бай! Ариведерчи!
До свиданья!..

НЕСКРОМНОМУ ЮБИЛЯРУ,
предлагавшему приглашённым
на свой торжественный вечер
"сыграть свиту Его Величества"

Едва представлю в свите Короля
свою несовершенную персону —
как чувствую в душе "Полёт шмеля"
иль марш, — ах, марш! —
на зависть Мендельсону.

Как-будто снялся в роли костыля
под мышкой Их Величества. Не каюсь,
но радуюсь и плачу: о-ля-ля! —
ведь состоять и в псах у Короля
не всякой Шавке счастье кувыркалось.

...Но я себя держу за Кобеля,
свободного от псарни,
ваша Малость!

ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИМ

1

Проскрипевши по жизни полвека,
не спеши подбивать "итого".
Не гордись. И не ной. Ничего! —
Ты пока еще пол-Человека,
ибо жить тебе до ста. Всего!

2

Я не стыжусь иронии своей
и заявляю прямо и открыто:
полсотни лет — еще не юбилей,
но... — время
перековывать
копыта!

ВОСПОМИНАНИЕ

Вот мы и дожили!.. Тайно,
в час, предназначенный сну,
не прикасаясь к вину
семь мудрецов Магадана
думают думу одну.

Древняя Греция, где ты, —
Фалес, Биант, Клеобул?
Мудростью вашей согреты,
ваши коллеги — поэты
истину — батюшки светы! —
ищут впотьмах наобум.

Но! Как лучи Аполлона
таяли в тучках Пифона,
так голубые мечты
лучших философов края
вязнут, просвета не зная,
в "штучках"
Альчона Мифты...

Владимиру ХРИ-ву
ЭСКИЗ ЭПИТАФИИ

(предложена к написанию
жителями русской деревни,
что при царях прозывалась Белой,
большевиками названа Красной,
а нынче вот стала Чёрной
по полной программе,
во всех смысла́х)

Напишут люди деревни Чёрной
на белом камне
про то, что был он — удак учёный
(не трожь руками!),
крестьян не мучил, свиней не резал,
сажал картошку,
болтал помногу, до вдов был резов,
писал потрошку.

Про что писал там — не нам судачить,
не мы читали,
а раз не знали — не знали, значить, —
и все детали!

Ходили, правда, — молва, поверье,
враньё, обида —
что сам он — чукча, а на деревне
живёт для вида,

для куражу ли, для антуражу,
от баб ли скрыться
(при нас чужих не топтал ни разу,
как говорится,

а ежли где-то, какую, сколько,
каким макаром, —
с его радаром, — раздайся койка! —
обмен товаром).

Он редко жил тут, почти наездом,
куда мотался,
чем занимался, — про то не ведам.
И чем питался,

не знаем тожа. Пил самогонку
(на дармовщинку!),
был скуповатым — порой иголку
сдавал в починку.

Бывало, выпьет, задервенеет,
глазами хлопат,
"Иде я?"— спросит, и потемнеет;
в народе — ропот.

Какой-то Врангель припоминает,
Пчелу, Мифтушу.
А хто такие? Да хто ж их знает,
язви их душу.

Небось, такие ж, как сам, отщепы
и никудыки.
Да уж исчез бы скорей ваще бы,
чем делать дырки

в уме народа и государства...
Скажи на милость,
вот он закончил свои мытарства, —
что изменилось?

Ушёл — не вякнул, а люди стой тут
нарастопырку:

ни к коммунизму, ни в перестройку.
Как под копирку,

звереют люди, собаки лают,
коровы дохнут,
и бабы люты — одно и знают,
об том и сохнут.

Покойся с миром, о двуяичный
рассадник блуда! —
не свой, но милый,
приезжий, пришлый, —
зачем, откуда?

На Станислава ОЛЕФИРА —
члена Союза писателей России

1

И в газетах, и в эфире
Олефир... —
об ОЛЕФИРЕ!..

2

Гордится тем, что он знаком с Шахраем.
Знаком ли с ним Шахрай, — мы этого не знаем.

3

Кандидат от морпорта и "Водника",
всех эвенских народов спасатель,
не читал он "Записок охотника",
но охотно писался:
ПИСАТЕЛЬ.

На Альберта АДАМОВА —
автора книги стихов "ХАРАКТЕР"

1

Открытый "Характер" лежит на столе.
Закрытым — он тоже лежит на столе.
А если его
положить на окно?
Открытия в нём
не найти всё равно!

На Владимира ПЕРШИНА —
автора книги стихов "ВТОРЖЕНИЕ"
(от имени книготорговцев)

Он вторгся в книжный магазин.
Но как нам
выторгнуться
им?!.

На Александра БИРЮКОВА —
председателя комиссии
памяти репрессированных писателей

Он, в целом, писателей любит,
хотя и на свой стиломер.
Из мёртвых поднимет, пригубит,
урежет, расширит, углубит,
укажет формат и размер.
А что ж до живых, например,
позволь —
так в капусту изрубит
всех членов СП СССР!

На перелом ноги
стихотворца Э. ТРЕФИЛОВА

Терплю я лесть, сношу обман,
прощаю творческий туман
и завиральную идею,
но откровенно сожалею,
когда угрюмый графоман
ломает ногу,
а не шею!..

НЕ ПОТОНУ...

"И лишь по книгам наш потомок
Узнает, как мы шли сюда
И край вздымали из потёмок..."
Пётр НЕФЁДОВ

Что день грядущий нам готовит?
Мне — путь в историю — открыт!
В потёмках вижу, как потомок,
стихов моих сжимая томик
судьбу за то благодарит,
что, просветительский на вид,
мой стих не хнычет, и не стонет,
не блещет,
но и не горит,
а знать хотите, —
и не тонет!..

На Кирилла НИКОЛАЕВА — автора книги "Севером овеянные строки"

Сей проштудировав трактат,
ей-Богу, я безмерно рад,
что постулат нашел искомый:
Кирилл
Мефодию —
не брат.
И даже больше:
не знакомый!

ОКОЛОКОЛЕННОЕ НЕТЛЕННОЕ

"Много ли нужно, сорвав на бегу
шубу и шапку, не сняв рукавицы...
...рухнуть в колени и не шевелиться."
"Моя пристань — твои колени..."
Михаил ЭДИДОВИЧ

Много ли надо? Крои не крои,
надо (всего-то!) во имя сюжета,
чтобы ты рухнула в ноги мои.
Да. На колени. Много ли это?

Я заслужил. Я ещё заслужу.
Господи! Я поклянусь в упоенье,
что лишь тобою одною дышу...
Рухнешь — не рухнешь? Не то, ухожу
в стихотворенье.

Наше боренье навязло в ушах
воздуха. Глупая, будь же гуманней,
сбрось эту шубку, и шапку, и шарф,
много ли надо? — ещё только шаг,
стих и в кармане!

Вот и порядок. И полно реветь:
в этой вселенной теперь мы нетленны,
книга моя нам не даст умереть.
Вот, почитай...
Ну, возьми посмотреть...
Ну,
подстели
под колени!

КУ-КУ-КА...

"...вроде кукушки какой..."
Виктор НИКОЛЕНКО

Долго ли голод мне мыкать,
неутолимый такой:
мукать, мяукать, курлыкать
и куковать, и кувыкать,
мозг кувыркать над строкой?
Только мука под рукой!
Ну, посочувствуйте вы хоть, —
дайте-ка кашки какой.

КРАСНАЯ КНИГА

"Я не знаю, вытерпит бумага ли,
но осмелюсь попросить о том,
чтобы занесли в неё и Маугли,
вскормленного волчьим молоком...
...Вымирают на земле, как мамонты.
бескорыстье, мужество, душа."
Александр ЧЕРЕВЧЕНКО

От Примагаданья до Прибалтики
фауна и флора — в честной панике:
НТР в Госплане не учли,
палку перегнули, дали маху ли,
только нет на свете больше Маугли, —
всех как есть
наукой извели.

Этот свет повального учения
требует от нас слезоточения,
упражнений сердца и ума
ради исправленья искривления
верного, по сути, направления,
в сущности —
неверного весьма.

Ибо, как-то, знаете, не верится,
что душою не с кем больше мериться
в благородстве, в мужестве, — во всём,
чем сильны так были, хоть неграмотны,
зверодинозавры, папумамонты —
уроженцы девственных лесов.

Что же, и спросить, выходит, не с кого,
что от Марчекана и до Невского
ни души: полынь да лопухи?
Честных-то во всей этой истории
только ты да я,
да те, которые
эти вот
печатают
стихи!

ПОРА ТОПОРА

"В литературу пора бы...
А может, не та пора?.."
Игорь КОХАНОВСКИЙ

— В литературу пора бы! —
взмахнул топором прораб. —
Мы не рабы, чтоб ради
рубля упустить парад.

Немы — не мы и нами
нечего помыкать,
нашими именами
попробуйте
помахать,
как матадор — мулетой,
как маской — Марсель Марсо.
Слыхал, как Шульженко "Лето
бабье" поёт? И что?!
На флаги, на транспаранты
рубайте скорей мой стих!..

...В литературу пора бы.
Как там ветер,
не стих?..

..И ДОЖДАЛСЯ, НИЧЕГО!

"Ничего, что я жар-птицу
до сих пор не смог поймать.
Ничего, что в листопадах,
загрустив наедине,
бродит ветер, ищет клады
влажных лиственных монет...
Прилетит ко мне жар-птица
крылья мокрые сушить."
Андрей ГАЖА

День за днём, как говорится,
ждал-пождал мой брат пиит:
вот-де явится Жар-птица,
или Огнь, иль Царь-девица,
то есть —
Муза прилетит.

Облетали листья с ветел.
охмурялся белый свет,
в листопадах грустный ветер
рыскал в поисках монет.
Время шло, а Музы нет.
Но упорно, ликом светел,
всё кого-то ждал поэт.

И однажды —
о, босое
счастье отроческих дней! —
словно Фея, невесома
(человек ли, хромосома?),
снизошла к нему — Засоня
и промолвила:
— Налей!

Ну а там, как говорится,
масть сама собой пошла.
И ничто,
что та девица
не смогла в него влюбиться,
вдохновеньем не ожгла,
что пришла не отвориться,
а проспаться, обсушиться,
даже то,
что та Жар-птица
мокрой Курицей была, —
н и ч е г о!..

ВОЗВРАТНОЕ ОСЕНЕНИЕ

"Я вернусь из дальнего похода
смутный, огрубевший, как варяг...
И скажу, оглохнув: "Отворяй..."
...Ты держи меня, я упаду..."
Владимир ПЕРШИН

Воротясь из дальнего маршрута,
тормознув, как "жигули" на льду,
я подумал: "Вдруг не упаду?.."
...Ты в меня смотрела очень круто.

— Отворяй, — сказал тебе, — калитку,
ври: мол, излюбилась, изждалась.
Ась?!.
Но в ответ мне, выдавив улыбку,
ты стихами горько залилась.

Малость огрубевший, сбитый с толку,
но, как прежде, сам себе кумир,
я их слушал долго, очень долго
соображая: "Кто ж их сочинил?"

Как же мелко, вуз, ты нас готовишь,
если я не в силах переплыть
интеллект супруги?.. Волчья сыть! —
это ж может быть не Эдидович,
может и Черевченкой не быть.

Вроде и на Пушкина не тянет,
и до Евтушенки не дожал,
Пчёлкин так писать уже не станет,
а Гажа — покамест — моложав...

За окном пургой гремела полночь,
леденила грудь мою тоска.
Тьма поэтов! Разве всех упомнишь?
Ну хоть надоумила б слегка...

Лишь когда ты малость поостыла,
а во мне дорожный гнев опал,
до меня дошло — как осенило:
да ведь это ж сам я накропал!

P. S!
Пусть эти строчки
только тренинг,
всего лишь водка, а не спирт,
бери и помни: враг не дремлет,
но между тем
и друг не спит!

Из цикла "***ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ...***"

1. Владимир ПЕРШИН
БЫЛО У ДЕВОЧКИ ЯБЛОКО

Выхожу один я на дорогу.
И выходит девочка. Одна!
С яблоком... Ну, думаю, — хана!
Надо торопиться. На подмогу.

Сквозь туман, естественно, — Луна.
Трасса, разумеется, кремниста.
Битый час иду с ней, а она
всё не хочет яблоком делиться.

Я спешу. Задание горит.
Обо мне издательство скучает.
А она — с звездами — говорит,
а меня в упор не замечает.

...Через десять лет на Колыму
я вернусь по этому ранету:
"Дай, — скажу, — иначе отыму!"
Но она, потупя взор во тьму,
скажет: "Был Адам. Дала ему.
Вот — ребро.
А яблок больше
нету!.."

2. Геннадий ГРИНЕВИЧ
ДОРОГА ПО КРЕМНИЮ

"Геологам здорово платят."
"Девчата пели, будто плакали."
в сборнике "Я иду за тучами"

Мне кажется, дорога не кончается.
Она — как тундра,
только отличается
кремнистостью. Силициум О два —
дорожного основа вещества.

Иду по нём с желанием смотреть
до боли в переносице, как точно,
нетленно как сумел запечатлеть
другой поэт мои раздумья. Точка.

Не ждать уж мне от жизни ничего.
Идти вдоль туч, вздымая кварца порох.
Жена изменит — это ничего,
за то тебе и платят. Дуй, геолог!

Но почему в груди такая грусть?
С чего же мне так больно и так трудно?
Редактора я в тундре не боюсь,
читатель тут, тем более, —
откуда?

Пусть всё горит!
Расположусь в логу,
из рюкзака силициум достану.
— Гуляй, жена. Тебя я бить не стану.
Раз Лермонтовым быть я не могу,
так не уподобляться ж Регистану!

...Поёт по мне супруга, словно плачет.
А зря поёт.
Не Пьеха.
Не заплатят!

3. Анатолий ПЧЁЛКИН
ЕДИНОДУШИЕ

"Встретились. И замерли. И вздрогнули.
...Он в её потопал направлении,
а она, откуда он, пошла."
в сборнике "Душа болит"

Встретились. И скинулись. И вздрогнули.
Отдышались. Вздрогнули ещё.
Только половину с места стронули,
а уже на душах
горячо.

Осмелев, продолжили повторины.
Лишь когда пошло клонить ко сну, —
тронулись.
Телами в разны стороны,
а умом,
как водится,
в одну!

ВЕЩИ

"Раз десять поправишь рукой
На скатерти вилку, покуда
Случится нечаянно чудо
И мысль обретает покой..."
Александр КУШНЕР

Бывало, поправишь рукой
сервиз, что в серванте пылился,
и на душу сходит покой
такой, что и Блоку не снился.

Уронишь с водою стакан
иль ткнёшь сигаретою в скатерть —
и благость стекает к рукам,
к ногам — мерихлюндия катит.

А если не раз и не два
поправить хоть что-нибудь в доме,
так тут и сама голова
от счастья застонет в истоме.

И вот уже думы парят
и взгляд устремляется к высям...
А мне — дураки — говорят,
что мы от вещей
не зависим!

МУЗЛЕВАТЫЕ КУБЫТЬки

...лёгость, напух, насбирывать,
насладю, натористый, нащуняли,
невтутворь, неклепистый, молчеватый
и т. д. и т. п.
Иван ЛЫСЦОВ
ВО ВСЕХ СТИХОТВОРНЫХ СБОРНИКАХ...

Из какова словарёху
намышлявил я словцов,
молчеваю. Всех потроху.
Лындовайте на жарёху,
угостяю!
Ив ЛЫСЦОВ.

Я ТАНЦУЮ НА ПАРОХОДЕ

"На прогулочном пароходе
Карамель держу за щекою...
...Голосочек, дразня и муча,
Закурю сигарету "Прима"..."
Натан ЗЛОТНИКОВ

Голосочек мой ходит, бредит
Над Окою по непокою.
Скоро милка ко мне приедет
С карамелькою за щекою.

Голос мой огибает мели,
Но чихал он и на глубины.
В нём и хмели есть, и сунели,
И сияние пуповины.

Вдарит музыка вдоль по борту —
Всей аортою вдруг почую:
Мне уже не в крепёж с тобою,
А подайте-ка мне
другую!

Остальные пусть чешут мимо
Вместе с музыкой, потому что
Я курю сигареты "Прима"
И танцую
"Бэсамэ муччо"!..

РАНО, МАНАНА!

"Вода струилась из-под крана..."
"Да голову кружили розы...
Тебе еще, пожалуй, рано..."
Натан ЗЛОТНИКОВ

Как льды в Сахаре, с неба манна,
падёт к ногам моим Манана
и я взмолюсь, потупя взгляд:
— О, грёз гроза! Бальзам из крана!
Акселерат телеэкрана!
Прости, но я и сам не рад,
что ты со мною — равноправна...
А впрочем —
где уж там? —
навряд!
Тебе стихи читать-то рано,
а мне уж поздно,
говорят.

А Я ТАКОЙ, А Я ТАКОЙ!..

"...Чего от женщины хочу я?..
Я не верю в любовь без ревности...
Любовь, любовь освобождает дух...
И то, что было, то, что было..."
Валентин СИДОРОВ

В любовь без ревности не веря,
Я всё же очень огорчён,
Что ты, моею меркой меря,
Казнишь меня. А я при чём?

Когда, почёсывая темя,
С другой за столиком сижу,
С чего взяла, что в это время
Я не тебе принадлежу?

И если выпью с кем "Боржоми",
Глоток "Анапы" иль "Аи",
То так уж все чужие жёны
Отчасти сразу и мои?..

О, будь гуманна! От рожденья
Тобой одной душа полна.
Но ведь любовь — освобожденье,
Эмансипация она!

Так отпусти ж! Пусть Бог осудит
Мои грехи наедине...
Но если что
с тобою будет —
Ты скажешь мне,
Ты скажешь мне!

NEW-МИФОЛОГЕМЫ НА ВЕЧНЫЕ ТЕМЫ

"...И куда ты звонишь наугад,
Отлистав телефонный двухтомник,
И толкаешь — и пальцы дрожат —
Мой жетончик в монетоприёмник."
"Гопник...
...Не побрезгуй, рискни головой..."

Марина КУДИМОВА

1

Поглядела: за дверью сержант.
Позвонить попросился, нескромник.
Снял в прихожей подштанники, броник
и суёт, и поджилки дрожат,
свой жетон в мой монетоприёмник.

2

Гопник, срезавший мой кошелёк,
возжелал и хозяйку. Припёрся,
нагло на спину рядом прилёг
и зевнул: "Я — алкаш, ты не бойся!"

В Лету капала жизни вода.
Ночь тащилась. Судьба блефовала.
Не особенно я молода,
но ему: "Сам не бойся!" — сказала.

Страсти нет, так хотя бы подвой,
с нами полночь и крестная сила.
Не побрезгуй, рискни головой,
Поцелуй меня, новый Аттила!..

СТРЕССЫ ОТ ПРЕССЫ

"О, как подходит к штанге Рыженков!
Вот так крадётся, может, только львица.
...Приблизиться, собраться и поднять
Слова на грудь, потом — над головою."

Анатолий ГРАБОВСКИЙ

Крадётся к свету знаний Рыженков.
Штангист, кентавр, кариатида, львица, —
он в жизни этой лишь моих стихов,
их веса в светском обществе
боится.

А бычьей бы напрягся головой,
взял — хоть на грудь! — заглавную идею,
и стал бы Львом. Обрёл бы опыт свой
и победил редактора... Ридедю.

Вот я, — а что? — в поэзию входил
решительно. И пали ниц Зевесы...
Мы, Рыженков, обое — Геркулесы:
"Присел. Подумал. Победил!"
Ты — прессом, что ж.
А я — посредством прессы!

Я ХВОРИ САМ ТАКОЙ НЕ РАД...

"Едва касаясь ветвей..."
"И копошилися кусты..."
"Он хвори сам такой не рад...
Меха то съёжатся, то вдруг...
Ему ребята: "Брось ты, Вань!"
А он всё льнёт к тальяночке."

Алексей КОЗЛОВСКИЙ

Стихи писать — кромешный ад,
но на изломе вечера
любому делу будешь рад,
раз делать больше нечего.

И я сажуся. Вот гармонь,
а вкруг меня — гармония.
Меха слегка изъела моль,
так это ж — экономия.

Меха скукожились, а всё ж,
возьмёшь гармонь под планочки —
и рифму выдаст, хошь не хошь,
а мысли нам — до лампочки!

Мне эта хворь не по нутру —
вся печень ей испечена.
Вон, дело движется к утру,
а я не евши с вечера.

Ой, всполошилися кусты,
моих кудрей касаяся...
...Стишок готов. Куды нести,
ответь, моя красавица?

И Зинка шепчет: "Ясно, Вань,
стихи в редакцию тарань!"
А я боюся: "Что ты, Зин,
при чём тут книжный
магазин?!."

СТОЛ НАХОДОК

"А может, быть такой есть стол находок,
Где все потери ожидают нас?.."
"На глазах твоих нет огня."
"Как грустно, что всему
Положен свой предел..."
"Что ты открыл измене дверь..."

Наталья КАРДАШ

Обидно, что всему
один предел положен.

Терпенью моему
и знанью, предположим, —

на чьих очах огня
который год не видно?
(Что изменил — фигня,
не ясно, с кем, — обидно!)

С чего мы всё скучней,
и серость в нас — откуда?
Ну что нашёл ты в ней?
А я тебе — не чудо?

Такие же вполне
и грудь, и обородок.
Хоть что-то и во мне
найди. Я — стол находок!..

**На Алексея ДУНАЕВА —
прозаика и поэта**

Прозаик Дунаев поэту сказал:
— Ты пей, если хочешь, а я — завязал.

Дунаев-поэт потянулся в ответ:
— Пиши, если хочешь, нам с Музой — в буфет.

И Музу погладил поэт по плечу:
— Пойдёшь ли?..
Ответила мигом:
— Лечу!

И вышли они. И Дунаев-прозаик
вослед им подумал:
"Счастливый... мерзавец!"

ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ

1

"...Словно душу сдавил гололёд...
...Вон заходит на круг вертолёт —
Начинает разбрасывать сено..."
Станислав БАХВАЛОВ
в сборнике "Снеготаянье"

Пал на тундру крутой гололёд..
Стали ягели твёрже свинца.
Стихотворец в яранге поёт.
Он "вертушку" из города ждёт,
убивает-ца.

Над ярангой завис вертолёт.
Но не сел, сбросил с неба сенца.
О поэте не вспомнил пилот.
— Зарифмую тебя, подлеца! —
поэт сердит-ца.

Вот он песню допел до конца,
пару строчек в блокнотик писнул —
вертолёт лишь винтами всплеснул.
Захлебнулся. Двустишием. Влёт!

...А стихи унесли
в переплёт.

2

"Как после суховея...
Как мог я принимать
Удушье вдохновенья
За Божью благодать?"
Станислав БАХВАЛОВ

Озарение — от Господа.
Вдохновение — от Дьявола.
От Чайковского — симфония.
От порогов — перекат.
Почитай Гомера, — сплошь вода!
А поэзия Бахвалова,
это ж — грация, гармония
и "Рояль" —
...ректификат!

**Валерию САБКАЛОВУ —
скульптору, художнику**

Зубилом камень очеловечив,
забудь, Сабкалов, что ты не вечен.
мы все не вечны, — тем свет и мил.
Ваяй, Валера!
Лишь труд бессмертен.
Пусть не Державин тебя заметил,
но Аз —
воистину! —
оценил.

16.01.90 г.

На Дм. А. ПРИГОВА

Слух о тебе дошел до Магадана,
и потрясен им чукча и калмык,
отныне не читающие книг
ничьих,
а Д. А. Пригова — подавно!

На Евгения ПЛЕЧЕВА — художника, таксидермиста

Не золотник — а дорог
от Питера до Чукотки...
Характер у Жени — порох,
да жаль, отсырел.
От водки!

На Михаила ХАЗИЕВА — художника, автора многих портретов и шаржей на магаданских писателей

Ты увек-увечил нас навеки,
исковеркав лики и тела...
Ну откуда в малом человеке
столько
агрессивного
тепла?!.

На Б. Д. СТЕБЛОВСКОГО — директора Магаданского ОВЦИОМ

Он в арифметике не смыслит ни черта,
и это — его главная черта.
А то, что он — директор ОВЦИОМа,
свидетельством является того,
что у него всего лишь Люба дома,
а больше — и давненько! — никого.

НЕ "ЗНАК", А ПРИЗНАК...

"...Ну почему, Россия, ты убога?.."
"...Бредём толпой, надев на морды лица..."
"...Мужик из латаной двустволки..."
"... Мы, как навозные мухи..."
"Опять всю ночь собаки выли
на желтый серп иль на луну..."

Иван ГУЛЬ

Цикл "ЗНАК БЕДЫ" и др. ст-ния в газете "Маг. правда" за разные годы

Хоть на Луну,
а дай взбрехну!

РЕВНИВОМУ СТРОфТИВЦУ

Ещё сарказма моего
не натравлял я на него,
а он — гляди, — уже трепещет
и рыхлой рифмой в риф мой плещет
день ото дня смелей, наглей.
Бедняга! Счастлив
до соплей.

На Юру КОЗЛОВСКОГО

Едва вступив в Союз,
он двинул в коммерсанты.
Уж гением не станет он...
А САМ ТЫ?!?

P. S.
К КНИГЕ И СУДЬБЕ

Не радуясь залётному успеху,
живу как есть, прислушиваясь к эху
то глупой, то изысканной молвы.
Затихнет слева — нарастает справа.
Бояться б мне её крутого нрава,
а я не в силах преклонить главы.
Гуди, гуди, моя дурная слава, —
поэты, хоть посмертно, а правы!

Была б лишь правота моя не липой —
слезой по сердцу жизни многоликой,
судом над нею и любовью к ней.
А ты сгори, душа моя-чертовка,
на сковородке гнева и восторга,
распятою от кроны до корней
живительными соками потока
солёных дней.

СОДЕРЖАНИЕ

НЕПОГОДЬ
"Верил Сталину. Верил Хрущёву..." 2
"Скрип Державы. Стон души..." 3
"Я людям добрым доверял..." 3
"Тетрадь захлопну. Жить начну..." 3
НАВАЖДЕНИЕ 3
ЧУДОВИЩЕ 3
"Жив — так пой, а плакаться не дело..." 4
"Я люблю разговорную речь..." 4
ЗЕРКАЛА 4
СОН О СЫНЕ 4
В ТЕНИ КАРАДАГА 5
ПЕНИЕ В КОКТЕБЕЛЕ 5
ПИЦУНДСКИЕ ПЛЯЖИ 5
СТИХИ С МАНСАРДЫ 5
БРУСНИКА 6
ПАМЯТИ ПУДЕЛЯ 6
СТИХИ В АЛЬБОМ 6
КУПАЛЬЩИЦА 7
"День да ночь — сутки прочь. И опять..." 7
"Время пасмурное, осеннее..." 7
ТЕНЬ ТЕНИ 7
ГОРОД 8
СТРАНА-МЕТРО 8
ПРОТИВОСТОЯНИЕ 8
1. ЗАЧИН 8
2. ПОБЕДА 8
3. НАГРАЖДЕНИЕ 9
ПУЧИНА 9
1. "От трюмов до снастей разорена..." 9
2. "Чем помогу им, пожилой матрос..." 11
ЛЕСНЫЕ ПОЖАРЫ ЛЕТА 1993-го 10
"Толпа родит героя..." 10
"Ох, жутковато порой сегодня..." 10
ХРОНИКА ВОЗВРАЩЕНИЯ К ЖИЗНИ 10
1. "Проснулся после смерти. Хорошо..." 10
2. "Проснулся. После смерти. А зачем?.." 11
"И ты жила-была..." 11
ДАЧА 11
"Даль качают ветра..." 12
ЗЕМЛЯ ЗИМЫ 12
АНАДЫРЬ ("Октябрьское утро понуро, туманно...") 12
РАННЯЯ ОСЕНЬ В КРАСНЕНО 13
ПРАЗДНИК СНЕГА 13
СОН В ПУТИ МЕЖДУ РЫРКАЙПИЕМ И ВАНКАРЕМОМ 13
АНГИНА. Фрагмент 14
К ПОРТРЕТУ. Очерк 15

АНАДЫРЬ-1961 16
АЭРОПОРТ "АНАДЫРЬ", июнь-69 17
"А меня убьют сегодня..." 18
"Сознанье конца не страшило меня, не страшит..." 18
АНТОНИНЕ КЫМЫТВАЛЬ 18
"А душе, растерянной некстати..." 18
ХУДОЖНИКУ ("Всё молчаливей наши встречи...") 19
НИКОЛАЮ БЫЗОВУ 19
1. "А мы считали, что Свобода..." 19
2. "Чудится, видится..." 19
3. "Душа потери считывать устала..." 19
"Я был бесспорен, как дубина..." 19
"Это я, это ты, это мы, это — Русь..." 19
Б. А. СЛУЦКИЙ 20
"Когда не пишется, но хочется..." 20
"Знаю сам: на виду поколений..." 20
ЗНАК 20
Л. В. 20
"Как легко ты вошла!.." 20
"А может быть, ты мне сестра?.." 21
"Как меж двух автономных магнитных полей..." 21
"Отлюбили. Темно и светло..." 21
ЖЕЛАННАЯ 21
"Любимых не скрывают взаперти..." 21
СУПРУГИ 22
"Не ограничивал ни в чём..." 22
ПРИЛЕТЕЛА... 22
1. "Прилетела на несколько дней..." 22
2."У Охотского моря наваристее уха..." 22
3."Жить в полсотне километров..." 22
"А нашу любовь я ни прозой пока, ни стихом..." 23
БАБУШКА 23
ЯНВАРЬ 1999-го. ДЕД 23
"Ехать в автобусе, полном гусынь..." 23
ЗАЛОЖНИКИ СЕВЕРА 24
ОТЛИЧНАЯ ЖИТУХА, ГОСПОДА! 24
КАРТИНКА С РЫНКА 24
НАРОДУ, ПЬЮЩЕМУ В КУСТАХ 25
"Скажи мне, отчего ни холодно, ни жарко..." 25
КАЛЕНДАРЬ 25
1. "Чахнут рифмы. Тускнеет янтарь..." 25
2. "На фоне политических страстей..." 26
3. "Вот жил да жил. Не видел в том греха..." 26
4. "Ленив, ленив. Писал не по заказу..." 26
"В час, когда Звездолёт звезданёт белизну..." 26
"Проснулся. За окном..." 26
Ал. ДУНАЕВУ ("Безвыходность круга земного...") 27
КРЫШИ 27
"Тревогой заслоняясь от любви..." 27
"Всему своё время. Прекрасна пора..." 28
ПАРОХОДИК 28
ЭТОТ ГОРОД... 29
Б...ЛИКИ ВЛАСТИ 29
ПРЕТЕНДЕНТЫ В МОНУМЕНТЫ 29
ЦЕННОСТИ ДУХА 30
ЗАКОН ЭГОСИСТЕМ 31
КОНСПЕКТ СЕЗОНА. Старательские тетради 31

ДОСТАТОК 33
ПОГОРЕЛИЦА. Оратория 35
ОСТОЙЧИВОСТЬ ИСТОРИИ 42

Весьма ПРЫТКОВ. ПЕРЕВОДЫ С РУССКОГО 43
ЧИТАТЕЛЮ-СЧИТАТЕЛЮ 45
ЦАРСТВИЕ БАЛБЕСНОЕ 45
Я, НАЧАЛЬСТВО И "ПЕГАС" 45
ПРО КНУТА 46
БАБУШКИН КОЗЛИК 46
ГЛУпОКОЕ ТЕЧЕНИЕ 47
ПОСИДЕЛКИ У МОГИЛКИ ВНЕ БУТЫРКИ, ПРИ БУТЫЛКЕ 47
— ВАС "МАТРОССКАЯ ТИШИНА"-с! 48
НАШИ ИРОИЧЕСКИЕ БУДНИ 49
ТЕАТР РОССИЙСКОГО АБСУРДА 49
ГОД БЫКА 50
1. "Наступает Новый год..." 50
2. "Кончен Крысий год. Финита!.." 50
3. "Наступает Новый год..." 50
4. "Мы вступаем в год Быка..." 50
ПЛОХАЯ ВЕСТЬ К БЫВШЕМУ ПРАЗДНИКУ 50
НЕ ЛЕТАЙТЕ, ДЯДИ, В ЧИЛИ, ЧТОБЫ ВАС НЕ ЗАМОЧИЛИ 51
ЛЕТАЮЩИЙ МУЖИК 52
ГОСТЬ ЖЕМАННЫЙ 54
ПОТОК ПОЗНАНИЯ 55
КУРЮ 55
БРОСАЮ КУРИТЬ 55
ОДНАЖДЫ В МОСКВЕ, В ЦДЛе 55
"КАБЛУЧОК" В МАГАДАНЕ. 1969 57
БИТЬ ИЛЬ НЕ БИТЬ?.. 57

НАБЛЮДЁШКИ, РАССЫПУШКИ, ЗАПОМИНЮРОЧКИ и др. мелочи 58

СОФОКЛИАДА 63

ПОЗДРАВЛЮШКИ, ЭПИГРАШКИ, ПАРОДЫРКИ и т. п. 69
Юрию РЫТХЭУ. О рифме 69
И. С. РОЗЕНБЛЮМУ 69
ПОПРАВКА К ФЕТУ 69
Антонине КЫМЫТВАЛЬ — 57 69
Евгению РОЖКОВУ 69
МАГАДАНСКИМ ИЗДАТЕЛЯМ — накануне 80-х 70
А. БИРЮКОВУ — редактору... 70
ЕВАНГЕЛИЕ ОТ А. МИФТАХУТДИНОВА 71
Н. В. ПУГАЧЁВОЙ 71
М. ЭДИДОВИЧУ. РЕАКЦИЯ... 71
ПРИЛОЖЕНИЕ ДЛЯ МАРИНЫ 71
Виктору КУЗНЕЦОВУ — автору сборников... 72
Виктору КУЗНЕЦОВУ. ПЕРВОЕ ВОСПОМИНАНИЕ 72
Виктору КУЗНЕЦОВУ. ИЗ ПАЛАТКИ ВО ВЛАДИМИР 72
ЗНАКОМОМУ ЮБИЛЯРУ 74
А. Б-ву 74
Владимиру МЯГКОВУ — художнику и стихолюбу 74
Владимиру МЯГКОВУ — автору эскиза... 75
АКРОСТИХ 76
Народному артисту В. А. БАРЛЯЕВУ 76
Александру ВАШКОВЦУ — скульптору... 76

Валерию ЦИРЦЕНСУ на открытие выставки ... 76
Валерию ЦИРЦЕНСУ по случаю его 50-летия ... 77
Ода на открытие выставки А. ПИЛИПЕНКО ... 77
Геннадию СКИРПИЧНИКОВУ — другу... ... 77
Евгению КОЗОВЦУ — зубному вошебнику... ... 77
Тамаре ИВАНОВОЙ... ... 78
Геннадию КОВАЛЕНКО — другу... ... 78
ОБЩЕСТВУ КНИГОЛЮБОВ... ... 79
ИЗ НАДПИСЕЙ НА КНИГАХ ... 79
Петру РЕГЕРУ... ... 79
Из воспоминаний художника Ольги ФЕНТЯЖЕВОЙ... ... 79
ДОБЛЕСТНЫМ ХОЗЯЙКАМ КТИ... ... 79
Вяч. Вяч. ОГРЫЗКО... ... 80
"ВЕЧЕРНЕМУ МАГАДАНУ" — 5 лет! ... 80
Вадиму КОЗИНУ — 90 ... 80
НА 60-летие "МАГАДАНСКОЙ ПРАВДЫ" ... 80
А. Б. К ГРАВИРОВКЕ НА БУТЫЛКЕ ... 80
Валерию ФАТЕЕВУ. МАДРИГАЛ... ... 80
Валерий ФАТЕЕВ: "ОТВЕТ" ... 81
В. ФАТЕЕВУ: "ОТВЕТ" в ответ на "ОТВЕТ" ... 81
НЕСКРОМНОМУ ЮБИЛЯРУ... ... 81
ПЯТИДЕСЯТИЛЕТНИМ ... 82
ВОСПОМИНАНИЕ ... 82
Владимиру ХРИ-ВУ. ЭСКИЗ ЭПИТАФИИ ... 82
На Станислава ОЛЕФИРА — члена... ... 83
На Альберта АДАМОВА — автора... ... 83
На Владимира ПЕРШИНА — автора... ... 83
На Александра БИРЮКОВА — председателя... ... 83
На перелом ноги стихотворца Э. ТРЕФИЛОВА ... 83
НЕ ПОТОНУ (П. Нефёдов) ... 83
На Кирилла НИКОЛАЕВА — автора... ... 84
ОКОЛОКОЛЕННОЕ НЕТЛЕННОЕ (М. Эдидович) ... 84
КУ-КУ-КА (В. Николенко) ... 84
КРАСНАЯ КНИГА (А. Черевченко) ... 84
ПОРА ТОПОРА (И. Кохановский) ... 84
...И ДОЖДАЛСЯ, НИЧЕГО! (А. Гажа) ... 85
ВОЗВРАТНОЕ ОСЕНЕНИЕ (В. Першин) ... 85
Из цикла "ВЫХОЖУ ОДИН Я НА ДОРОГУ" ... 86
1. БЫЛО У ДЕВОЧКИ ЯБЛОКО (В. Першин) ... 86
2. ДОРОГА ПО КРЕМНИЮ (Г. Гриневич) ... 86
3. ЕДИНОДУШИЕ (А. Пчёлкин) ... 86
ВЕЩИ (А. Кушнер) ... 86
МУЗЛЕВАТЫЕ КУБЫТЬки (И. Лысцов) ... 87
Я ТАНЦУЮ НА ПАРОХОДЕ (Н. Злотников) ... 87
РАНО, МАНАНА (Н. Злотников) ... 87
А Я ТАКОЙ, А Я ТАКОЙ!.. (В. Сидоров) ... 87
NEW-МИФОЛОГЕМЫ... (М. Кудимова) ... 88
СТРЕССЫ ОТ ПРЕССЫ (А. Грабовский) ... 88
Я ХВОРИ САМ ТАКОЙ НЕ РАД... (А. Козловский) ... 88
СТОЛ НАХОДОК (Н. Кардаш) ... 88
На Алексея ДУНАЕВА — прозаика и поэта ... 89
ЗЕМНОЕ И НЕБЕСНОЕ (С. Бахвалов) ... 89
Валерию САБКАЛОВУ — скульптору, художнику... ... 89
На Дм. А. ПРИГОВА ... 89
На Евгения ПЛЕЧЕВА — художника, таксидермиста ... 89
На Михаила ХАЗИЕВА — художника... ... 90

На Б. Д. СТЕБЛОВСКОГО — директора Магаданского ОВЦИОМ 90
НЕ "ЗНАК", А ПРИЗНАК... (И. Гуль) 90
РЕВНИВОМУ СТРОФТИВЦУ 90
На Юру КОЗЛОВСКОГО 90

P. S. к книге и судьбе 90

П 92

П 92 Пчелкин А. А.
Непогодь: Стихи перестроеч. лет. - Магадан:
«МАОБТИ», 2000. - 94 с., 1л. портр.

Анатолий ПЧЁЛКИН (Весьма ПРЫТКОВ)

НЕПОГОДЬ
Стихи перестроечных лет

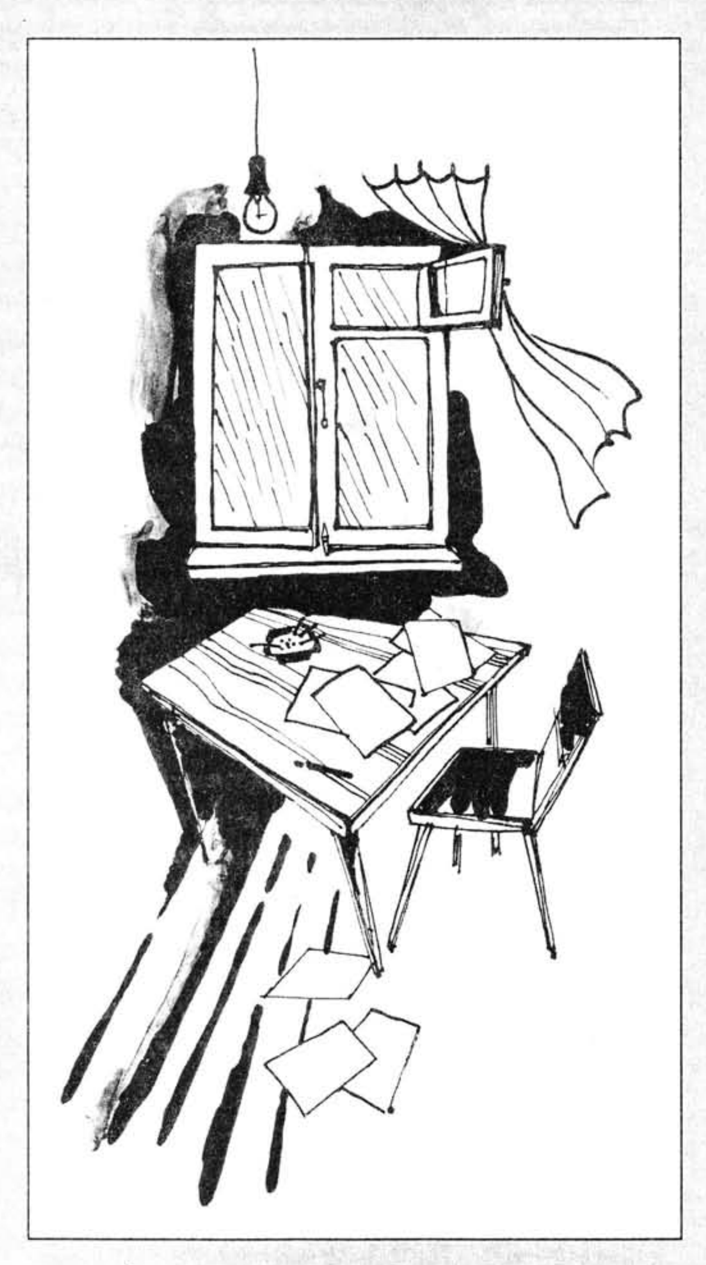
Редактор **Л. Н. Ягунова**
Технический редактор **А. А. Пчёлкин**
Корректор **Л. Я. Суслова**
Компьютерная вёрстка **Н. В. Ковякина**

Художник **Александр ПИЛИПЕНКО**

Лицензия ПД № 00213 от 20.12.1999 г.
Лицензия ЛФ № 010217 от 5.06.1997 г.

Издание безгонорарное

Сдано в производство 03.08.2000 г. Подписано к печати 14.09.2000 г.
Формат 60x84/8. Бумага офсетная. Тираж 1500 экз. Заказ 630.
Объём 12 п. л.
ОАО "МАОБТИ", г. Магадан, пл. Горького, 9.

Автор выражает искреннюю признательность благотворительному фонду "Омолон", за счет средств которого выпущена эта книга.

Имя Анатолия Пчёлкина хорошо известно любителям поэзии Северо-Востока России. Сборники его стихотворений – "Берег", "От Биллингса до Нольда", "Тринадцать месяцев", "Свет снега", "Мёрзлый ветер", "Душа болит", "Комната эха", "Глубина вздоха", в разные годы увидевшие свет в Москве и Магадане, получили самые доброжелательные отзывы критики и читателей. Его стихи и переводы с языков малочисленных народов Севера печатались в журналах "Новый мир", "Москва", "Октябрь", "Молодая гвардия", "Смена", "Полярная звезда", "Дальний Восток", "День и Ночь», "Дон" и "Донбасс", в антологиях, коллективных сборниках и альманахах, в газете "Литературная Россия".

Вынужденный "антракт", вызванный переустройством всего и вся на территории бывшего могучего государства, приостановил лишь периодичность выхода книг и широту публикаций, но не полёт и работу поэтической мысли. В течение последнего десятилетия поэт работал так же напряжённо и вдумчиво, с еще большим чувством ответственности перед своими читателями.

Тональность "Непогоди" во многом отличается от интонации предыдущих сборников, как отлична от лет минувших и сама контрастная наша действительность. Как писал о рукописном варианте "Непогоди" один из её первочитателей: "Здесь царит стихия смеха самых разнообразных тонов: от лёгкой иронии до гневного сарказма... точные, словно фотографически схваченные приметы времени: политические страсти и деятели прошедшего десятилетия, разрушающаяся страна, в одночасье обнищавший народ..."

Добавим к этому, что помимо стихотворной публицистики любители поэзии найдут здесь и тонкую лирику, и эпиграммы, и скабрезные сочинения Весьма Прыткова. Словом, книга полна неожиданностей. Приятных. Прочтите её!

Издатель

За рукопись книги стихотворений "НЕПОГОДЬ. Стихи перестроечных лет" Анатолий ПЧЁЛКИН удостоен звания лауреата и премии межрегионального конкурса литераторов Севера имени Ю. С. РЫТХЭУ 2000 года (учредители: Министерство культуры России, Ассоциация коренных малочисленных народов Севера Сибири и Дальнего Востока, Госкомсевер России, Администрация Чукотского автономного округа).